

Звезда и совесть

Фантастический роман*

Р. Г. Назиров

Пролог

Тиберий установил в империи железную строгость, однако в восточных провинциях не прекращалось брожение. Под видом кушцов или волхвов сюда проникали парфянские агенты; подстрекаемые разными подрывными элементами, мятежно шевелились жители Иудеи, которая подчинялась администрации сирийского легата императора.

Иудейского царства фактически уже не существовало. Последним царём был Ирод великий, союзник Октавиана Августа, известный своей страстью к архитектурным сооружениям большого размаха; родом идумеянин и типичный политический парвеню. Желая связать свою династию с Домом Давида, он женился на прекрасной Мариамне, дочери первосвященника Симона и внучке последнего царя из законной династии Асмонеев. Однако все усилия римского ставленника были напрасны: евреи его ненавидели и крепко помнили, сколь недавно презренное племя *эдом* (идумеяне) приняло обрезание и Закон Моисея.

Дошло до того, что *хевра* фарисеев (известное религиозно-политическое братство) отказалась присягнуть на верность идумейскому узурпатору.

Тогда он перешёл к политике террора. Казни произвели опустошение в иудейском обществе и в самой семье Ирода; незадолго до смерти он планировал одним ударом перебить всю еврейскую знать в ипподроме Иерихона, но не успел этого сделать.

Завещание Ирода утвердил Октавиан Август, как покровитель союзной страны. Полцарства унаследовал с титулом *этнарха* (народоправца) любимый младший сын Ирода — Архелай: он получил собственно Иудею, Самарию и Эдом. Он царил девять лет, и весьма жестоко; частые восстания против него методически подавлялись римлянами, но это вводило казну в расходы. Поэтому Август низложил Архелая и сослал его в Галлию, его области присоединил к провинции Сирия, а личные владения конфисковал.

Из другой половины царства по завещанию Ирода Великого богатая область Галилея и Перея достались Ироду Антипе с титулом *тетрарха* (четверовластный). Антипа (то есть Антипатр) был седьмым сыном Ирода Великого, в гареме которого до политической чистки, устроенной им в собственном доме, насчитывалось восемь жён.

Брат Архелая и Антипы, Ирод Филипп, получил заиорданскую тетрархию — области Итурею, Трахонитиду и прочие восточные окраины, граничившие с арабскими землями.

* Публикация подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16 – 14 – 02008.

Из сыновей Ирода Великого только Филипп снискал относительно расположение евреев: государь был миролюбивый и правосудный, правил долго и спокойно. Столицей его была Панада при истоках священной реки Иордан: он перестроил город, великолепно украсил и в честь божественного Юлия Цезаря назвал Юлией, но все звали её Цезареей (Кесарией) Филипповой, в отличие от других Цезарей, раскиданных по всей империи.

Вернёмся к Антипе. Монарх честолюбивый и грек в душе, он мечтал присоединить к галилейской тетрархии Иудею и Самарию, выпросить у Тиберия царский титул и тем придать своей зависимости от Рима более импозантный вид. В этих целях он афишировал дружеские чувства к Риму, создал храмы в честь Тиберия и свою новую столицу на берегу Геннисаретского (Галилейского) озера назвал Тибериадой.

К сожалению, Ирод Антипа был женолобив (удивительно постоянная черта во всей идумейской династии).

Во время одного церемониального визита в Рим (с соболезнованием Тиберию по поводу смерти его матери Ливии) Антипа остановился в доме ещё одного своего брата — тоже Филиппа, но не тетрарха, а изгнанника. Этот Филипп был сыном Ирода Великого и красавицы Мариамны, которая была задушена по приказу супруга, хотя он любил её больше, чем всех иных жён. Лишённый титула и наследства, Филипп жил в Риме как частное лицо; последний царевич, в жилах которого ещё текла кровь Асмонеев, он был женат на своей племяннице Иродиаде, красивой внучке Ирода Великого (все идумейские княжны славились красотой); у них росла дочь. На родине этому Филиппу докучали тайные симпатии врагов идумейской династии и некрасивые поползновения родственников; поэтому он предпочитал скромно жить в Риме на вспоможение Тиберия.

Она насмотрелась на царскую пышность галилейского дядюшки и приняла решение. Покидая берега Тибра, Антипа в благодарность за гостеприимство брата увёз с собой его жену, свою племянницу и невестку.

Кстати, у Антипы была жена — аравитянка, дочь одного из царей пустыни, но тетрарх поклялся Иродиаде развестись с женой.

Аравитянка не стала ждать развода. Она бежала в родную Каменистую Аравию. Отец её, эмир Хамет, разорвал дружеские отношения с бывшим зятем, а впоследствии объявил ему войну и нанёс жестокое поражение. Так или иначе, в Тибериадском дворце воцарилась Иродиада.

Итак, жена бросила мужа и ушла к другому. В Афинах или Александрии подобный великосветский скандал не имел бы особого резонанса: чем выше культура, тем легче нравы. Но евреи под тонкой оболочкой внешнего эллинизма хранили верность своему именуемому Богу (имя его оставалось табуированным) и верили, что за грехи властителей кару несут народы.

Разумеется, логики тут не было никакой. Почему боги должны вмешиваться в семейные дразги идумейских принцев, а тем более карать за них ни в чём не повинное население. Логика в этом не было ни на драхму, но политический смысл был.

Иродиане (партия идумейской династии) считались друзьями Рима. Суровые законы империи и строгое налогообложение, непривычное для Востока, оставались предметом жгучей ненависти евреев. Но Рим был несокрушим, а гнев Тиберия грозен. Народы, угнетаемые слишком сильными иноземцами, обращают свою ненависть прежде всего на своих собственных предателей.

Прелюбодеяние тетрарха галилейского давало законный повод этой ненависти. С момента прибытия Иродианы народные смутьяны не переставали осыпать её бранью, как женщину, забывшую Закон и стыд, как двумужницу и прелюбодейку. Но никто не смел громко выразить общее порицание.

И вдруг такой человек нашёлся.

Его звали *Иоханан*, что на древнем храмовом языке (в обиходе уже исчезнувшем) обозначало «Благодать Божия». Он был бродячий проповедник, каких в Палестине были тысячи. Но он отличался от всех других.

Иродиане считали его проходимцем и шарлатаном. Фарисеи, послушав его, пожимали плечами: «В нём бес!» Добросовестные скептики, начитавшиеся греческих философов, подтверждали, что это обыкновенный безумец, страдающий бредом величия. Простой же народ Галилеи почитал Иоханана пророком Божиим.

Самые ретивые его сторонники доходили до утверждений, что в лице Иоханана на землю вернулся сам Илия, который, как известно, никогда не умирал, а живым вознёсся на небо в огненной колеснице.

В пророческой книге Малахии было указано, что пророк Илия явится предтечей самого *Мессии* («Малка Машиах», Царя-Помазанника), то есть великого Избавителя. Напряжённое ожидание Мессии составляло суть духовной жизни евреев. Они верили, что Мессия сломает ярмо на шее избранного народа Божия; он станет на берегу в Иоппии и повелит морю выбрасывать жемчуг к своим ногам; он оденет свой народ в багряницу, украшенную драгоценными камнями, и будет питать его манной ещё более сладкой, чем какая ниспосылалась в пустыне после Исхода. Все эти легендарные пророчества были только формой поэтической экспрессии, без которой не умел мыслить этот упрямый и мечтательный народ. Главное же в иудейском мессианизме — пламенная вера в национальное освобождение и всемирное торжество. Поэтому дорогое имя Илии заставляло учащённо биться сердца людей. Так неужто он вернулся?

Вернулся Илия или нет, а Иоханан жил и действовал. Этот грубый человек отличался большой силой характера, поразительной внешностью и неслыханным бесстрашием. Не в тёмных конурах, а на равнинах он проповедовал всенародное покаяние, скорое пришествие Мессии, истинного царя Израиля, и Божию кару предателям, отступникам веры и распутникам. **ОН НАЗЫВАЛ ИМЕНА**. Галилейский пророк происходил из колена Иудина (одного из самых видных племён израильского народа), был сыном священника Захарии и принадлежал к числу *назореев*, или нозрим.

Назореем (от слова *назир*— священный обет) назывался аскет, человек святой жизни, давший обет воздерживаться от вина, всякого хмельного питья и от всего нечистого *и не стричь волос*, а это означало — не предаваться печали и не входить к умершим (острижение волос составляло часть траурного ритуала евреев). Назорейство могло быть временным или пожизненным.

Иоханан жил в пустыне, но проповедь его заселила эту пустыню: к нему стекались тысячи галилеян. Он воскресил в них давнюю гордость и жажду свободы, ибо стыд за грехи — возрождение достоинства. Ругая своих слабых и малодушных соплеменников, угрожая им карой, Иоханан тем самым заставлял их чувствовать себя людьми.

Всех приходивших к нему он подвергал омовению в водах Иордана, придав этому обряду новый символический смысл — очищения от грехов и рождения для новой жизни. В своих проповедях он неистово нападал на тех евреев, которые повиновались установленным порядкам и жили с римлянами в духе сотрудничества, что по латыни называется *collaboratio*.

Могучий голос «льва, вопиющего в пустыне» дошёл до слуха властителей Тибериады. Там Антипа, любивший языческую роскошь, задавал пиры, о которых писали даже римские поэты. Новая жена усиленно настраивала его на достижение царской короны. Она отличалась умом, но ум её служил только честолюбию и страсти к наслаждениям. Иродиада имела на Антипу большое влияние, обычное для таких пар, где сильная женщина сочетается с изнеженным мужчиной.

Однако это уже выходит за границы пролога, призванного лишь очертить исторические рамки нашего повествования.

Благосклонный читатель! Автор этой книги не скрывает своего дилетантизма в исторических вопросах. Вместе с тем он надеется найти немного правды за пределом имеющихся научных данных. Ведь в истории много тёмных промежутков, и каждому дозволено пытаться осветить их собственным разумом и фантазией.

Итак, прошу вас мысленно перенестись в Иудею на пятнадцатом году принципата Тиберия, и посмотрим, куда это нас приведёт.

Глава I. Трое на осенней дороге.

Тёплым осенним днём трое путников шли по узкой каменистой дороге среди скал в восточной части Иудеи, направляясь в Иерихон в сторону реки Иордан. Судя по их одежде иговору, они были не иудеями, а галилеянами (северными евреями). В Иерусалиме Галилею считали косной окраиной, а галилеян — «людьми земли», а впрочем, презрительным прозвищем «ам га-арец» («человек земли») обозначали всякого тёмного и неписьменного поселенца. В Антиохии, резиденции сирийского легата императора, Галилея считалась беспокойным краем: именно в ней Иуда из Гамалы вскоре после смерти Ирода Великого поднял восстание «ревнителей» (канаим), поводом которого послужила всеобщая оценка

имущества в провинции Сирия, организованная легатом Квиргинием в целях правильного налогообложения.

«Канаим» вели малую войну против римлян, пока мятеж не был подавлен и сам Иуда не погиб в бою; путь карательной экспедиции был отмечен крестами, на которых хрипели распятые мятежники. Но отдельные группы продолжали сопротивление, и римляне научились остерегаться короткого кинжала, называемого *sica*, которым пользовались при покушениях эти отчаянные мстители. В городах они образовали влиятельную партию.

Трое галилеян беседовали на ходу. Один из них, высокий и жилистый Симон, очень смуглый, с красноватыми крыльями носа и курчавыми волосами, был шумен и многоречив; в его поджарой фигуре чувствовалась сила. Речь шла о жестокостях Ирода и о жуткой, позорной его смерти в том самом Иерихоне, который они утром покинули. В связи с Иродом и его казнями Симон вспомнил об отце своей матери, который был жителем Иерусалима и подвергся мучительной смерти по воле Ирода.

Эту историю знали все в Иудее. Славный своим красноречием законоучитель Матафия, сын Маргало, и с ним ещё сорок два иерусалимца попытались снять золото римского орла с решётки Храма, ибо Закон Моисея запрещает изображения людей и животных, не говоря уж об оскорбительности для Храма этой птицы ненавистного Юпитера.

Ирод Великий, понимая, что эта попытка может раздражить Рим, повелел сжечь заживо всех сорока трёх человек: в их числе был и дед Симона; вдова его с детьми покинула столицу.

— С тех пор моя матушка не могла есть жареного мяса и не выносила его запаха, — закончил Симон.

— Она была права, — заметил самый юный из путников, отрок с красивым лицом и длинными ресницами. — Мы, ушедшие от мира, вообще не вкушаем мяса.

— Ты ещё молод, Иоханан, — покровительственно заметил Симон. — Знаешь ли ты, чего стоит лежать всю ночь в засаде, наносить удары, пробивающие кожаный нагрудник, бегать по горам и перепрыгивать через пропасти? Можно ли делать всё это, питаясь одной чечевицей?

— Симон, мне кажется, что размышление и молитва на правых весах весят не меньше, чем умение убивать людей, — ответил мальчик с иронией. — Чем меньше люди едят, тем больше думают.

На уродливом лице третьего путника промелькнула улыбка, но он ничего не сказал.

Симон театральным жестом воздел руки к небу:

— Как мне разговаривать с тобою? Всем понятно, что молитва и размышление важнее. Но пойми и ты — не должно всем уходить от мира! Если весь народ предастся посту и молитвам, то наследие Господа истребят необрезанные псы.

Нежное лицо юноши покраснело.

— Где львы Израиля? — спросил он с горечью. — Куда привели нас пути бранной славы? Господи, пошли нам мудрых!

Симон остановился на дороге и в бешенстве топнул ногой. Третий путник сказал:

— Перестаньте ссориться.

И тотчас наступило молчание.

Третьему было на вид двадцать восемь-двадцать девять лет. Тело его было слабым и худо сложенным, лицо дурно, нос красноват, во рту заметно не хватало двух-трёх зубов. На нём был простой плащ поселянина; как и у его спутников, голову покрывал обычный белый *кефье* — плат, ниспадающий на плечи и перехваченный *агалом* (тесьмой) вокруг головы. В руке он держал большой посох. Но это безобразное лицо, запылённое лицо бедняка, освещалось глубокими карими глазами и отмечалось строгой выразительностью — не богатством мимики, нет, но постоянным присутствием душевной работы.

Его нестриженные волосы, выбивавшиеся из-под кефье, изобличали в нём назорея. Он один из троих шёл без поклажи.

Трое в молчании продолжали путь, как вдруг вдали закурилось облачко пыли. В нём блеснула медная искорка, вторая, третья. . . Симон приставил ладонь козырьком к глазам.

— *Римляне!* — хрипло выдохнул он.

Юноша с девичьими ресницами заглянул в лицо назорею.

— Учитель мы успеем укрыться от них среди скал.

— А зачем? Нам ничто не грозит.

И они пошли навстречу патрулю.

Вскоре стал слышен топот копыт и различимы кони и всадники. Солнце мерцало на копьях и шлемах; римляне переговаривались на скаку своими медными и наглыми голосами.

Три еврея сближались с тремя римлянами. Иоханан казался бледен, Симон одеревенел от напряжения, назорей поглядывал на небо и щурился, словно прикидывая, успеют ли они за день дойти до цели. Появление римлян в этих местах было явлением исключительным. Гарнизоны кесаря в провинции Сирия не слишком-то многочисленны. Рим правил провинцией, опираясь в основном на местные военные формирования. Поскольку Иудея входила непосредственно в состав Сирийской провинции, римляне разместили в ней свои войска, но немного.

Вот евреи сошли с дороги, уступая путь, но передовой всадник, явно старший по званию, начал осаживать коня, а за ним и два его воина.

— Кто вы такие? — крикнул он на довольно сносном *койнэ*.

Надо заметить, что Сирия и Палестина говорили тогда на двух языках: на арамейском (общесирийском, родственном древнееврейскому) и на койнэ (общегреческом). После завоеваний Александра Македонского и сложения эллинистических царств на месте его огромной, но недолговечной державы, *койнэ*, что означало «всеобщий» (в основе его лежал упрощённый аттический диалект Греции), стал языком всего Ближнего Востока. В иудейских селениях почти не знали койнэ, но в Галилее было очень смешанное население — много эллинов, финикийцев, арабов. Галилейские евреи общались с иноверцами на койнэ, а в некоторых городах он полностью преобладал.

Три наших путника говорили между собой, разумеется, на арамейском. Но койнэ они понимали.

Когда римлянин задал свой вопрос, назорей быстро пробормотал по-арамейски:

— Симон, опусти глаза!

Затем, подняв лицо к вопрошателю, ответил на дурном, ломаном койнэ:

— Достойный военачальник, мы люди мирные, держим путь к мудрецу за важным советом. Этот мой товарищ — виноградарь, сам я плотник, а этот юноша — сын моего брата.

Что-то непонятное в безобразном лице плотника привлекло внимание римлянина, и он подъехал вплотную к путникам. Конь его фыркнул в лицо назорея, и тот отёрся равнодушным жестом.

Именно это спокойствие не нравилось декуриону — грузному человеку с широко расставленными зелёными глазами и жирными губами распутника. Ремни на его груди были украшены блестящими бронзовыми фалерами, отличиями за храбрость, а пальцы рук унизаны еврейскими перстнями. Вглядываясь с недоверием в лица путников, он холодно спросил об их именах.

— Меня зовут Симон, — ответил высокий галилеянин, глядя себе под ноги.

— Йешуа, сын Иосифа, — назвался плотник.

— Иоханан, — сказал подросток, хмурясь и краснея под взглядом декуриона, который рассматривал его с подлой улыбкой.

— Мы не те, кого вы ищете, — наивно добавил плотник.

— Откуда ты знаешь, длинноволосый, кого мы ищем?

— Простых разбойников не ловят воины кесаря. Если вас послали на край пустыни, значит случились беспорядки.

— Может быть, тебе ведомо, какие именно, о разговорчивый еврей?

— Скорее всего из-за Ионы, которого называют потомком царя Давида. Может быть, он пришёл в Иудею.

— Который сам себя назвал потомком Давида, — с издёвкой поправил римлянин.

— Пусть будет по-твоему, достойный предводитель.

— Клянусь Венерой, ты всё знаешь, о краса Иудей!

— Ты сказал, декурион, — невозмутимо ответил Йешуа бар Иосиф.

Римлянин молча смерил его глазами. В этот миг один из воинов, подъехав поближе, указал декуриону на Симона и заговорил со своим начальником по-латыни; евреи поняли только, что декуриона зовут Максимом Анцием — так обращался к нему воин. Он упоминал также Гибериаду, а один раз сделал жест, словно рубил мечом сверху вниз.

— Эй, Симон Черномазый, поди-ка сюда! — приказал декурион.

Галилеянин приблизился: лицо его стало пепельным, глаза горели, как угли. Декурион сказал воину по-гречески, чтобы поняли евреи:

— Но у него нету никакого шрама.

— Может, он прикрыл этим паллионом, который они накидывают на голову?

Воин, склоняясь с седла, сорвал с головы Симона *агал* (тесьму), стащил с него плат и схватил его за волосы. Он повернул голову Симона направо и отогнул назад. Брови воина изумлённо поднялись.

— Клянусь Вакхом, я почувствовал тогда под мечом его зубы! — вскричал он в детском недоумении.

— Не могла же эта харя так зарости за два года, — ответил декурион и добавил ещё несколько слов тоном лёгкого выговора.

Воин пожал плечами и тоже ответил по-латыни, как бы извиняясь или признавая свою ошибку. Евреи с бесстрастными лицами внимали этому диалогу, наполовину не понятному для них.

Разговорчивый воин отпустил Симона и вытер ладонь, осквернённую прикосновением к еврею, о гриву своего коня.

С минуту декурион сверлил взглядом непроницаемые лица евреев, но с таким же успехом он мог бы буравить гранит Синая. Затем, поворачивая коня, бросил несколько слов на своём медном латинском языке. Евреи не поняли слов, но дикий, самодовольно-наглый смех, каким умеют смеяться только римляне, всё пояснял без перевода.

Конский топот стих вдали; путники шли своей дорогой.

— Учитель, ты неосторожен, — сказал бледный Иоханан.

— В чём ты видишь мою неосторожность?

— Зачем ты выдаёшь сынам тьмы, что ты всё знаешь?

— Это говорил римлянин, а не я.

— Но ведь ты подтвердил!

— Ожидающий лжи не верит правде.

Тем временем Симон разжал кулаки и перевёл дух:

— У пса крепкая память, — сказал Симон, — он помнит всех, кого кусал.

— Но ведь у тебя *нет шрама*, — с тихой улыбкой заметил Йешуа.

— Благословение на твою голову, учитель! Если бы не ты. . .

— Оставим это. О чём мы говорили?

— Об Ироде Старшем.

— Да, я как раз хотел сказать тебе, Симон, что первое наказание жестокого есть его жестокость.

— Как это понять, учитель?

— Ирод имел восемь жён и четырнадцать детей. По наветам и ложным подозрениям он предал смерти трёх сыновей и многих родственников.

— Говорят, он сильно горевал о Мариамне, — вставил Иоханан.

— Это правда, — сумрачно подтвердил Симон. — Он положил её в гранитную раку и залил мёдом, чтобы она лежала в меду, словно спящая, и он приходил любоваться на неё и плакать. Что ж из того? Зверь тоже любит свою самку!

— Ещё бы не плакать — такая красавица! — заметил назорей. — Зачем же было пресекать её дни, законной супруги и царицы?

— Бог помрачил его ум, — решил Симон.

— Ты полагаешь, Бог насыляет мрак на тех, кого желает погубить? Это греческая мысль.

— Но почему же, учитель? — запротестовал обиженный Симон.

— Бог Израиля любит, чтобы грешники узнавали его удары. Безумие грешника делает его бесчувственным к вышней каре. Греки никогда не понимали по-настоящему, что такое страдание. . .

Спутники его задумались. Стоял жаркий день, скалы разогрелись от солнца. Проехали навстречу несколько загорелых дочерна земледельцев на ослах, поздоровались с тремя путниками. Несколько далее они увидели близ дороги колодец под ветхим навесом, стадо овец и двух пастухов, которые черпали воду из колодца. Путники приблизились к пастухам.

— Мир вам, добрые пастыри! — сказал Йешуа.

— И вам мир, путники.

Назорей сел на камень у колодца и опёрся на свой посох. Иоханан уселся близ него, прислонясь спиной к камню. Симон достал из дорожной сумы хлеб, сушёную рыбу, немного маслин.

Пастухи с молчаливой предупредительностью принесли путникам холодной воды в кувшине. Йешуа пригласил их к трапезе.

Они обменялись между собой несколькими словами, закрыли колодец и нерешительно подошли, предлагая путникам овечий сыр. Доля их была принята.

Йешуа прочёл короткую молитву. Пастухи были приятно удивлены, и старший из них сказал:

— Мы думали, что вы перушим, а вы молитесь по-простому.

Трапеза совершалась в молчании.

В то время Иудею переполняло множество сект, они возникали, распадались и возникали вновь. Прочнее всех держались немногочисленные, но гордые саддукеи (потомки Цадока), секта храмовой аристократии, наиболее затронутой влиянием эллинизма; с ними издавна враждовали перушим («отделившиеся»), воинствующие враги эллинизма, буквалисты обрядности, известные долгими молитвами и презрением к черни, «не знающей Закона»; в койнэ слово «перушим» превратилось в фарисеев; отпавшие от фарисеев мятежные канаим («ревнители», по-гречески зелоты). Особую и совсем не похожую ни на кого секту образовали ессеи — люди мирные, но таинственные. Они бросили города и жили в пещерах на берегу Мёртвого моря; в своих общинах они ничего не делили на «твое» и «мое», отвергали телесные наслаждения, презирали стяжательство и все усердно трудились. Народ уважал ессеев за праведную жизнь, но попасть к ним было очень трудно. Само слово ессей (сирийское «асайя») означало «врачеватель» и на койнэ переводилось как «терапевтос». В своей открытой деятельности среди народа ессеи занимались врачеванием телесных и душевных недугов; они изучали врачебные книги и хранили немало тайн этой великой науки.

По формулам молитв, по омовениям, по одежде, даже по еде и питью опытный человек мог распознать принадлежность любого еврея к тому или иному течению распатанного бурями иудаизма. В молитве Йешуа пастухи почуяли нечто близкое. Само приглашение пастухов к трапезе горожан говорило о многом.

Запив трапезу колодезной водой, путники заговорили с пастухами об их жизни, о траве для овец; расспрашивали, суров ли хозяин. Поскольку трое происходили с берегов Геннисаретского озера, разговор с неизбежностью коснулся последних новостей из Тибериады.

— Здоров ли ваш царь? — политично спросил старый пастух.

— *Тетрарх* здоров, — лаконично ответил Йешуа.

В арамейской речи этот греческий титул прозвучал с особенной выразительностью.

Слыхано было от нелживых людей, — сказал Симон, — что он вместе со своей Иезавелью появился на конных ристалищах в греческой одежде.

— А на ней что было?

— А на ней был *непλος* без рукавов.

Пастух всплеснул руками. Но он простодушно не заметил, что гость его колодца назвал Иродиаду издревле позорным именем царицы Иезавели Сидонянки, которую изобличал в нечестии великий пророк Илия и которая была разорвана собаками. Оба пастуха восприняли именование тибериадской двумужницы Иезавелью как нечто само собой понятное.

Солнце стояло невысоко над горами. Пастухи поднялись, чтобы гнать стадо далее, как вдруг Йешуа заметил, что старый пастух хромает.

— Что у тебя с ногой? — спросил он.

— Вчера старая львица хотела зарезать ярку, но я метнул в неё копьё и прогнал огнём от костра. Она посмела только раз оцарапать меня. Однако рана делается хуже.

— Сядь на камень и покажи твою ногу, — велел Йешуа.

Пастух смущённо повиновался и поднял одежду: чуть выше колена зловеще цвела нехорошая рана. Нога вокруг неё уже опухала.

— Хорошо, что я заметил твою хромоту!

— Царапины были неглубокие, — извиняющимся тоном ответил старик.

— Знаешь ли, что от этих царапин ты бы умер завтра вечером?

— Почему, добрый странник?

— Потому что у старых львов под когтями скапливаются остатки всех животных, которых эти львы терзали и пожирали за свою жизнь, и остатки эти гниют, вызывая зуд; иногда от этого у львов выпадают когти. Это тухлое мясо под когтями может источать скверные соки, и тогда малая царапина львиных когтей становится подобна укусу ехидны. Но лучше помолчим, а ты потерпи.

Вокруг стояли спутники Йешуа и молодой пастух. Они зачарованно наблюдали, как Йешуа сильными и ловкими движениями выдавливает гной из раны старика.

— Иоханан, дитя моё, подай посох! — попросил Йешуа.

Он взял свой посох, и тут все увидели, что ручка его несколькими поворотами отделяется от древка, оно же внутри полое, подобно стволу камыша, и заполнено зеленовато-жёлтой мазью с запахами горных трав.

Этой мазью Йешуа обильно смазал рану и даже втёр её в язвы от когтей: при этом старый пастух зажмурился, и закричал.

— Терпи! — сказал Йешуа. — Мазь будет припекать, но ты не смывай её. Завтра твоя рана засохнет, потом покроется чёрной коркой; она отпадёт дней через пять, и ты будешь здоров.

— Благослови тебя Бог! Ты накормил нас и не пожалел своего зелья для такого бедняка, а мне даже нечем тебя благодарить.

— Я исцеляю не ради награды, — отвечал Йешуа, обтирая руки песком.

— Значит, ты ессей.

— Я такой же бедняк, как ты, — ответил Йешуа, — а бедняки должны помогать друг другу.

Пастух с сомнением покачал головой; Йешуа свинтил свой посох и поднялся. Он собирался уходить.

— Скажи мне твоё имя, странник, я буду молиться Богу за тебя.

— Меня зовут Йешуа, сын Иосифа, и я плотник.

— Прости, но ты не похож на плотника.

— *Римлянин подумал то же самое*, — с улыбкой ответил Йешуа. — Симон Кананит, довольно нам мешкать! Где Иоханан?

Они обернулись и увидели неподалёку мальчика, стоявшего неподвижно и смотревшего на песок.

Что ты там увидел? — спросил Йешуа, направляясь к нему.

Иоханан знаком попросил тишины и сказал мягким, успокаивающим голосом:

— Пройди мимо, дружок, мы не тронем тебя.

— С кем ты разговариваешь? — спросил Симон Зелот.

— Не трогай его! Он уже уходит.

И тут все увидели, что Иоханан провожает взглядом огромного желтоватого скорпиона, который исчезал, сливаясь с песком.

— Он подошёл к моей ноге, но я не шелохнулся и велел ему уходить, — сказал юноша. — Вы видели, он послушался.

Три странника распрощались с пастухами и снова двинулись в путь. Местность становилась всё более скудной. Солнце у них за спиной почти касалось горных вершин.

— Не пойму я тебя, — сказал Симон. — Ты юн и слаб, однако не боишься так близко говорить с этим гадом. Я бы раздавил его камнем.

— Люди часто убивают от страха, — сказал Иоханан. — Зачем давить скорпиона? Он тоже понимает добро. Не должно истреблять никакой Божией твари.

Йешуа молча улыбнулся и кивнул головой.

Они начали сходить пологим спуском. Повеял ветерок и донёс до них запах тёплого ила. Впереди на дороге показался огонёк костра.

— Скоро Иордан, — сказал Симон.

— Да, брат мой, — ответил необычный плотник.

Они постепенно приближались к костру.

Потом увидели, как от костра отделились несколько человеческих фигур и пошли им навстречу. Когда до них оставалось пятнадцать шагов, трое путников остановились.

В руках людей, шедших им навстречу, блеснуло оружие.

Глава II. Лагерь за Иорданом.

— Стойте! — крикнул один из встречных. — Кто вы и зачем идёте сюда?

— Мы галилеяне, — ответил Йешуа. — Мы хотим услышать слово истины.

— А может быть, вы глаза и уши Ахава?

Именем древнего нечестивого царя последователи Иоханана Пророка называли тетрарха Ирода Антипу. Услышав это оскорбление, Симон ощерил зубы и сунул руку под плащ. Но Йешуа спокойно сказал:

— Мы люди правого пути, сердца наши чисты. Не тратьте слов понапрасну и пропустите нас через реку, ибо мы прошли долгий путь.

В это время к стражам дороги подошёл хромой седобородый старик, при виде которого Симон встрепнулся:

— Анастасий! Нет владыки кроме Господа!

— Нет подати кроме храмовой, — ответил старик.

Они обнялись и закончили разом:

— Нет друга, кроме золота!

И старик приказал караульным:

— Пропустите этих людей!

Он сам повёл пришельцев к реке, тяжело опираясь на клюку.

— Учитель, — сказал Симон, — посмотри на этого человека. Он был правой рукой самого Иуды из Гамалы.

Йешуа с любопытством присмотрелся к старику.

— Анастасий, я вижу, ты был некогда распят.

— Воистину так, пришелец! Но как ты узнал об этом?

— По твоей хромоте, по следам от гвоздей на ладонях и по тому, что тебя называют Анастасием.

«Анастасиос» по-гречески значило «воскресший».

— Как же тебе удалось спастись, о седобородый? — спросил Иоханан.

— Иуда напал на моих палачей, снял меня с креста. Я был ещё молод, и раны мои затянулись.

За разговорами дошли до Иордана. В конце лета Иордан мелел; это место недалеко от Иерихона так и называлось — «Броды Иорданские».

Анастасий вошёл в реку, осторожно опупывая дно своей клюкой, за ним пошли трое путников. В самом глубоком месте вода доходила до груди. Перейдя реку, они отжали воду из своей одежды. Теперь они уже находились в Перее, во владениях тетрарха Ирода Антипы.

Иордан служил границей. Он отделял слабо населённую и полуязыческую Перею, восточное владение Ирода Антипы, от Иудеи, которая после низложения Архелая в совокупности с Эдомом и Самарией составила округ Сирийской провинции, управляемой императорским легатом в Антиохии. Этот же южный округ провинции управлялся префектом, подведомственным по важнейшим вопросам сирийскому легату.

Таким образом к западу от Иордана правили римляне, к востоку — чиновники тетрарха галилейского; формально он считался независимым князем, «союзником» Рима, на деле же был игрушкой в римских руках. Однако римские разъезды без важных причин не пересекали Иордана.

Восточный берег Иордана был крут и обрывист. Взобравшись на него, Анастасий и пришельцы остановились, чтобы перевести дух.

Уже вечерело, из Аравийской пустыни напознала ночь. Впереди виднелось много палаток, людей и скота, слышался смутный гул становища. К нему и повёл Анастасий новопривыбывших.

Зажигались всё новые и новые огни. Пришельцы вступили в огромный и сильно разбросанный лагерь.

Вокруг костров лежали отдыхающие мужчины, овцы. Вдали паслись верблюды — им не нужны ни пастухи, ни присмотр. Под ногами играли полуголые дети. Повернувшись спиной к дороге, женщины готовили ужин на очагах из сложенных в круг камней. Видны были одеяния разных племён, слышались разные наречия. Назорей с доброжелательным любопытством посмотрел на старого араба с курчавой бородой, который полулежал, откинувшись на выюк, и показывал своим внукам рукою на небо. Он называл имена звёзд, которые одна за другой загорались на бледно-голубом небосклоне. Тем временем жёны и невестки старика готовили ужин, хлопоча у дымного и тусклого костра; в нём горела куча сушёного верблюжьего помёта, и они пекли барана по-бедуински, зарыв его в песок под костром.

Лагерь состоял большей частью из шалашей; последователи Иоханан сплетали их из ивняка и накрывали сверху плащами. Однако местами, теснясь друг к другу, стояли плосковерхие арабские шатры.

Путеводитель Анастасий свернул в сторону, и тотчас Йешуа поднял перст:

— Он там.

Посреди некоторого свободного пространства стоял небольшой шатёр из чёрного войлока. Перед ним у костра неподвижно лежало несколько человек. Когда Йешуа с его спутниками приблизились, люди у костра поднялись.

Один из них, иудей с ястребиным лицом, в белой льняной одежде, такой же, как на юном Иоханане, поднял с земли копье. Другой, молодой галилеянин, взялся за эфес короткого римского меча, называемого *gladius*. Стройный араб в белом бурнусе вопросительно поигрывал острым дротиком. Четвёртым стражем шатра был беглый наёмник из Тибериады — северный варвар с рыжими волосами. Он высился, словно гора, расставив ноги и до половины обнажив меч.

— Куда вы направляетесь, люди? — спросил молодой галилеянин, держа руку на эфесе гладия.

Йешуа обвёл взглядом эти сосредоточенные и печальные лица, измождённые частыми постами.

— Нам нужен Иоханан, пророк галилейский.

— Не препятствуйте этим людям, — сказал Анастасий Зелот.

Стражи костра переглянулись. Араб высокомерно сказал:

— Ступайте прочь, *Эль Наби* отдыхает.

Арабское «наби» означало то же самое, что еврейское «неби» (пророк).

— Ты ошибаешься, сын Измаила, — сказал Йешуа. — Пророк ждёт нас и считает наши шаги.

Стражи заколебались.

— Ступайте к пророку, — сказал Йешуа, — и возвестите ему, что три ворона прилетели от соли.

Араб и галилеянин, подойдя к шатру, осторожно приподняли входную завесу, переговорили с кем-то внутри и тотчас вернулись к пришельцам:

— Вы сказали правду, добрые люди.

— Эль Наби ждёт вас.

И в это время из шатра вышел и распрямылся огромный человек, издалека видный в отблесках костров. Люди вокруг, завидев его, вставали с земли.

— Радуйся, Иоханан! — сказали ему пришельцы.

Он ответил на приветствие с величавой кротостью и обменялся с ними поцелуем. На нём был грубый плащ из верблюжьей шерсти, одежда бедняков; под плащом его одежда была перетянута кожаным поясом. Именно такую одежду, как знали все евреи, некогда носил великий пророк Илия Фесвитянин.

Симон Зелот тотчас вспомнил: «И вороны приносили ему хлеб и мясо поутру и хлеб и мясо повечеру, а из потока он пил».

Симон сунул руку за пазуху и сжал висевший у него на шее *баарас* — огненного цвета корешок, отгоняющий духов.

— Войдите с миром, гости! — раздался могучий голос. — А ты, храбрый человек, перестань цепляться за свой амулет, ибо здесь нет духов зла.

Симон остолбенел.

Прекрасное и страшное лицо пророка, иссечённое страстью и скорбями, было опутано гривой чёрных волос, переходивших в длинную бороду; глаза горели сверхчеловеческой пронизательностью.

Мальчик у порога шатра развязал обувь гостей и омыл их ноги. Пророк сам поднял завесу входа, и гости, оставив обувь и нагнувшись, вошли в шатёр. Внутри горела глиняная лампа, и при свете её суровый, печальный человек с ушами, проколотыми толстым шилом, а значит — бывший раб, расставлял скудное угощение.

Гости опустилились на циновку, подпираясь одним локтём. Пророк благословил пищу, и они преломили с ним хлеб. Это символическое сотрапезование с пророком было большой честью.

Пища была проста: немного наломанных сот дикого мёда в чашке и проваренная в расоле и высушенная на солнце саранча («акриды» по-гречески; их ели в оливковом масле). Даже хлеб у пророка был ячменный. Иудеи тогда шутили: «Будет хороший урожай ячменя. — Скажи об этом лошадям и ослам». В римской армии при Августе когорты, бежавшие с поля боя, наказывались децимацией (казнью каждого десятого) и переводом на ячменное довольствие вместо пшеничного. Но гости пророка ели этот ужин бедняков как свою привычную пищу.

После ужина чаша холодной, чистой воды прошла по кругу, и гости вежливо потушились перед лицом пророка. Мужчинам порою приличествует помолчать.

— Я ждал вас, — сказал наконец Иоханан. — Меня известил Ровоам, сын Левия. Хороша ли была дорога?

— Дорога был хороша, пророк, — отвечал Йешуа. — Нам пришлось сделать обход, мы побывали у наших людей возле Иерусалима.

— Легко ли нашли меня?

— Это не так трудно, о премудрый.

— Разве люди в Иудее знают, где стою я с братством моим?

— Лев стирает следы хвостом, но чем стереть следы хвоста?

Иоханан невольно улыбнулся; нет, то была лишь тень улыбки.

— Не встретились ли вам дурные люди?

— Сегодня в трёх часах от твоей заставы мы повстречали сыновей Волчицы на Иерихонской дороге.

— Кто они были?

— Декурион по имени Максим и два воина.

— Чего им нужно в пустыне?

— Они притворились, будто ищут Иону, но это неправда.

Пророк кивнул:

— Ты прав, мудрый ессей. Иона уже взят и ожидает смерти в Городе Могил. Он не успел бежать из Галилеи. Сыны Волчицы рыщут на путях, ведущих ко мне; это соглядатаи.

— Декурион — дурной человек, даже для римлянина, — сказал Йешуа.

— Знаю. Он сделал много зла в Иудее и Перее. Срок его близок.

— Да будет воля Господа!

— Воистину. Теперь — добрые вести.

— Пророк, мы принесли тебе послание старейшин людей Божией воли, живущих возле Мёртвого моря.

Йешуа обернулся к своему племяннику, и тот достал трубку пергамента, спрятанную на груди. Пророк с почтением принял свиток, но не стал снимать с него печать.

— В жилище моём мало света, — сказал он, — да и письма слабые глаголов. Благо, что с посланием пришёл ты, назорей, ибо я вижу, что ты разумен и красноречив. Побеседуем с тобою, а вы, дети мои, ступайте на покой к моим стражам и скоротайте с ними ночь. Они примут вас с честью.

— Иоханан и Симон, — сказал Йешуа, — не забывайте об утренней росе.

Пророк и назорей остались одни. Несколько минут они молчали, ибо суета не подобает мужам. Затем гость медленно заговорил:

— Пророк, ты славен во Израиле. Община людей Божией воли молится за тебя.

— Люди Божией воли живут праведно, и молитва их крепка перед Господом, — ответил Иоханан. — Я жил у них, я помню их науку. Вести Ровоама обрадовали моё сердце. Однако продолжай.

— Пророк, старейшины Енгадди пишут тебе о многих удивительных и страшных знаках, ниспосылаемых Богом в последние годы.

— Я тоже видел эти знамения. Как толкуют их праведники Енгадди?

— Они судят так, что близок час гнева Божия.

— Истина!

— Пророк. Старейшины хотят знать твою волю. Мы ищем соединиться с тобою.

— У меня нет своей воли, я раб Господень! Я провозвестник Того, кто многократно сильнее меня. Что повелит Господь, то я и возвещая народу верных, — со свирепой скромностью отвечал Иоханан. — Сам я мал и глуп, но Богу угодно было позвать меня во служение. А чего хотят праведники Енгадди?

— Избавить Израиль от блудодеяний и мерзости языческой.

— Так и будет. Во имя Грядущего за мною я пойду на Город Могил, и тогда Ахав с Иезавелью исчезнут, как летучая трава пустыни, гонимая хамсином. Ибо такова воля Господа, я же послушный раб, светильник ему предносящий.

— Но поход на Город Могил будет лишь началом, о пророк.

— Слова твои темны.

— Разве своею рукою удерживается идумеянин в Галилее? Хватит ли нынешней силы твоей против сыновей Волчицы?

Иоханан наклонил гневное лицо, вглядываясь в собеседника.

— Народ наш, — продолжал Йешуа, — скор на брань, но сухая солома скоро загорается и скоро сгорает. Жива ещё слава маккавеев, но скипетр царский отнят у народа; первосвященство попирается идумеянами и язычниками, в самом Иерусалиме башня Антония возвысилась паче Храма Господня и бросает на него чёрную тень. Роса благословения не падает на нас, и плоды наши не имеют вкуса.

— Кесарю семьдесят два года, — резко ответил Иоханан.

В его устах имя властителя полумира, произнесённое открыто, без всяких иносказаний, прозвучало подобно удару бича. Казалось, даже огонёк лампы вздрогнул от страха. Но лицо Йешуа Назорея осталось невозмутимым.

— Истинно говорю тебе, мудрый ессей, силы Кесаря истощены блудом и пожиранием излишней пищи. Дни его сочтены, и дела его взвешены. Господь при жизни дурного древа начал отсекал его ветви. Десять лет назад во воле Кесаря отравили его племянника, семь лет назад такую же смертью умер единственный сын Кесаря, в прошлом году отравлена его мать... Близится свершение судьбы его, скоро падёт он во мрак кромешный. Вспомним, как Господь предал Валтасара в руки Кира Персиянина! Вспомним, как парфяне выставили голову проклятого Красса на помост игралища! Это случилось в тот самый год, когда он ограбил Храм: кара Господня не медлит. *Царство Волчицы сокрушится силою Востока.*

— Да будет так, — с сомнением ответил Йешуа. — Однако поразмысли, о премудрый! Один падёт в *шеол* (ад), на престол воссядет другой из той же волчьей породы. Смуты продлятся недолго, легионы Орла утишат северные рубежи и придут мстить за падение Города Могил. Уповаешь ли ты на парфян? Они раньше приходили на помощь Асмонеям. Приходили и уходили. Что ж, они могут ещё раз сразиться с заморскими легионами. Но пока весы будут колебаться, хочет ли Господь, чтобы сливы и смоковницы Израиля стали песком и пеплом.

Иоханан побледнел и закрыл глаза. Грудь его часто вздымалась и опускалась, словно кузнечные меха во время спешной работы.

— Гость мой! — проговорил он шёпотом, но то был шёпот иерихонской трубы. — Гость мой, никто ещё не смел так вопрошать меня — ни даже Антипа Идумеянин!

Йешуа Назорей длинно вздохнул, словно говоря: «где уж мне равняться с такими особами!» Иногда ему была свойственна *внутренняя улыбка.*

— Гость мой, ты говоришь, как власть. Ровоам долго рассказывал мне о тебе, но я не понял всего. То ли написано в послании старейшин?

— Письмена слабее глаголов, — ответил Йешуа, повторяя недавно реченное пророком.

— Подожди, гость мой! — Иоханан открыл глаза и приподнял руку, тяжёлую, как молот. — Сказанного тобою нет в послании. Подобные глаголы *никогда прежде* не звучали над морем Лота. Мне чудится *новый голос.*

— Ты слышишь новый голос, пророк Божий.

— Ты сам по себе! Так поведай мне без утайки, куда ты держишь путь и какая звезда ведёт тебя во мраке.

Да, у меня свой путь. Старейшины Енгадди слушали меня, и открыли великие книги, и думали, и согласились со мной *во многом*. Я прожил три года в Енгадди. Я прошёл полный искуc у людей Божией воли, и вкусил трёхдневный сон, и встал, и омылся. В святой пещере я пил из золотой чаши посвящения вино виноградника Господня вместе с семьюдесятью четырьмя праведниками.

— Говори тише, Йешуа Назорей! — сурово прошипел Иоханан, озираясь и прислушиваясь. — Это великая тайна.

— Я говорю это тебе, — Йешуа понизил голос, — ибо ты тоже посвящён. . .

— Да, я удостоился чаши посвящения, но я не знаю Имён, — сказал пророк.

— Я знаю Имена. Великие книги Енгадди открылись для меня, люди Божией воли доверили мне всё тайное. Я восседал с праведными в их суде и совете. Невзирая на мою молодость, они почтили меня, и я вернул им с лихвой долг совета. И всё же скажу тебе прямо — в пещерах над Лотовым морем я только гость, *как и повсюду!*

— Я понял, что ты другой, — сказал Иоханан. — Ты открываешь всё, но тайна твоя остаётся бездонной. Открой же ещё!

— Ты видел, Иоханан, с кем я пришёл к тебе? — спросил Йешуа.

— Я видел их. Ученик из людей Божией воли, мягкий, как хлеб из печи, но у него великая душа. Другой — галилейский «ревнитель», крепкий, как железо его кинжала: добрый для битвы, но кинжал может сломаться, когда он будет всего нужнее.

— Истину говоришь ты, Иоханан, и я полагаюсь более на того, кто мягок, ибо он не ломается, и *хлеб сильнее железа*.

— Ты странствуешь с ессеями и золотом, и это достойно удивления. Значит, ты собираешь *новое братство?*

— Я не хочу отделяться от верных, и не по душе мне распри между братствами, — просто ответил Йешуа. — С немногими учениками хожу я по земле Израиля, исцеляю больных и даю им советы. Нет у меня твоего огненного жала и твоих бичующих слов, я мало учу, но мы думаем вместе.

— Даёте ли вы клятву?

— Мы никогда не клянёмся, слово наше не лживо.

— Значит, ты всё же ессей.

— Я многому научился у ессеев и советуюсь со старейшинами Енгадди, они любят и помнят тебя. Но люди Божией воли уходят от мира, замыкаются в пещерах и хранят тайну спасения. Я же, *подобно тебе*, иду в мир и ради мира.

— Благо тебе! — с недоверием сказал пророк, вперяя в Назорея пронзительный взгляд. — Что же ты несёшь миру?

Два взгляда встретились: один как пламя, другой как звёздный свет. Толстая жила вздулась на лбу Иоханана.

— Милосердие, — ответил Назорей.

Звезда оказалась сильнее огня. Пророк опустил голову.

— Я чту закон, — неспешно сказал Йешуа, — но не так, как саддукеи. Знатные и сильные, они брезгают своим народом, хотят стать греками и угождают старому блудодею. Всеу поминают они имя Господа, а души их черны и заживо тленны. Ложь их одеяние.

— Воистину.

— Я чту закон, но добавляю к нему новое толкование. Нужно, чтобы весь народ уподобился ессеям в жизни праведной. Станем все простыми, будем жить малым, и пусть ни у кого не станет денег на подати, и опустеет казна Иродов.

— Палки неисправному плательщику и ошейник свободному — вот и всё, чего ты добьёшься, — с недоумением ответил Иоханан.

— Нет, пророк, нет! С неимущего нечего взять, и даже римский кенисос (опись) не касается его. Станем бедными, и нечем нам будет платить подати.

— «Нет властителя кроме Господа, нет подати кроме храмовой»?

Назорей кивнул, одобряя ключ и пароль зелотов. Он продолжал ещё тише, словно окутывая пророка мягким светом нездешних своих глаз:

— Пора истине воскреснуть и выйти из погребальной пещеры. Пора Слову греметь и шатать престолы, потому сердце моё возлюбило тебя, глашатай Идущего к Израилю.

— Ты говоришь мудрено. Люди Божией воли чисты и праведны, но они не владеют оружием и землёй. Можно ли весь народ сделать ессеями? И будет ли в том доброе?

— Если все дети Израиля станут так же молиться, как ессеи, носить белые одежды, не вкушать убоины, и на том престанут, то это будет лишь превращением внешнего образа. Я же хочу, чтобы народ оставался на своих нивах и пастбищах и жил жизнью земли, но исполнился бы света, подобно людям Божией воли, и чтобы возлюбил бедность паче богатства, и не давал бы денег сынам тьмы. Да будет стыдно богатому! Я сожгу долговые расписки и дам облегчение рабам и должникам. Довольно питать гиен и шакалов кровью и плотью Израиля!

— Тогда война? — быстро спросил пророк, и глаза его сверкнули.

— Война ли? — смутно отозвался Йешуа. — Ведь хлеб сильнее железа. Если не кормить воинов, железо выпадет из их рук.

— И ты заставишь сильных мира лютовать неслыханно, и темницы переполнятся праведниками?

— Темницы?

На уродливом лице Йешуа появилась щербатая улыбка. Он радовался, как ребёнок, нашедший халцедон.

— Темницы? — повторил он. — Но сколько верных обитает во Израиле? Пять раз по сто тысяч! На всех не хватит темниц.

— Не хватит темниц? — переспросил пророк, не понимая самого поворота мысли.

— Истинно так! Такой большой темницы нет ни в Египте, ни в Элладе, ни на Семи Холмах Зверя! Нельзя всех посадить в темницу, весь народ.

— Ты забыл, несчастный, как Навуходоносор пахал Сион! Ты забыл падение Храма Соломонова и плач наш на реках вавилонских!

— Угнать нас в плен? Но за что? Мы не станем подымать оружия, доколе не придёт последняя крайность.

— Ты был совсем юн, когда Зверь о семи головах сослал четыре тысячи вольноотпущенников, сынов Израиля, на дикий остров, чтобы они били сардов, а сарды били их! И сослал только за верность Закону!

— А может быть, не стоит бить сардов? — спросил Йешуа, как бы размышляя вслух. — Может, учить их нашему Закону и милосердию?

— Ты собираешься обращать язычников? — вскричал Иоханан.

— Но ты ждёшь чуда от Парфии, а она ли не язычница?

Иоханан в безмолвной ярости смотрел на назорея.

— Хлеб сильнее железа, и малое возвысится. Только в единении сила, потому да исполнится народ братского духа и веры ессеев. Я приму не только канаим, но и самих перушим (фарисеев), если они признают истину и раскаются.

— Как? И этих ехидн?-с отвращением вскричал Иоханан.

— Да, их тоже, если они раздадут имение бедным и отрекутся от зла и гордыни.

— Нет, я не хочу тебя слушать!

— И всё же ты слушаешь меня, — прошептал Йешуа.

Пророк хотел отвести от него свой взор, но не смог.

— Наше братство пока сохраняет тайну, — продолжал Йешуа, — Но мы уже не уходим из мира. Все верные любезны Богу, нет цены знатному роду и нет чести тугой мошне, ибо легче продеть корабельный канат сквозь игольные уши, чем богатому войти в Царство Небесное.

— И много ли вас? — спросил Иоханан, невольно покорённый словами гостя.

— Нет, пока немного, но мы соль земли. Тебе ли не знать силы малого?

— Ты прав, гость мой! — сказал Иоханан, в замешательстве запуская пальцы в свою дремучую бороду. — Волею Господа малое возрастёт, а высокое умалится.

— Воистину так! Видишь, мы думаем сходно. Люди Божией воли почтили меня, но нет во мне их благой тишины. Не мир я принёс, но меч. Только время ещё не настало, потому я ищу с тобою согласия и порицаю нетерпение.

— Когда же настанет твоё время?

— Когда я соединю пустыню и Шефелу, Ермон и Фавор, всю землю народа Божия от Дана до Вирсавии. Что нам Город Могил? Пойдём на Иерусалим! Изгоним из Храма продажных жрецов, которые едят из рук эпитрона Понтия.

Он намеренно назвал префекта Иудеи греческим титулом эпитрон (наместник).

— Царство Волчицы сокрушится с Востока, — упрямо повторил Иоханан.

— Царство Волчицы сокрушится *изнутри*, — спокойно ответил Йешуа. — Дом Блуда стоит на лжи. Сыны Волчицы грабят все народы, оскверняют все храмы и опустошают все житницы. Они отнимают то, чего не сеяли, чтобы тешиться играми гладиаторов и умащать мирною вымена своих блудниц. Вспомни мятежи в Египте и Нумидии! Вспомни тех лесных варваров, которые вырезали три легиона и послали Августу голову проклятого Вара! Как скоро Бог Израиля покарал его за нашу кровь! Горе Вавилону семиверхому, злая смерть написана на челе его!

— Истинно! — прошептал укрощённый пророк.

— Но пусть смерть подойдёт к нему *неслышными шагами*. Иоханан, избегай короткого гнева и бесполезных браней. Береги праведную кровь, глашатай Мессии!

Иоханан стиснул руками свою косматую голову:

— Мысли мои мешаются. Не знаю, что сказать тебе.

Он поглядел в глаза гостю. Чёрная точка мелькнула перед взором пророка, словно дикая пчёлка. На миг ему почудилось, будто стенки шатра и слабеющий огонёк лампы поплыли по кругу.

— Я околдован.

Йешуа ничего не ответил.

— Послушай, — неожиданно спросил пророк, — правда, ли что ты изгоняешь бесов и даже *воскрешаешь умерших*.

На лицо Йешуа набежало облачко скуки.

— Исцелять бесноватых труднее всего, — неохотно ответил он. — А воскрешение мёртвых. . . Раньше, говорят, это бывало. Я же думаю: если Бог призвал человека, кто в силах отнять его у Бога? Нет, дело не в этом.

— А в чём же?

— Если ты выловишь утопленника с водяной травой в волосах и уже без дыхания, ты скажешь: «Он мёртв». Но можно повернуть его лицом вниз, приподнять ему ноги, надавить на живот, и тогда он извергнет воду из уст и ноздрей, чихнёт, и откроет глаза, и станет дышать. Что это будет, по-твоему?

— Вторая жизнь!

— Пожалуй. . . после *неполной* смерти. Тут жизнь и смерть качаются на весах судьбы, да вмешается братская рука. Мне случалось видеть, как мнимую смерть люди принимали за полную, и оплакивали, и готовили плащаницу, я же замечал, что весы колеблются.

— И ты вмешивался — дрогнув, спросил Иоханан.

— Да, я вмешивался. Ведь если мне дано заметить на челе мнимоумершего чаяние второй жизни, значит Бог избрал меня в помощники. И тогда я *исполняю угаданную волю Господню*. Знание моё от Бога.

— Но где ты научился ему?

— По большей части у нас в Галилее. На галилейских пахарей и пастухов смотрят в Иерусалиме, как на неразумных тварей. А ведь галилейские старики многое знают. Рыболовы нашего моря не только умеют плавать, но и спасать тонущих.

— Но ты давал вторую жизнь не только утопленникам?

— Бывает подобное и от других причин. Об этом я знаю от людей божией воли, с которыми беседовал в Енгадди, и от иных врачей-врачевателей. Искусные в этом деле ходят по всей земле и меняются знаниями: в этом нет греха, ибо Бог желает пасти всякую тварь.

— А язычников?

— Он ждёт, у него *много времени*. Вспомни, как Иона прорицал гибель Ниневии, а Господь медлил с этой карой. Богу было жаль даже Ниневии. Язычники могут раскаяться? Не дочь ли Фараона спасла Моисея?

Они долго молчали; наконец, длинные пальцы Назорея прикоснулись к могучей руке пророка:

— Наступает век соединения. Согласимся ли мы с тобою? Соберём ли всех верных на одной дороге?

Дашь ли ты мне своё благословение?

— Я не должен крестить тебя! — в последнем приступе сопротивления сказал Иоханан. — Ты обманываешь меня. Ты познал колдовство.

— Ты знаешь, что это не так, — грустно ответил Йешуа. — Ты сам не веришь тому, что сказал. Ты слышал от меня истину. Решай же!

Огонёк безумия блеснул в глазах Иоханана.

— Разве ты не знаешь заранее моего ответа?

Йешуа не слишком удивился.

Долгим и невероятно тяжёлым взглядом этот горький урод проник в душу пророка и, осторожно подбирая слова, ответил:

— Да, я знаю, как ты ответишь. Я знал это, ещё не выйдя из Енгадди. Но ты должен сам произнести ответ, ибо такова воля Господа, и моё предзнание не избавляет тебя от бремени решения.

Голова Иоханана упала на грудь. Настала громоподобная пауза. Казалось, что на мгновение остановился ток Иордана и замер песок пустыни, перестав пересыпаться.

— Народ слушает меня, — обессилено сказал Иоханан.

— Сегодня ты Илия.

— Народ слушает меня. Я многое могу. Что можешь ты?

— Всё, — шепнул Йешуа, сын Иосифа.

Иоханан поднял голову и одними губами выразил согласие.

— Что ты говоришь, пророк?

— Я говорю тебе: да.

Масло выгорело, лампа угасла. В темноте галилейский пророк и странствующий врачеватель продолжали обсуждать и согласовывать проект революции.

Тактике зажигательных проповедей и локальных мятежей Йешуа противопоставил тактику глубинного проникновения и великого отказа. Он настаивал на проповеди среди всех сословий, на привлечении фарисеев, на поисках праведных душ даже в стенах осквернённого Храма. Не кормить более гиен и шакалов кровью и плотью Израиля, беречь праведную кровь, остерегаться зла и *деятельно выжидать*.

Незадолго до рассвета они выработали свой исторический компромисс. Иоханан санкционировал секретные переговоры с фарисеями в целях создания патриотического блока и принял посредничество Йешуа Назорея.

Для отдыха оставалось не более двух часов. Они вышли из шатра вдохнуть воздух ночи.

Стражи пророка и ученики Йешуа спали, прижавшись друг к другу. Только араб дремал сидя, держа на коленях свой дротик.

Услышав дыхание и шаги двух бодрствующих, араб откинул с лица покрывало, осторожно протёр глаза и присмотрелся. Двое стояли близко друг к другу.

Высокий силуэт пророка склонял свою голову к Другому, ловя каждое слово.

Арабу сделалось не по себе.

Но всё было так мирно и благостно. Лагерь спал. Где-то далеко от него кричали шакалы. Араб снова впал в дрёму.

— Кстати, Йешуа Назорей, скажи, откуда ты родом?

Гость обратил к пророку свои тяжёлые глаза. Он казался смущённым, ему не хотелось отвечать. Но, будучи человеком правдивым, он всё же ответил, очень негромко, вскользь:

— Я родился в Вифлееме Давидовом.

Иоханан задрожал.

Бет-Лехем, город царя Давида!

Бет-Лехем по-еврейски означало «Дом Хлеба». Давно было известно, что Мессия придёт от семени Давидова. И было ещё великое предсказание пророка Михея: Мессия должен родиться в Бет-Лехеме Давидовом.

— Неужели это Ты? — без голоса закричал Иоханан, и кровь забушевала в его висках.

Йешуа понял этот свистящий шёпот. Он поднял голову, повёл взглядом по крупным звёздам пустыни, слабо улыбнулся и начал отвечать, но Иоханан ничего не услышал, потому что от внезапного потрясения на несколько минут лишился слуха.

Глава III. Иордан.

Солнце отряхнулось от песков Аравии, окрасило в лазоревые тона суровые хребты Иудеи и Перей, посетило лагерь и воссияло над водами священной реки Иордан.

Народ в лагере постоянно обновлялся, люди приходили и уходили, всё далее разнося молву о человеке, который живёт в иудейской пустыне и своею проповедью напоминает пророка Исайю, а своею жизнью — Илию; иные оставались возле него подолгу, другие, от-

кочёвывая со стадами, всё же боялись пропустить явление Мессии, и потому держались в пределах дневного перехода от Иордана.

В лагере было много оружия. Иоханана тайно упрашивали объявить священную войну против детей Ирода и римлян. Пророк выжидал.

Ждал ли он знамения Божия или какого-то крупного политического события? Впрочем, последнее в накалённой атмосфере страстного ожидания Мессии неизбежно сыграло бы роль знамения свыше. Скорее всего Иоханан ждал смерти Кесаря, чтобы броситься на Тибериаду. Смерть Кесаря могла повлечь за собою вспышки в провинциях, волнения легионов, вторжение парфян. Иоханан, в духе еврейской традиции, ориентировался на Восток.

Солнце взошло, и лагерь ожил. Утренняя дойка верблюдиц, блеяние овец, лай собак, составили обычную симфонию восточного оазиса. Лагерь отличался чрезвычайной пестротой. Кроме главных поклонников пророка, галилеян (северных евреев), здесь были иудеи со своими овечьими стадами, беглые наёмники Ирода Антипы, целые семьи чистокровных иудеев и даже иерусалимские *левиты* (священнослужители из колена Левиина); было много *канаан* (зелотов) и даже попадались раскаявшиеся разбойники. Несколько племён арабов со своими верблюдами и овцами разбили здесь свои шатры: язычники пустыни уже искали своего Бога, и в лице Иоханана, которого они называли *Яхья*, им открылся истинный пророк Аллаха (Аллах — то же самое, что еврейский *Элох*, Бог). Может быть, среди алчущих великого слова были и *самаритяне*, презираемая часть еврейского народа (ибо Самария не считала Храм подлинным местом пребывания Бога), но в таком случае они скрывали своё имя. Иудеи ненавидели их сильнее, чем язычников.

Вся эта пёстрая масса торопливо завтракала; затем мужчины начали собираться в группы.

И вот Иоханан вышел из своего чёрного шатра. Солнце поднялось уже довольно высоко. Пророка окружила ревнивая толпа ближайших последователей. Среди них узнавали галилеянина Иоханана, сына Зеведея, рыбака с Геннисаретского озера; медноволосого варвара, который был прежде одним из телохранителей Ирода Антипы; иудея Натана из Хеброна, сына священнического рода; араба Хасана со своим неразлучным дротиком. В окружении пророка были замечены и новые лица — маленький и очень безобразный назорей, а с ним поджарый зелот с гордой осанкой и красивый мальчик, ученик назорея.

Когда Иоханан явился, разразилась буря приветствий:

— Смотрите, смотрите, вот идёт пророк!

— Радуйся, Иоханан!

— Яхья эль Наби! Яхья эль Наби!

— Иоханан, возвести нам о Мессии!

Закалённый солнцем пустыни, этот Голиаф с лицом ясновидца поражал своей красотой: страшная мудрость и безмерная горечь соединялись в этом лице, красноватом, словно гранит Синая. Осанка его выдавала и врождённую гордость, и привычку к любым обстоятельствам — золотым палатам, пещерам, шалашам, безразлично. . .

Предвидел ли он свою судьбу? Видел ли душевными очами, как его львиную голову подымет на золотом блюде тонкая идумеянка, ликуя и смеясь всеми своими жемчужными зубами?

Нет, вряд ли. Конечно, он понимал, на что идёт. Он выбрал великую судьбу, а для иудея это означало неминуемую гибель от меча, копья или слоновой пяты; или он будет заживо сожжён, или удушен, или распят, или умерщвлён ещё каким-нибудь из тысячи способов, какие измыслило людское хитроумие, вечно бегущее от однообразия. Иоханан понимал, что история повторится и что великая судьба всегда печальна. Но он же сознавал, что история непредсказуема и что будущее — поле нашей свободы. Не мог он предвидеть и своей гибели.

И вот Предтеча Мессии, «Лев, вопиющий в пустыне», занял своё место перед деревянным престолом, под сенью грубого навеса, покрытого ветвями и козьими шкурами. Около трёх тысяч человек полукольцом окружали его, медленно смиряя своё волнение.

Цари земли показались бы в сравнении с Иохананом ничтожными зазывалами. В нём не было ни бравадного полёта Александра Великого, ни холодной помпы кесарей, ни иератической важности персидских царей. Он стоял перед народом прямой, как пламя в безветренный день. Глядя на него, всякий мог почувствовать, какое это мучительное счастье — гореть.

И раздался голос пламени:

— Покайтесь! Приготовьте пути Господу, прямыми сделайте стези Ему! Вот идёт за мною Тот, который впереди меня, ибо Он был прежде меня!

Религиозное мышление евреев было склонно к парадоксам; они даже в величайших национальных бедствиях усматривали свидетельство исключительного внимания Бога к избранному народу и черпали силу в катастрофах. Иоханан был типичным представителем такой парадоксальной ментальности, и в его самоунижении таилась гордыня. Он напомнил бы греку Диогена Киника, гордость которого сквозила сквозь дыры его плаща. В своей проповеди Иоханан сравнивал себя с рабом:

— За мною грядёт Тот, кому я не достоин отрепить ремень от обуви Его!

Он сыпал угрозами, как молниями. Он обличал мытарей за вымогательства, воинов за их насилия и нечестие, богатых и знатных за лицемерие и жестокость к беднякам. Лицемерам он грозил карой, а жестоковыйным — полным истреблением. Называя саддукеев и фарисеев змеями и ехиднами, он предвещал им гибель в выражениях, понятным земледельцам:

— Уже и секира при корне дерев лежит! И лопата уже в руке Его, и Он очистит гумно своё, и соберёт чистое зерно в житницу, а солому сожжёт огнём неугасимым!

Он прямо намекал на греховную чету властителей Тибериады:

— Иезавель будет сама молоть зерно в ступе, Ахав же просить милостыню на распутьях чужеземных дорог!

Он вещал внезапное и скорое пришествие обетованного Мессии:

— Грядёт вершитель правосудия, истинный царь Израиля! Он поднимет меч Маккавеев, прогонит язычников и покарает всех виновных в нечестии!

Таким образом, этот ученик ессеев представлял Мессию в образе воителя, как думали и «канаим» (зелоты). Мессия вступит в Иерусалим, восстановит Царство в мире и справедливость и вознесёт Израиль превыше всех народов земли. И далее Иоханан, вспоминая пророчество Исаяи, разворачивал перед заворожённой толпой иудейскую утопию:

— И почует на нём дух Господень, дух премудрости и разума, дух света и крепости, дух ведения и благочестия. Он будет судить бедных по правде и дела страдальцев земли решать по истине!..

Тогда волк будет жить вместе с ягнёнком, барс лежать вместе с козлёнком, и малое дитя будет водить могучего льва.

— «Не будут делать зла и вреда на всей святой горе моей!»

Но мечта Исаяи о счастье «грядущего времени» — только светлая передышка. Снова голос Иоханана подобен львиному рыку: покаяние и приготовление к встрече, отвержение греха и обетование прощения кающимся, пламя пожирающее для нечестивцев и свет утешающий для чистых и непорочных, ибо им уготовано Царство Небесное.

Затаив дыхание, народ прислушивался к тяжёлой поступи Мессии. Скорее подготовимся к его пришествию раскаянием и очищением сердца! Проторим для него пути и спрямим ему!

Малка Машиах, Царь-Помазанник: в переводе на койнэ эти слова звучали «Басилевс Христос».

Великая надежда евреев, но и великий страх: ведь он будет отбирать достойных для Царства. Каков он, Машиах (Мессия)? «И достоин ли я?» — задавался вопросом каждый.

И жутко гремело для слабых сердец заключительное слово Иоханана:

— Я крещу вас водою, а Он будет крестить вас огнём!

Увы, этому суждено было сбыться, но совсем не так, как предполагал человеческий разум Предтечи. Ибо у пророков ведь тоже обыкновенный человеческий разум: и житейски, и политически царь Соломон был гораздо умнее Илии Фесвитянина или Иоханана Крестителя. Пророки нужны нам не ради их разума. Их сила — внелогическое мышление в масштабах целых наций; из совокупного мышления народов и рождается пророческий дар, то есть всемирноисторическая интуиция.

Когда Иоханан закончил свою проповедь, толпа разошлась, повторяя сказанное им. Ближайшие его ученики, очень похожие на ессеев своим печальным обликом, худобой от частых постов и простотой одежды, подали пророку чашу свежей воды и чистый плат. Он утёр пот с лица, выпил воду и ушёл в свой шатёр.

Но отдых его был недолог. В лагере поднялось волнение; кое-кто схватился за оружие. Пророк вышел вновь, потревоженный шумом.

Оказалось, что к нему прибыли посланцы из Иерусалима. Вскоре, окружённые угрюмыми стражами становища, показались богато одетые люди, приехавшие верхом на мулах.

Они озирались на толпу со страхом и омерзением. Близ шатра Иоханана они спешились, и один из них, гордый иудей в одежде полугреческого покроя, выступил вперёд:

— Мир тебе, Иоханан!

— И вам мир, мужи иерусалимские!

— Мы посланы к тебе *санэдрином*. Отпусти народ, дабы мы могли говорить с тобой.

В арамейском языке «санэдрин» было искажением греческого слова «синедрион» (собрание): так назывался высший совет иерусалимской иерократии.

— Не в обычае Израиля отгонять соплеменников от порога беседы, — ответил Иоханан к восторгу толпы. — Дети мои! Принесите воды этим людям! Войлока для сидения, четыре шеста и навес!

Требуемое явилось, как по волшебству. Пока пришельцы утоляли жажду, десятки рук воткнули в песок шесты, натянули на них навес, постелили в тени его войлок и даже покрыли дырявыми коврами. На нём Иоханан усадил посланцев и сел с ними, но у самого края, приказав напоследок напоить и накормить мулов. Воцарилась тишина.

Посланцы, оглядываясь на густую толпу, обступившую это место, колебались и медлили. Наконец, после небольшого разговора между собой, они все обратились к одному из них; он кивнул головой и встал на ноги.

Высокий и изящный, он казался лет сорока; в бороде его серебрилась первая седина, светлое лицо изобличало острый ум и привычку к общему уважению. На лбу его виднелся миниатюрный *тефиллин*, укреплённый на голубой ленте; этот кожаный ящичек с выписанными из Писания изречениями на листочке лучшего пергамента, служил и амулетом, и признаком набожности. У его спутников тефиллины были крупнее и бросали тень на поллица; только первый, в полугреческой одежде, не носил тефиллина. Фарисеи считали всех, кто не носит тефиллина, презренными невежами, людьми земли. Но их гордый спутник был не «ам га-арец» (человек земли), а богатый эллинизированный еврей. Он просто не хотел подчёркивать своей веры и национальности.

— Я *Гамалиил* бар Симон, — сказал оратор посольства, — я учу людей Закону.

Почтительный шёпот пролетел по толпе: говорящий был не простым раввином, а внуком великого Гиллеля. Как законоучитель, Гамалиил отличался вольномыслием и изысканностью. Но Иоханан ничем не ответил носителю громкого имени, лишь на миг смежил веки в знак того, что слушает.

— Святой санэдрин послал нас узнать у тебя нечто, Иоханан.

— Спрашивай, — ответил Иоханан.

— Смятение восстало на стогнах, и шумы слышны на торжищах. Соблазнились о тебе многие, о купающий в Иордане! Одни говорят: «Вот уже пришёл Мессия», иные: «Воскрес Иеремя, великий пророк!» — а третьи: «Илия вернулся на землю». И вот не чтят Храма и священства, кощунствуют и согрешают, а рабы становятся строптивы, и должники угрожают заимодавцам. Потому санэдрину уместно узнать, откуда пошло такое смятение. Итак, поведай нам: *кто ты?*

— Я зовусь Иоханан, сын Захарии, священника, дом его был у Хеброна, а ныне мой дом — пустыня, и двенадцать колен Израиля — родство.

— Санэдрину ведомо твоё родство и семейство, — спокойно возразил Гамалиил. — Ответь нам о именах, которые даёт тебе молва.

Иоханан встал, усмехаясь горько и презрительно.

— Я не Мессия, не Илия и не пророк.

Последнее означало, что он не принадлежит к сонму великих пророков древности, воскресения и прихода которых евреи ждали перед явлением Мессии.

Услыша эти слова, толпа испустила дружный вздох разочарования. Суеверный и мечтательный народ видел в Иоханане существо не то чтобы сверхъестественное, но во всяком случае лично общавшееся с ангелами и пророками.

Зато посланцы санэдрина начали перешёптываться с видом успокоения или облегчения. Они уже достигли своей главной цели.

Но Иоханан поднял руку, и всё стихло.

— Я недостоин и мал! — громовым голосом пожаловался он. — Я слаб и убог. Но за мною идёт Судья неумытный и Царь правосудный. Он очистит ниву Израиля от сорной травы и соберёт чистую пшеницу. Невелико будет число тех, которые встанут вокруг престола Его! Покайтесь, пока не поздно!

— Иоханан! — твёрдо и спокойно перебил Гамалиил. — Когда Он придёт?

Толпа затаила дыхание. Ответ заставил себя ждать.

— Одна ночь осталась до утра, — задумчиво и неспешно зарокотал голос Льва Пустыни. — Одна светлая ночь полной луны. Но кто измерит путь Его и кто исчислит шаги Его? Может быть, час уже настал. Может быть, Он *уже здесь*, но ещё не открыл своего лица.

— Где — здесь? — с видом озадаченного ребёнка спросил Гамалиил.

Он был явно сбит с толку. Иоханан посмотрел на него с бесконечным высокомерием. Настал миг его торжества, и он смаковал эти секунды.

— Здесь, среди нас, — буднично пояснил он. — Стоит и слушает эти речи. Кто знает, не говорим ли мы в Его присутствии?

Снова вздох пролетел по толпе — нет, скорее стон испуга. Какой-то юноша в первых рядах толпы без памяти рухнул на песок: впрочем, то мог быть и солнечный удар. Гамалиил в изумлении воздел руки. Другой посланец вскочил на ноги и начал дико озирать лица толпы.

— Одна ночь, только одна ночь, — повторил Иоханан. — И утром Он преобразится на Фаворе, и явится, одетый в сияние. Ждите с Ним Илию и ещё Иного, кто выше Илии. И все узрят Того, кем пренебрегали, в великой силе и во всей славе Его. Одна ночь полной луны. . .

Голос его угас, на глазах как бы показались слёзы, ибо он на миг подумал о себе. Но тут же разъярился на собственное малодушие, выпрямился и натянулся, как струна. Голосом сильнее урагана он посулил посланцам санэдрина:

— И тогда горе вам! Ибо Он воздаст сторицею за слёзы малых и за кровь невинных!

Рёв ярости и восторга раздался кругом. Люди кричали и плакали, как безумные. Посланцы санэдрина, уничтоженные, прижались друг к другу. Иоханан отвернулся от них и пошёл к своему шатру. На пороге он остановился.

— Дайте им есть, если они захотят, — сказал он Натану и Анастасию, — а потом, как только спадёт жара, проводите обратно на пять часов пути. Негоже им оставаться в нашем стане! Да смотрите, чтобы с ними не случилось худого.

И он ушёл к себе, ибо нуждался в отдыхе.

Начальствующие в лагере люди в точности исполнили его приказ.

Солнце начало склоняться к закату, когда пророк снова вышел из шатра, чтобы отправиться в Иордан для обряда крещения. Посланцы санэдрина были уже отосланы, и вечером достигли Иерихона.

И ордан, река длиною в 215 километров, течёт с севера на юг, протекает через Геннисаретское озеро и впадает в Содомское или Мёртвое море, оно же Лотово озеро, бессточное и горько солёное; оно лежит в самой глубокой впадине нашей планеты. Обычная ширина Иордана в среднем течении — тридцать метров, и это единственная крупная река Палестины.

Западный (правый) берег Иордана был плоским, а восточный — крутым и обрывистым; стены этого обрыва покрыты густыми кустами олеандров. Чуть далее к востоку находился стан Пророка.

На плоском западном берегу тощая растительность солончаковой пустыни сменялась у реки зелёной каймой кустарников. Преобладал тамариск (гребенщик), в изобилии покрывающий всё нижнее течение Иордана; это небольшое деревце не боится ни соли, ни засух, по направлению к горам, тамариск мешается с буйным, колючим терновником; на восток, к реке уступает место иве. Берега Иордана окаймлены камышами; изредка в них ещё попадались тогда крокодилы, позднее совершенно истреблённые.

Недалеко от лагеря Иоханана река образовывала небольшой мелководный залив, естественное подобие купели или бассейна: это и было место крещения.

Позднее греки называли этот обряд «*баптисмос*» («погружение в воду»). Издавна омовения лица и рук входили в ритуал разных религий. Правверным иудеям предписывалось совершать множество различных омовений, обставленных детальными правилами и специальными молитвенными формулами. Но весь этот богато разработанный церемониал превратился в формально-традиционную игру с водой, исполнявшуюся в невозмутимом спокойствии духа.

Ессеи, составлявшие тайную, но непримиримую оппозицию Иерусалимскому Храму, в отличие от древних книг и всех традиций иудаизма потребовали от верных *духовного* очищения как необходимого компонента ритуальных омовений. Этими тайными установлениями Сыны Света (как называлась одна из главных общин ессеев) уже приблизились к таинству крещения.

Но всё же в «баптизме», крещении, есть нечто, совершенно неведомое евреям: обряд совершается под открытым небом, в водах священной реки. В религии далёкой Индии уже в древности считалось необходимым для всех верных очищающее купание в водах святого Ганга. Но там каждый купается сам по себе, молитвенно сложив руки и сосредоточившись в обращении к Богу. Обряд, введённый Иохананом, отличался от всех иных омовений или купаний.

В Писании есть одно пророчество, на которое ссылался Иоханан: «И окроплю вас чистою водой, и вы очиститесь» (Иезекииль XXXVI, 25). Соединив это «окропление» с восточным купанием в священной реке, Иоханан ввёл *одноразовый* обряд купанья, символически обозначающий очищение человека от всего греховного прошлого, покаяние и вступление в новую религиозную эру. В знак разрыва со старой жизнью многие иудеи, окрещённые Иохананом, даже *меняли свои имена*. Крещение было переходом из царства необходимости в царство свободы, из века рабства, тьмы и неправосудия в эру Мессии.

Окрещённый Иохананом считал себя готовым к Его пришествию: во всяком случае, подготовленным к этому лучше других. Поэтому народ со всей Иудеи валил к Иоханану бесчисленными, сменяющимися волнами.

Несколько остыв после беседы с посланцами синедриона, Иоханан вошёл в воду Иордана. Свой плащ из верблюжьей шерсти он повесил на иву и остался в простой полосатой сорочке. Солнце, медленно склоняясь к Иудейским горам, озарило его могучую фигуру. Длинной чередой новокрещаемые потянулись к реке; за церемонией наблюдали с берега сотни уже крещённых.

Обнажённые до пояса, новокрещаемые поочерёдно входили в Иордан и склоняли голову перед пророком. Обряд состоял из погружения в купель и благословения. Люди не купались сами, их *окунал* (что и значит слово «баптисмос»), купал Иоханан, как заботливый отец купает своих детей. При этом он с монотонной торжественностью повторял одну и ту же формулу крещения от имени Сына Божия, то есть Мессии.

Вдруг череда верных удивлённо колыхнулась. Иоханан оглянулся и замер.

Что с ним случилось?

Пророк, подняв голову, смотрел на берег.

И в этот же момент на чистом иудейском небе внезапно появилась одинокая тучка и стала расти, постепенно заслоняя солнце. Это было поистине удивительным, потому что в Палестине всегда только два времени года — сухое и дождливое. Летом дождей не бывает, осень очень тёплая (октябрь не холоднее июня). В конце октября южный ветер приносит «ранние дожди», и начинается иудейская зима, с морозами до двух градусов ниже нуля по Цельсию, иногда со снегом (не каждый год). В ту пору, о которой мы рассказываем, до «раннего дождя» оставалось ещё десять дней. Тем не менее, туча росла. Озадаченные евреи смотрели то на небо, то на Иоханана.

Он же смотрел на берег. В череде крещаемых приближались двое в белых льняных одеждах — праздничных одеяниях братства ессеев, именующих себя «людьми Божией во-

ли», «бедняками», «младенцами», «сынами света». Ессеями называли их другие. За двумя ессеями шёл смуглый полунагой галилеянин с осанкой воина; на шее у него висел огненного цвета волшебный корешок — *баарас*.

Первый из есеев, небольшой человек с нестриженными волосами, отличался своим печальным, уродливым лицом, худым и малым телом, но в то же время — прямой и спокойной осанкой. С ним резко контрастировала изящная фигура подростка с лицом робким и нежным, как у девушки: он взволнованно цеплялся за руку старшего, словно ища у него успокоения.

Тихий шёпот пролетел по толпе: люди узнали в безобразном есее того странного человека, который говорил с пророком до третьей стражи и о котором ползли по лагерю удивительные слухи.

Туча, гонимая ветром, уже застлала полнеба и в отдалении послышалось ворчание грома, и тень пала на берег Иордана, когда Йешуа Назорей вошёл своею чередою в залив и, как все, погрузился в воду, склонив голову перед пророком. Потом он поднялся по грудь.

Струи священной воды смочили его голову и потекли по спине. Затем Йешуа поднял голову, и пророк вздрогнул.

Опять эти глаза!

На мгновение словно дикая пчёлка замелькала перед взором Иоханана, и всё поплыло по кругу: горы, Иордан, камыши, толпы людей и самое небо. Затем мир в глазах Иоханана вернулся в обычное состояние.

Дрожа и слегка заикаясь от длительного пребывания в воде, Иоханан спросил — и не забыл умерить свой голос:

— *Скажи, не ты ли Мессия?*

Никто не слышал этих слов кроме Йешуа и юного есея Иоханана, шедшего следом за своим учителем. Мальчик побледнел и дико уставился на пророка. А тот уже пожалел о своём вопросе, ибо здесь было неуместно вопрошать о таком.

Йешуа ничем не выразил своего удивления. Как же так, ведь он уже ответил на этот вопрос перед восходом солнца. Неужели пророк не понял его тогда?

Безмолвно склонил Йешуа голову с мокрыми, слипшимися волосами и сложил руки, испрашивая у пророка благословения.

Иоханан торжественно простёр над ним обе руки, благословляя его.

И по совпадению, которое удивительно, но возможно, в этот самый миг прямо над ними блеснула многоветвистая молния, треснул сухой и страшный удар грома.

— Бас-Кол! Бас-Кол! — в суеверном ужасе зашумели евреи. Они побледнели, многие схватились друг за друга, и голоса звучали испуганно.

«Бас-Кол» означало по-еврейски «голос с неба». Голос этот мог быть громом, или долгим откликом естественного эхо, либо другим стихийным звучанием природы. Признаком небесного знамения служило само совпадение звуков стихии с поступками или речами людей.

Когда Иоханан крестил Назорея, сверкнула молния и грянул гром.

Но грозы так и не дождались. Ветер погнал тучу дальше, в сторону Геннисаретского озера. Над местом крещения светлело.

Йешуа вышел из воды в сосредоточенной и строгой думе, не замечая робости и удивления, окруживших его. Он остановился под ивой, поджидая своего племянника и Симона Зелота.

И тут люди снова зашумели вокруг, указывая руками вверх по реке.

— Огонь на воде! Огонь на воде!

Йешуа тоже вытянул шею, рассматривая диво. Посреди Иордана горел огонь, поднималась тонкая струйка дыма.

В этот момент к нему подошёл Симон Зелот.

— Симон, видишь ли ты, что там горит? — спросил Йешуа.

— Сломанное дерево застряло на мели, а молния зажгла его, — через мгновение ответил зоркий Симон.

— А люди думают, что горит сама вода, — сказал Назорею подошедший в этот миг Иоханан, племянник и ученик Йешуа.

Араб Хасан вынырнул из толпы и с низким поклоном приблизился к Назорею. Он смотрел на него огромными глазами.

— *Айса Хаким!* — сказал он, едва шевеля пересохшим языком. — *Молния зажгла воду, когда Яхья Эль Наби окунал тебя. Я сам это видел.*

— Не говори никому об этом! — строго ответил Йешуа.

Измаильтянин приложил руку ко рту, кивнул и снова растворился в толпе. Косые лучи золотого солнца ласково засветились над Иорданом, и небо очистилось полностью.

Глава IV. Опасные тропы.

Ночью в стане пророка явились новые искатели истины, и среди них — двое друзей Йешуа Назорея.

Один из них, молчаливый рыбак Андрей с Геннисаретского озера, был товарищем его детских игр; другой был странник Фома, его часто называли Дидим, по-гречески «близнец», что было точным переводом еврейского имени «Фома». Он неделю назад вернулся из Месопотамии, был чёрен от солнца и ещё не снял одежду странствия. Арабы, попадавшие в лагере Иоханана, заговаривали с ним на его языке, и он отвечал им на всех наречиях Аравии. Неутомимый бродяга, он знал и любил Восток.

Фома мог бы многое пересказать, но сейчас важнее были вести из Галилеи. Андрей застал Йешуа в шатре пророка и поведал обоим, что Иона схвачен в Хоразине и доставлен в Тибериаду; видимо, скоро он предстанет перед Господом. С ним вместе взят Иаков, брат Йешуа. По всей Галилее свирепствуют воины Ирода и сборщики податей. Мария, мать Учителя, зовёт его.

Йешуа попросил Иоханана Пророка отпустить его. Пророк сказал:

— Путь не близок. Не окажешься ли ты в дороге, когда наступит суббота?

— Я выйду тотчас же и буду идти ночами, а в полдень отдыхать. Если Богу будет угодно, мы успеем в Кану до субботы.

— Какой дорогою ты пойдёшь?

— За Иорданом, ибо не хочу вступать на землю самарян.

Дорога по западному берегу Иордана неизбежно пересекала Самарию, отделявшую Иудею от Галилеи. Йешуа, как и все евреи, считал самарян отступниками правой веры.

— Остерегайся дурных людей! — сказал пророк.

— Со мною будут уже не два спутника, а четверо.

— С тобою пойдут пятеро, ибо я отдаю тебе моего соименника Иоханана, сына Зеведея. Человек этот — вернейший из верных, настоящий галилеянин. Да будет он вестником между тобой и мной.

Пророк вызвал Иоханана и велел ему собираться в путь с Йешуа:

— Повинуйся ему, как мне. В мире больше нет подобных ему.

Слуги пророка дали путникам воды, хлеба, маслин и рыбы. Пророк на прощание обнял Назорея и благословил его.

Итак, шесть человек выступили на север. Дорога тянулась вдоль Иордана, то вздымаясь, то ныряя в долины. Это была Перея, край суровый и опасный, но зато населяли её верные иудеи. Рядом с Йешуа шёл и его племянник Иоханан и Андрей Рыбак, за ними Симон Кананит и Иоханан Рыбак, а замыкал группу Фома Странник, которому ещё предстояло прославиться в веках своим скептицизмом.

Они шли почти без остановок пять часов. На закате солнца остановились для молитвы, немного поели и утолили жажду. После двухчасового отдыха пошли далее. Все они, даже юный ессей, привыкли к дальним переходам, всех подгоняла мысль о брате Учителя, заточённом в Тибериаде. Наступила ночь. Дорога шла горами.

В этом краю некогда находилось царство аморреян, уничтоженных Моисеем в его упорном продвижении на Иордан. Ночной мрак, суровый ландшафт долгая ходьба постепенно заставили умолкнуть все разговоры, и шестеро шли молча, погружённые в свои мысли.

Колючие кустарники обступали дорогу.

Вдруг неподалёку раздался крик филина. Известно, что эти птицы любят гнездиться в развалинах, а Перея издревле служила ареной жестоких войн, и в ней было столько же руин исчезнувших городов, сколько и городов обитаемых.

Крику филина близ дороги ответил другой такой же крик — на сей раз впереди путников. Что-то затрещало в кустарниках.

— А ведь это не филины кричат, — заметил Фома.

Никто не ответил. Дорога вилась по горному склону, слева чернел обрыв. Приходилось ступать очень осторожно. Тут филин крикнул в третий раз.

Путники заколебались. Симон Зелот решительно двинулся вперёд. И тут впереди показался тусклый огонёк. Все пошли за Симоном.

Прошли шагов двадцать: огонёк словно висел над дорогой. Сделали ещё несколько шагов, и у всех (кроме одного) вырвался крик ужаса.

Они увидели над дорогой лошадиный череп со светящимися глазами.

В ту эпоху мир был заражён суевериями. Евреи и римляне, вавилоняне и греки, египтяне и скифы одинаково верили в духов.

Наши путники в страхе смотрели на диковинное явление. И тут за спиной их послышались шаги многих людей.

Обернувшись, путники увидели, что следом за ними по дороге поднимается большая группа людей, переговариваясь громкими голосами. Призрачный свет месяца позволил различить их тёмные лица и оружие в их руках.

— Это ловушка, — сказал Йешуа Назорей. — За мной!

Он двинулся вперёд, не оборачиваясь, прямо к страшному черепу.

Подняв свой посох, он ударил по черепу, который слетел на дорогу, обнаружив горящую жердь; на неё-то и был он кем-то насажен, что создавало столь страшный вид. Йешуа ногою столкнул череп в обрыв.

Зоркий Симон Зелот с воинственным криком бросился в кусты, где заметил нечто подозрительное; послышался треск, возня, и через несколько мгновений Симон скатился обратно на дорогу, волоча за волосы человека в лохмотьях. Бросив его на дорогу, Симон выхватил свой короткий кинжал.

— Не смей проливать кровь! — приказал Йешуа.

Симон повиновался, но так ударил своего пленника, что тот завопил от боли. Фома начал собирать камни. Вооружённые люди приближались медленнее.

— Братья, на помощь! — крикнул пленник Симона, человек, поставивший пугало. — Они схватили меня!

Тогда вооружённые люди остановились и начали совещаться. Они посматривали вверх, пытаясь при свете месяца определить число путников. И тут Фома метнул в них камень. Один из разбойников, взмахнув руками, с воплем сорвался вниз.

Правда, он не убился, а застрял в кустах терновника и повис над пропастью. И тут разбойники обратились в бегство.

— Стойте, люди! — закричал им вслед Йешуа. — Не бойтесь, мы вас не обидим! Вернитесь и вытащите своего товарища!

Он повернулся к Фоме, положил ему руку на плечо и сказал:

— Если этот человек умрёт, я расстанусь с тобой.

— Неужто этот злодей тебе дороже, чем я? — обидчиво спросил Фома.

Йешуа близко посмотрел ему в лицо и не ответил.

Трое разбойников с опаской возвратились. Они связали свои пояса и спустили конец товарищу Йешуа и Фома сошли к ним и помогли его вытащить. Разбойник стонал, с трудом карабкаясь вверх.

Наконец, его вытащили, и он без сил опустился наземь.

— Я не могу стоять, я вывихнул ногу.

Одетый лучше других разбойников, он казался их главарём. Йешуа велел своим спутникам крепко держать его и вправил вывихнутый сустав.

— Хвала тебе, искусник! — с облегчением сказал атаман.

— Мы причинили зло, мы его исправили, — ответил Йешуа. — Однако сиди спокойно, твоей ноге нужен отдых.

— Я раскаиваюсь, что напал на вас! — сказал разбойник, лёжа на спине и с удивлением рассматривая Йешуа. — Вас хранит Бог.

— Вы правоверные? — спросил Йешуа.

— Конечно! Мы молимся трижды в день и блюдём субботу.

— Но вы убиваете своих единоверцев?

Атаман обиделся.

— Глуп тот разбойник, который убивает людей! — вскричал он.

— Мы только пугаем и грабим, — добавил другой.

— А почему вы так обносились?

— Поверишь ли, трудно стало разбойничать. Люди запуганы, ходят толпами. Поселяне дают только хлеб. Три дня мы не ели досыта.

— Возьмите половину наших припасов, — предложил Йешуа. — Нам будет легче идти. Слуги пророка дали нам слишком много.

— Вы идёте от Иоханана Пророка? — с недоверием спросил атаман.

— Позавчера он крестил нас в Иордане.

— Скажите, скоро ли придёт Сын Человеческий?

— Может быть, он уже пришёл, — ответил Иоханан, сын Зеведея, — но только не явил своего лица.

Поражённые разбойники уставились друг на друга.

— Надо идти к Иоханану, пока не поздно, — сказал старый разбойник.

— Когда воцарится Мессия, не будем больше грабить. Ведь не родились же мы разбойниками, словно измаильтяне пустыни.

— И много ли вы стяжали грабежом? — спросил Йешуа.

— У меня осталось пять сиклей серебра, — ответил атаман. — Разбойники в палатах Кесарии и Тибериады удачливее нас: они грабят средь бела дня и мерят добычу *киккарами*.

Киккаром назывался восточный талант.

— Ремесло ваше и греховно, и неприбыльно, — сказал Йешуа, с сожалением качая головой. — Ступайте к пророку и покайтесь. А нам пора идти.

— Хотите, мы проведём вас короткими тропами? — спросил атаман.

— Что ж, дай нам провожатых.

— Наум и Толмай! — приказал атаман. — Проводите странников по нашей тропе до границы Переи.

Йешуа оставил трусливым разбойникам половину съестных припасов и ушёл, напутствуемый их благодарностями.

Два провожатых повели наших путников тайной тропой.

Сначала тропа вела круто вверх, и все выбились из сил. Но затем одолели перевал, идти стало легко.

Перед рассветом спугнули стадо диких коз. Далеко в долине видели спящие селения.

В кустах запели птицы, и небо над Аравией начало светлеть.

— Учитель, — сказал Симон, — мы устали. Не пора ли отдохнуть?

— Мы поедem после утренней молитвы, и пойдём снова, и сделаем привал через четыре часа.

Целый час они шли через могучий кедровый лес, наслаждаясь его бодрящим и резким запахом. Перея была богата кедром и дубом.

Когда они вышли из леса, взошло солнце. Остановились лишь для молитвы и завтрака, затем пошли далее.

Впереди над тропой нависала крутая скала. Фома поднял руку.

— Кажется, там кто-то есть, — сказал он.

— Они только что потушили костёр, — ответил Симон Зелот, нюхая воздух.

— Там наши товарищи, — ответил разбойник Наум.

Подойдя к скале, они услышали сверху грозный окрик: внезапно выскочив на край обрыва, три стрелка целились в них из луков.

— Стойте и не шевелитесь! Мы попадаем в зрачок левого глаза!

— В кого вы целитесь, сыны греха? Завопил проводник. — В меня, Наума? Или в этих людей, которые идут от Ревущего в пустыне? Попробуйте только выстрелить, и Бар-Рабба отрежет ваши пустые головы.

При этом имени путники переглянулись. Имя Бар-Раббы гремело от Дамаска до Эдома, о его силе и свирепости рассказывали легенды.

Стрелки, между тем, опустили луки, а рядом с ними появился человек в алом плаще, очень широкий в плечах, и наклонился над обрывом.

— Радуйся, Бар-Рабба! Я Наум, ты узнаёшь меня?

— А, это ты, приятель! Что ты говорил о людях Пророка?

— Это друзья Того, кто купает в Иордане. Они идут к себе в Галилею.

— Друзья Пророка? Подождите, сейчас спущусь!

И он, несмотря на свою толщину, легко сбежал по боковой тропке, делая огромные прыжки и раздирая о терновник свой нарядный плащ. Когда он предстал перед путниками, его широкое и зверское лицо выражало радостное удивление.

— Мир вам, люди пророка! Я зовусь Йешуа Бар-Рабба, разбойник. Подымитесь в мою обитель и будьте моими гостями.

— И тебе мир, Бар-Рабба! Я Йешуа Бар-Иосиф, плотник. Мы разделили бы твой хлеб, но брат мой схвачен в Хоразине с Ионой, и его ждёт смерть. Я хочу подать ему помощь, если он жив, потому грех нам мешкать в пути.

— Святое дело! — покорно сказал атаман. — Не стану вас удерживать. Я даже хотел бы помочь тебе, чтобы исторгнуть твоего брата из темницы, ибо я ненавижу все клетки и узилища.

— Я тоже, — сказал Йешуа. — В этом мы согласны.

— Ведь ты не возьмёшь моих денег?

— Нет, не возьму.

— Мои деньги слишком грязны для тебя, праведный человек?

— *Все деньги — навоз*, — равнодушно ответил Йешуа.

Бар-Рабба с удивлением воззрился на него:

— Как же ты выручишь брата без золота и серебра?

— Господь подскажет.

— Благо тебе, мудрец! Ты хорошо сказал. Я тоже попираю их, ибо у меня их много. Но у тебя . . .

— У меня их нет, — ответил Йешуа.

— Всё же деньги сильны, очень сильны. Давай испытаем их силу.

— Каким же образом?

— Я пошлю в Город Могил моих *атарим* (лазутчиков) и дам им золота, чтобы ослепить стражу и выкупить Иону вместе с твоим братом. Как зовут твоего брата?

— Иаков, сын Иосифа Плотника.

— Посмотрим, что сильнее: твоя мудрость или моё золото. Эй, Рувим Кривоногий!

— Я здесь, Бар-Рабба! — откликнулся разбойник с лицом проныры и ногами наездника.

— Ты слышал, что здесь было сказано? Пойдѐшь в Город Могил и выкупишь из темницы Иону и Иакова.

— С охотою, Бар-Рабба!

— Если удастся, я щедро тебя награжу.

— Выбери себе двух помощников и оденься в такую одежду, в какую захочешь. Черпай из моей казны обеими руками.

Бар-Рабба снова повернулся к Йешуа Плотнику:

— Да, деньги — это навоз. И люди, которые их любят, тоже навоз. И всё же золотой ключ подходит ко всем замкам. Я спасу твоего брата.

— Что ни делаешь доброго или злого, делаешь это себе, — ответил Йешуа.

Он сдержанно простился с Бар-Раббой, и они ушли, Йешуа и его спутники. Все толковали о знаменитом атамане, но Йешуа молчал, глядя под ноги, и горесть видна была на его лице.

— Учитель, разве ты не одобряешь его поступка? — спросил Симон.

— Симон, он хочет выкупить мою родную кровь добычею убийства и ценою другой крови. Вчера мы видели филина, а это барс. Он убивал много людей. . .

— Но теперь его деньги пойдут на доброе дело. . .

— Какие *его* деньги? — с отчаянием сказал Йешуа. — Пойми же, Симон, это будет всё равно, как если бы для спасения Ионы и брата моего Иакова убили других невинных!

— Понимаю, — растерянно сказал Симон. — Но *тех* ведь он уж давно убил. . .

— Какая разница? — ответил Йешуа. — Вчера или завтра, всё равно, он убивает таких же детей Авраама. За деньги крови он выкупит моя кровь, а завтра убьёт ещё, чтобы возместить расход казны своей. Горе тому, кто кровью выкупает кровью!

И он добавил через несколько шагов:

— Мне будет стыдно, если он спасёт Иакова.

После этого он умолк опять и пошёл ещё быстрее.

Солнце поднялось уже высоко, когда перед ними открылась узкая теснина, по дну которой бежала небольшая речка.

— Это Явок? — спросил Йешуа у Наума.

— Да, мудрец. Здесь кончается земля Галаадская. За Явоком уже земля тетрарха Филиппа, мы туда не пойдём. Но вы легко найдёте дорогу; вон за той горой есть селение.

— А под горой пастухи со стадом, — добавил Симон Зелот. — Я вижу дымок их костра.

— Благодарю вас, Наум и Толмай. Оставьте грабежи и вернитесь в мирные селения.

— Мы бы рады, но боимся за наши прежние дела. Нас могут узнать.

— Всё же мы подумаем.

И с тем они ушли.

Йешуа и его ученики поели и, подстелив свои полосатые плащи, заснули над Явоком в тени олеандров. Мечтательное небо и весело порхающие сизоворонки охраняли их сон.

Это была удивительная и сказочная земля. Немножко далее к востоку находилось то место, где патриарх Иаков, возвращаясь из Месопотамии, перешёл вброд через Явок и где выдержал ночью таинственную борьбу с Богом, оставшись навеки хромым в память об этом. Он назвал это место *Пенуэл* — «лицо Бога», сам же был прозван с тех пор *Исроэл* («борющийся с Богом»). На том месте, где праотец евреев силою вырвал у Господа благословление, несколько веков назад стоял город Пенуэл.

Но жители его, когда великий Гедеон гнал разбойников пустыни — хищных мадианитян, из страха перед этими опасными соседями предали общее дело евреев и пропустили бедуинов без ущерба. И тогда Гедеон истребил город предателей. Теперь в руинах Пенуэла гнездились совы и филины.

Там был край Аравийской пустыни, откуда возникали неожиданные набеги, из которых бедуины возвращались с богатой добычей — или не возвращались

Теперь граница стояла спокойнее, и силы кочевых племён смирились перед сооружениями кесарей; бедуины предпочитали торговать с евреями, продавая им коней и верблюдов.

Однако недавняя обида эмира Хамета снова посеяла тревогу, и тетрарху Галилеи предстояло поплатиться за оскорбления, которые он нанёс своей первой жене, арабской царевне.

Ближе к вечеру Йешуа разбудил учеников. Они перешли через Явок и вступили в тот край, где до завоеваний Моисея жили *рефаим* (исполины).

Возможно, предания о них были порождены огромными могильниками, дольменами, которые в изобилии находили здесь евреи. Некоторые из камней были базальтовые, а базальт крепче железа: может быть, такую плиту и приняли за железную кровать Ога, царя исполинов, о котором упомянуто в Писании.

Путники оставили справа Маханаим («лагеря») — местность, где царь Давид скрывался от мятежного сына своего Авессалома.

Ночь застала их в горах Голаштиды. Подданные Филиппа, тетрарха итурейского, голаниты были племенем смешанного происхождения, но крепко держались иудейской веры и славились любовью к свободе. Между ними и галилеянами было много общего, а вокруг Галилейского моря они жили как соседи и сородичи.

Путники шли всю ночь и сильно устали. Днём они вошли в бедное селение голанитов и были радушно встречены. Их отвели в маленький постоялый двор, где несколько торговцев не обратили внимания на нищих странников. Недолгий привал восстановил их силы, и они отправились далее.

Жара начала спадать, когда они вступили в Гадаринскую область.

— Учитель у нас кончился хлеб, — сказал Симон. — Осталось несколько маслин. Как быть? Голодные, мы не сможем быстро идти.

— Пойдём в Гадару и купим хлеба.

Впереди показались белые стены Гадары.

Богатый и славный город прежде входил во владения Ирода Великого, но после низложения его сына Архелая был присоединён к провинции Сирия.

Шестеро евреев вошли в цветущую и шумную Гадару.

Весёлый народ, одетый гораздо светлее и легче, чем одеваются евреи, с любопытством разглядывал усталых путников. Женщины с голыми руками, выглядывая из ворот, скалили на них зубы. Всюду сыпалась, как горох, круглая и бойкая эллинская речь. Многие люди разгуливали с непокрытыми головами, что не принято на Востоке.

Суровые пришельцы молча озирались на мраморные колоннады, бани и стройные языческие храмы, за которые Гадару прозвали «сирийскими Афинами». Евреев поражало, что некоторые гадаринцы сидя на скамьях перед дамами и болтая между собой, *глядели своих собак*. Для евреев и арабов собака была нечистым животным, ибо она находит пропитание на свалках.

Рынок был переполнен. Через Гадару проходил большой торговый путь из Тибериады и Скифополя во внутренние округа Перееи и в Дамаск.

Странники с трудом отыскивали еврейскую лавчонку, где скучал одноглазый торговец — еврей смешанной крови. Он заискивал перед ними, ибо сознавал греховность своего обита-

ния в городе язычников; к тому же пришельцы, как чистокровные евреи, были выше его. Они наскребли совсем немного денег, но кривой, не выказав досады, дешёво продал им хлеба и рыбы. Эта рыба была уже «своя» — из Геннисаретского озера.

Они простились с кривым гораздо теплее, чем поздоровались.

— Пойдёмте прочь из Эллады, — сказал Симон Зелот. — я хочу скорее вернуться на еврейскую землю.

Когда они уходили из города, кучка уличных мальчишек увязалась за ними, принялась, их дразнить, хрюкать и визжать по-пороссячи. Прохожие покатывались от хохота. Йешуа и его спутники сохраняли невозмутимость и шли не оборачиваясь. Тогда дети стали бросаться в них голышами.

Андрей, хорошо говоривший на койнэ, крикнул озорникам:

— Отвяжитесь, поросята, не то мы пожалуемся большим свиньям!

Дети расхохотались и отстали, но при словах Андрея группа гадаринцев, которая с быстрой жестикуляцией спорила о чём-то на перекрёстке, разом обернулась, будто всех одновременно ужалили оса.

Молча рассмотрели греки запыхлённые лица и бедную одежду странников, их полуразвалившуюся обувь. Конечно, гадаринцы знали, что бывают знатные евреи, которым подобает оказывать почтение; бывают богатые евреи, с которыми полезно иметь дело; но сейчас перед ними были евреи низкого сорта, неписьменные люди или по-гречески *анедевты*.

Вдруг от группы отделился высокий старый грек в богатой одежде, с уверенной походкой и грозной наружностью. Он бросил несколько слов через плечо остальным и пошёл следом за евреями.

Он шёл один, широкими шагами; прочие греки смотрели ему вслед, оставаясь на месте.

— Уж не хочет ли он нас побить? — спросил юный Иоханан.

— Что ж, мы будем не первые, — с тихим смешком ответил Йешуа.

— Пусть только попробует! — пробормотал Симон Зелот, искоса бросая взгляд на приближающегося грека. Но тут грозный старик догнал их и сказал на искажённом арамейском языке:

— Мир вам, евреи!

— И тебе мир, эллин! — ответил Йешуа.

— Если вы разумные, то вы простите дурно воспитанных детей.

— Разве ты заметил в нас гнев или обиду?

Старик нахмурил брови и помолчал, на ходу сочиняя фразу, потом сказал:

— С позволения прошу, проводить вас до ворот города.

— С нами не будет ничего плохого, — сказал Йешуа, — но мы тебя не гоним, и дорога принадлежит всем идущим.

Старик молча шёл с ними до ворот Гадары. Здесь он остановился и гордо-изыщным жестом поднял свою сильную руку:

— Хорошая дорога, евреи!

— Покой твоему дому! — ответили они.

Размышляя о случившемся, они сели под пальмой в одном полёте стрелы от Гадары, утолили голод, попили из ручья и пошли далее.

Взойдя же на одну из высот, они увидели впереди блистающий край родного Галилейского моря.

Собственно, это Геннисаретское озеро, из которого вытекает Иордан. Оно лежит во впадине, окружённое буйной растительностью; длина его 31 километр, а ширина — восемь. В те времена оно было очень богато рыбой. Евреи говорили: «Бог создал семь озёр в земле Ханаанской, но только одно озеро Галилейское избрал для себя самого».

Вид любимого моря умножил силы галилеян; мягкий воздух его освежил их лица. Через час они спустились в Гамалу, где звучала громкая арамейская речь, и дома были еврейские, четвероугольные, с плоскими крышами, и голаниты, так похожи на галилеян, хлопотали под сенью своих померанцевых деревьев и финиковых пальм. Люди деятельно готовились к субботе. Йешуа со спутниками вышел на берег моря.

Но у странников совсем не осталось денег на перевоз, и ученики спросили у Йешуа, что же им делать.

Он подошёл к рыбакам, весело выгружавшим улов, поздравил их и попросил перевезти через озеро:

— Мы прошли долгий путь, нам нужно успеть до субботы в Кану Галилейскую.

— Нет, добрый человек, мы не можем бросить свой промысел, — отвечали рыбаки, — ступайте к перевозчикам.

— Нам нечем платить за перевоз.

— Мы такие же рыбаки, как и вы, — сказал Иоханан, сын Зеведея.

— Мы очень спешим.

— Понимаем, понимаем, — в затруднении бормотали рыбаки.

Народ собирался, сочувственно качал головами. Путникам предложили остаться в Гамале и разделить субботу, но перевезти их никто не брался.

Вдруг все расступились перед красивым молодым человеком с мрачным лицом. Он был одет в рубище, а держался как царевич.

— Мне сказали, что вы идёте от Иоханана, пророка галилейского.

— Да, брат мой, — ответил Йешуа.

— Я вижу среди вас Симона Зелота.

— Да, это я.

— Разве ты не узнаёшь меня?

Симон присмотрелся к молодому человеку и всплеснул руками:

— Господь велик! Это ты. . .

Но красивый бедняк властным жестом заградил его уста.

— Ступайте за мной, странники! — приказал он.

Он привёл их к пристани перевозчиков. Всюду его появление вызывало почтительную робость, но никто не обращался к нему первым и никто не называл его по имени. Люди смотрели на него и молча ждали.

— Перевозчики! — сказал он. — Дайте мне большую лодку с парусом. Я хочу перевезти этих людей через море.

— *Возьми какую хочешь*, — ответил старший перевозчик.

Молодой галанит выбрал лодку, посадил в неё путников и сам сел за руль. Перевозчики оттолкнули лодку от берега. Рыбаки Иоханан и Андрей поставили парус, и лодка весело заскользила по сверкающей зыби озера, пересекая его в северо-западном направлении.

Измученные путники, кроме Йешуа и Симона, заснули вповалку на дне лодки. Йешуа с наслаждением вдыхал ласковый воздух.

Горизонт отовсюду замыкали горы. Только на юге они расступались, выпуская из озера Иордан. Пеликаны на отмелях ловили рыбу, и тонкая рябь озера медленно золотилась под солнцем.

— Возьми чуть ближе к Городу Могил, — попросил кормчего Йешуа.

Переодетый царевич сильной рукой повернул руль, Симон подтянул парус, и лодка, описывая дугу, приближалась к западному берегу, где почти прямо напротив Гамалы из вод моря вырастала Тибериада, столица Ирода Антипы.

Становились различимы белые стены и фронтоны, а среди них поблёскивало золотое пятно — кровля дворца тетрарха. Лодки кишели перед Тибериадой, виднелись и более крупные судна, а у самой пристани колыхались на якоре две богато украшенных галеры тетрарха. Антипа считался богатым государем и мог себе позволить такую роскошь.

Этот город вырос с удивительной быстротой. Ирод Антипа основал его на третьем году принципата Тиберия в узкой долине у озера, в самой красивой части Галилеи. Это была любимейшая резиденция тетрарха, так как в горах близ Тибериады бил целебный источник. В момент нашего рассказа Тибериада существовала около тринадцати лет.

То был типичный иродианский город — из тех полуязыческих городов с подражательной греческой архитектурой и льстивыми римскими именами, какие Ирод Великий и его преемники строили чуть не по всей земле Израиля. Население Тибериады состояло в основном из язычников или столь ненадёжных евреев, какими были идумеяне. Подлинных евреев было мало, и на то была особая причина.

Город был построен на месте древнего кладбища, а евреи считали все кладбища местожителем демонов. Ни один иудей не мог вступить в Тибериаду, не подвергаясь обрядовому осквернению. Вследствие множества гробов, которые приходилось удалять при закладке фундаментов, всякий живший в городе еврей делался *нечистым*; поэтому Ироде Антипе пришлось заставлять свой народ жить в Тибериаде или привлекать засельщиков очень важными привилегиями. Евреи боялись и брезговали приходить в Город Могил, хотя Антипа построил в нём не только языческий амфитеатр, но и великолепную синагогу.

Вот почему Йешуа Назорей никогда не бывал в Тибериаде, хотя не раз приближался к ней.

Сейчас он с мрачным любопытством рассматривал её увенчанные башнями крепостные стены, её мощную цитадель и Золотой Дом тетрарха, Бросавший на Геннисаретское озеро зыбкие тени своих мраморных львов и скульптурной колоннады.

— Нравится тебе Город Могил? — спросил с усмешкою кормчий.

Йешуа посмотрел на него и ответил одним греческим словом:

— *Πορνείον* (дом блуда).

Кормчий кивнул.

— Недалёк час, — сказал он, — когда я и мои братья dokonчим дело нашего отца.

— Тогда я понял, кто ты! — тихо сказал Йешуа.

— Об этом нельзя говорить, ибо я скрываюсь. Имя моё запретно.

— Спутники мои спят, и никто нас не услышит. Да будет над тобою благословление Божие, о сын Галилеянина!

— Да, так народ называет моего отца. Но ты ведь знаешь, что он родился в Гамале, и потому его правильнее называть не Галилеянином, а Галанитом.

— Отец твой ревновал о Боге. Ныне мало людей такой веры и такой силы. Но теперь мы будем беречь кровь, о Менахем бар Иуда.

Сын Иуды Галилеянина нахмурился, и они умолкли. То ли обоим вспомнилось, что знаменитый вождь зелотов убивал не только римлян, но и нейтральных евреев; то ли предстали их душевным очам две тысячи человек, убитых римлянами при подавлении галилейского восстания.

Наконец, Йешуа нарушил это затруднённое молчание.

— Здоровы ли твои братья?

— Род наш здравствует, — ответил Менахем, — враги не в силах нас коснуться. Канаим хранит нас.

— Братство духа сильнее уз крови, — пробормотал Симон.

— Воистину так, брат мой! — ответил галанит.

Тибериада уплыла назад. Навстречу стали попадаться галилейские лодки. Йешуа встречал знакомых: они здоровались с ним и звали его к себе разделить субботу. Он благодарил и отказывался, ссылаясь на зов матери.

Кажется, многие знали и Менахема Галанита, но никто не смел обратиться к нему и называть его по имени.

Наконец, показался Капернаум — правильнее Кафар-Нахум (Село Наума). Это был рыбацкий городок со смешанным полуязыческим населением. Йешуа разбудил своих спутников, и они сошли на берег.

Дружески простились с сыном Иуды; он повернул обратно в Гамалу. Несколько гамалиян, спеша домой, сели в лодку к нему и взялись за вёсла.

От Капернаума до Каны было всего пять миль, и по равнине такое расстояние можно одолеть за два часа. Но здесь дорога всё время шла вверх, ибо Капернаум лежал во впадине Галилейского моря, а Кана стояла в горах.

Этот последний отрезок пути, по кремнистой дороге и постоянно вверх, показался им самым тяжёлым.

Кана Галилейская была уже видна, когда юный ессей Иоханан опустил прямо на дорогу.

— Учитель, прости меня, — прохрипел он. — Ноги больше не идут.

— Симон и Андрей, возьмите его на руки! — приказал Йешуа.

Так прошли ещё немного. Юноша держался за своих носильщиков, слёзы стыда блестели на его глазах. Немного отдышавшись, он попросил отпустить его и снова пошёл сам, оставляя за собой тонкую цепочку крови из разбитых ног.

На закате солнца шестеро путников вошли в Кану, полную запахов праздничной кухни и торопливой, последней беготни и суеты перед обязательной неподвижностью ритуального отдыха. Малочисленные в городе «гоим» (язычники) спокойно наблюдали за этим предсубботним возбуждением: их очередь хлопотать наступала в субботу.

Еврейские сутки исчислялись с наступления ночи. Шестеро пришельцев, поглядывая на небо, из последних сил устремлялись к дому вдовы Марии.

Мария в окружении сыновей, братьев Йешуа, встретила путников на пороге и ввела к себе в дом.

Они успели омыть окровавленные ноги, сменить пропылённую насквозь одежду, и тут на Кану пала ночь, и трубы на крышах возвестили наступление субботы.

Глава V. Город Могил.

Невесёлая выдалась суббота в бедном доме вдовы Марии: сын её был в тюрьме, и ему грозила смерть. Но субботний ужин — это священный обычай. Со старшим сыном пришло пятеро гостей — хвала Господу! Хорошо, что Мария напасла побольше съестного, как и должно благочестивой еврейке: ведь на субботу Бог даёт каждому еврею *вторую душу*, и потому субботствующий должен есть за двоих. Впрочем, гости так устали, что думали больше об отдыхе, чем о еде.

Йешуа не проявлял никаких признаков усталости. В его худом теле таился кладёзь внутренней силы, и он черпал оттуда столько, сколько было нужно.

Дом вдовы не отличался от бедных домов Галилеи: днём он освещался только дверью, и единственная комната служила и спальней, и поварней, и мастерской. Мебель состояла из циновки и нескольких подушек на полу, двух глиняных кувшинов, прялки и крашеного сундука. Каменные стены никогда не знали украшений, ни внешних, ни внутренних.

Семья и гости возлегли вокруг застиранной скатерти, Йешуа прочёл молитву над бо-чонком вина и разлил его по щербатым кубкам с грубо изображённой виноградной лозой —

эмблемой Израиля. Сам он вина пить не стал. В молчании съели ужин, в котором наилучшими яствами были мёд, молоко и пшеничный хлеб. Несколько тихих голосов похвалили вино и пищу, Симон Кифа учтиво симулировал пресыщение. Возблагодарили Бога и степенно отошли ко сну.

Младшие из братьев, есей Иоханан и Кифа легли на крыше дома: до первых дождей оставалось лишь несколько дней, но осень стояла тёплая.

Йешуа присел у очага, и к нему пришла его мать.

Плотник Иосиф умер давно, но его пригожая вдова, искусная и бодрая пряжа сама вырастила пятерых сыновей и троих дочерей, заслужив уважение всего городка. Эта маленькая, миловидная женщина была похожа на девушку, ошибкой надевшую платье вдовы, и до конца дней сохраняла несгибаемую силу характера.

Мать любящая, но требовательная, она набросилась на Йешуа с упрёками:

— Господи, за что ты так наказуешь меня? Весь дом проливает слёзы, а старший сын то запирается в норы людей, отрёкшихся от родства, то бродит по горам, собирая травы и слушающая безумные речи изгнанников. Знаешь ли, сын мой, что твой отец, мой добрый Иосиф, не больше трёх раз за всю жизнь покидал родной дом, и то лишь по крайнему несчастию, либо для посещения Храма Господня в самый великий праздник? А ты, мой первенец, ещё до рождения был беспокоен, а теперь живёшь так, словно этот пол жжёт тебе пятки, а кровь отчий гнетёт твою голову! Вечно в дороге, вечно под солнцем, ты приходишь в дом как гость, а не хозяин.

— Разве мы не гости в этом мире? — возразил Йешуа.

Он обращался с матерью нежно и сурово. Большие чёрные глаза Марии удивлённо уставились на него, и он тотчас воспользовался паузой в её укоризнах:

— Скажи мне лучше, когда взяли Иакова и за что?

— Девять дней назад его схватили в Хоразине вместе с Ионой, среди толпы народа. Люди тетрарха убили четырёх человек. А за что? С Ионой всегда было двенадцать ближайших, он их, сказывают, посулил сделать князьями, когда воцарится. Теперь говорят, что мой Иаков был первым из двенадцати и правой рукой Ионы, но я не верю этому, ведь он так прост!

Йешуа усмехнулся. Он знал, что Иаков, несмотря на свою простоту, обладает нравом неукротимым и сильною верой; а это иногда возвышает простецов над мудрейшими.

— Живы ли они? — спросил он.

— Мы ничего не знаем. Никто из братьев твоих не смеет пойти в Город Могил — они не хотят оскверняться. *Гоим*, приходящие из нечистого города, говорят, что уже готовы распятия. Что нам делать?

— Позови братьев.

Суровый Иосиф, красивый Иуда и расторопный Симон тотчас явились для совета. Суббота препятствовала им делать что-либо. Даже если бы они решились пойти в нечистый

город, расстояние до Тибериады намного превышало ту границу пути, которая ограничивало субботнее передвижение всякого верующего еврея.

— Делать нечего, — сказал Иосиф, — придётся просить о помощи кого-нибудь из гоим.

Галилея обладала пёстрым и смешанным населением: кроме евреев, в ней жило много греков, сирийцев и арабов. В Иерусалиме Верхнюю Галилею издавна называли Галиль Гоим («Галилея язычников»). На берегах Галилейского моря евреи и язычники жили в тесном соседстве. Всё более множились перекрёстные браки, которые скандализировали строгих хранителей веры, если брак не был связан с обращением язычника в правую веру (случалось и такое). Общий для той эпохи билингвизм влиял на быт, нравы и даже самую манеру мыслить. Еврейские юноши в Иерусалиме и Тибериаде вступали в атеистические состязания с греками на залитых солнцем аренах. Умнейшие из евреев тайком читали Платона и Аристотеля, а иные даже Эпикура!

Дошло до того, что некоторые иерусалимские раввины из саддукеев заговаривали о допустимости и даже полезности изучения греческого языка, любили скульптуру и ценили театр.

Кана Галилейская считалась чисто еврейским городом, но и в ней жило несколько языческих семей: они вели себя добродушно и по-соседски. К ним привыкли.

— Сын мой! — сказала Мария. — В прошлом году ты вылечил детей Аполлодора, и он воздал тебе великую благодарность, а денег за лечение ты опять не взял.

— Теперь ты видишь, — насмешливо сказал Йешуа, — что случается нужда в плате безденежной и награде нехлебной. Что ж, братья, попросим Аполлодора?

— Попросим Аполлодора.

— Но до рассвета ещё далеко, — нетерпеливо сказал Ийда, самый красивый и самый младший из братьев, — а время не терпит.

— В субботу не казнят, — ответил Йешуа. — Если брат наш был жив вчера, он будет жив и утром. А гою нет субботы, он может выйти на рассвете.

Светало, когда Иуда сходил за Аполлодором, и грек не заставил себя долго упрашивать. Он уважал вдову Марию и сердечно любил Йешуа Назорея. Поговорив с ним, умный гои всё понял. Он оседлал крепкого мула, и взял с собой молодого, проворного раба.

В субботний полдень они прибыли к воротам Тибериады.

Первое, что они увидели, приближаясь к городу, было высокое распятие — деревянный столб с перекладиной, вроде греческой буквы «тау». На столбе висел распятый; рядом сидели или прогуливались воины охраны. Все проходящие воротами останавливались поглядеть, а иные — посмеяться.

Аполлодор приблизился к распятию. Дощечка с надписями на арамейском и греческом языках, укрепленная над головой казнимого, возвещала, что это крестуется Иона, который называл себя истинным царём Израиля.

Самозванец был распят накануне, но ещё дышал, ибо был не пригвождён, а привязан: это затягивало смерть, делая её мучительнее. Мухи и оводы облепили распятого с головы до ног. С тяжёлым чувством Аполлодор позвал:

— Иона, Иона!

Крестуемый чуть разлепил свои кровавые глаза. Он уже не мог говорить, хотя ещё дышал. Аполлодор вошёл в Тибериаду.

Город Могил жил обычной жизнью. Евреи праздновали субботу, но остальные жители (их было большинство) продолжали торговлю и ремёсла, либо прогуливались, наслаждаясь золотыми денёчками.

Тестя своего Аполлодор отыскал на его товарном складе. Старый Клеобул был *мегалэмпорос* (купец-оптовик). Его караваны ходили в Дамаск и Акку, он имел дело с двором тетрарха и был в курсе всех городских и политических новостей. Обняв зятя, он повёл его в свой богатый и модный дом.

Они пообедали, а потом Клеобул отослал домочадцев и остался наедине с зятем. Тот изложил ему цели своего приезда. Выслушав Аполлодора, старый купец нахмурился:

— Ты напрасно вмешиваешься в дела евреев, зятек! Они этого не любят, а нам их раздражать ни к чему.

— Это мои лучшие соседи, батюшка. Прошлым летом старший сын Марии вылечил от лихорадки моих детей. Он может быть полезен и тебе: он умеет лечить подагру, хирагру и костоломный недуг.

— Помню, помню, ты рассказывал. Ты говорил, что он самый знающий *ботаниат* (травник) во всей Галилее.

— Не только ботаниат: если хоть наполовину верить молве, то он и самый умелый *экзорцист* (бесоиэгнатель).

— Ах, так он и демонов заклинает? То-то мудрец и чародей по их понятиям! А всё же ради спасения родного брата не посмел нарушить этот глупый праздник безделья.

— Разве ты не знаешь евреев, батюшка? Но тут ему препятствует и другая загвоздка: Тибериада построена на месте могил, они зовут её Некрополем, а Йещуа — аскет, посвятивший себя единственному богу евреев. Согласно правилам аскетов, он не может входить в дом смерти.

— Ну что ж, — задумчиво сказал Клеобул, — не хотелось бы вмешиваться в это скользкое дело, да и люди плохие: нищие завистники, мечтавшие разделить чужие богатства. Но ради тебя, Олимпиады и детишек я, так и быть, рискну разузнать — можно ли вызволить этого проходимца. К вечеру я что-нибудь разузнаю. Ступай, прогуляйся по лавкам: сегодня не слишком жарко.

Аполлодор вышел в город. Шуму и суеты он заметил меньше, чем обычно. Тибериадские евреи, и без того считавшие себя осквернёнными, старались держаться всех заповедей и правил, дабы не прибавлять к своему главному греху, проживанию в Городе Могил, ещё и случайных прегрешений. «Не делай никакого дела в субботний день», заповедал Моисей Боговидец. В «недельный» день грешно было даже ходить по улицам. Евреи сидели в своих домах и вкушали праздничную трапезу: богатого обслуживали его рабы-язычники, зажиточного — специально подряжённый за добрую плату «шаббат-гой» («субботный

язычник»), а бедняк ел вчерашнее. Никто не смел в субботу готовить пищу, носить воду или растапливать свой очаг.

Греки и сирийцы занимались обычными делами. Аполлодор зашёл в цирюльню, велел подстричь по моде волосы и надуть бороду, а затем направился в сторону Рынка. Он уже приметил на перекрёстке толстую, ярко раскрашенную *мавлистрию* (приманщицу) и остановился, соображая, сколько денег он может потратить на это развлечение, но тут красивый паланкин с позолотой, несомый четырьмя каппадокийцами, остановился среди улицы, и женский голос из-за лёгкой занавески паланкина властно назвал грека по имени.

Он робко и почтительно приблизился, дивясь, какая знатная дама может знать его в Тибриаде.

— Ведь ты Аполлодор, торговец из Каны?

— Да, благородная госпожа.

Невидимая дама говорила на койнэ с арамейским акцентом, и он понял, что это какая-то знатная еврейка.

— Как поживает твоя соседка, вдова Мария с детьми?

— У них неладно, госпожа, и того ради я в столице.

— Что случилось? — тревожно спросил голос.

— Госпожа, я боюсь говорить об этом на улицах.

— Тогда ступай за мной! — и она хлопнула в ладоши.

Каппадокийцы снялись с места; Аполлодор широкими шагами пошёл за паланкином, развлечённый неожиданным приключением.

Путь лежал в лучшую часть города, расположенную возле «Золотого Дома» и застроенную особняками знати. Улицы оказались гладко вымощенными, вокруг поднялись коринфские колонны с кудрявыми акантовыми капителями. Из какого-то сада послышался звон кифары, а затем крепкий, хорошо поставленный голос запел «Бой Ахилла с Гектором» — в самой изысканной александрийской манере. Живое воображение Аполлодора тотчас нарисовало ему картину избранного круга ценителей, внимающих бессмертной эпопее. Какие люди здесь живут!

И он ещё более оробел, когда паланкин остановился перед большим домом полуеврейского, полугреческого типа. Привратник бросился к паланкину и помог выйти госпоже, высокой и хорошо одетой женщине лет двадцати семи. Она кивнула Аполлодору, и он вошёл за ней в дом.

В одной из дальних комнат она уселась и отослала своих рабынь.

Сквозь тонкое покрывало Аполлодор видел её чёрные, сросшиеся брови и сверкающие глаза. Губы её были полные и алые, как маков цвета. Но гордая суровость всего её облика налагала узду на тайные волнения Аполлодора, вполне естественные вследствие приглашения в дом и беседы наедине с такой красавицей.

— Ты меня не помнишь, а я тебя знаю, — сказала она. — Я Ревекка, жена Хузы.

— Самого Хузы Домоправителя?

— Да, мой муж — домоправитель тетрарха, и мы в доме Хузы.

Тогда Аполлодор вспомнил. Он видел её два года назад в Кане. Единственный сын Хузы в четыре года не умел говорить, еле ходил и чах день ото дня. Лечение грека-*архиагроса* (главного лекаря двора) только вредило ему. В отчаянии Ревекка бросила учёных врачей и обратилась к деревенскому травнику, о котором тогда впервые заговорили в Галилее.

Йешуа согласился помочь, но с одним условием: в Тибериаду он не пойдёт.

Ревекка сняла загородную виллу между Тибериадой и Каной. Йешуа поил её сына козым молоком, водил с собой по горам и купал в горячем источнике. Через месяц мальчик бегал и разговаривал; он почернел, как подпасок, но зато очень окреп. К Йешуа Назорею он так привязался, что чаще жил в Кане, чем на вилле матери.

От всякой платы Йешуа отказался. Хуза, узнав об этом, пожал плечами:

— Иудей любит деньги, галилеянин — честь. Пошли подарок его матери.

И после этого Хуза с чистой совестью забыл об Йешуа, ибо у первого чиновника Тибериадского двора были дела поважнее.

Но Ревекка не забыла и постоянно посылала в Кану Галилейскую дары: хороших тканей на платья Марии и её дочерям, вина, фруктов, свежей рыбы... Йешуа она присылала короткие, почтительные письма, и порой Йешуа, воротясь из своих скитаний, даже читал их.

— Что с ними стряслось, Аполлодор? — в волнении спросила Ревекка.

— Один из сыновей Марии в темнице, госпожа.

— Кто, кто? Говори же!

— Иаков, госпожа.

Тогда он перевела дух и уселась поудобнее.

— Расскажи мне обо всём в подробностях! — велела она.

Аполлодор, получивший весьма недурное для купца воспитание, принялся излагать плавно и приятно, то поднимая свои красивые глаза, то покачивая головой. Он упивался её вниманием, биением её ресниц, дыханием её прекрасной груди, и рассказ его струился, как мелодичный ручеёк. И тут она вдруг откинула покрывало, и он на миг заглянул в её глаза.

Вместо нежного восхищения, которое Аполлодор привык исторгать из женщин своим голосом, он прочёл в этих глазах нечто вроде тайного презрения:

— Что же ты умолк?

— Боюсь, что наскучил тебе, госпожа.

— Нет, — равнодушно сказала она, — ты медоязычен и рассказываешь красно.

Она употребила лестный греческий эпитет: «мелиглоттос», т.е. медоязычный, медоречивый. Но Аполлодор был не глуп и почувствовал её иронию: да, он рассказывает красно о мятежах и крестных муках, но красивый рассказ тут неуместен, *атопичен*; равнодушные рассказчика к предмету речи уличает его в том, что цель рассказа — он сам.

— Продолжай, Аполлодор!

Он кратко закончил рассказ, и еврейка, поднявшись на ноги, в задумчивости приложила руку ко лбу. В этот миг она сделалась так хороша, что у грека сжалось сердце, и он невольно вдруг представил её всю нагую, в позе мраморной львицы из тех, которые возлежат на воротах дворцов. Но тут же по странной ассоциации ему привиделся он сам — со связанными руками и на коленях, под сенью широкого, до блеска заточенного меча.

— Передай Марии, что сын её не умрёт, — сказала Ревекка. — Ради. . .

Он прервала себя и прислушалась: по дому разносились тяжёлые шаги. Аполлодор чуть-чуть побледнел.

— Где ты остановился? — быстро спросила она. — У купца Клеобула, он. . .

В соседней комнате мужской голос отчитывал слуг. Ревекка указала Аполлодору другой выход:

— Пройдѣшь поварней, — шепнула она. — Скажешься субботним гоем. Потом ждите вестей.

Он поклонился и выскользнул из комнаты за секунду до того, как в неё вступил сам Хуза, домоправитель тетрарха галилейского.

— Госпожа Ревекка? Как же, знаю, — говорил вечером Клеобул, потчуж зятя хиосским вином. — Известна своим умом, одарена всеми музами и ведёт достойный образ жизни. Такая и в Афинах почиталась бы весьма приличной женщиной, а в Риме и вовсе вывелись теперь честные жёны. Говорят, Хуза слушается её во всех делах. В её дом я найду дорогу, понесу какой-нибудь редкий товар. Госпожа Ревекка — сильная союзница, и я теперь почти не сомневаюсь, что Сын Плотника будет спасён. Однако не слишком ли тебе везёт на женщин, зятёк?

Аполлодор только выразительно вздохнул вместо ответа, и умный старик понял этот вздох.

— То-то, зятёк! Облизнись и скажи, что виноград ещё зелен. Ты сделал своё дело — остальное тебя не касается. Завтра же ступай домой.

Наутро Аполлодор покинул Тибериаду и всю дорогу раздумывал, какие странные чувства волнуют жену Хузы и побуждают её так рисковать.

Он поднялся в Кану и, не заезжая домой, проехал к дому Марии. Спрыгнув с мула и бросив повод рабу, он вошёл в дом, весь в пыли. Мария и сыновья её сбежались к Аполлодору.

— Иона висит на кресте у врат Тибериады. Он умер этою ночью, и сейчас его, наверное, снимают.

— А брат наш Иаков? — в страхе спросили Симон и Иуда.

— Иаков и ещё семь друзей Ионы мелют зерно на царской мельнице.

Мария совершенно нелогично заплакала, вообразив себе Иакова в рабском наморднике, вращающего жернова; в то же время она радовалась, что он жив.

— Раб моего тестя этою ночью видел Иакова, — сказал Аполлодор.

— Как он выглядит? — спросила Мария.

— Он худ, но крепок. Раб успел ему шепнуть, что помощь близка.

Все с надеждой посмотрели на грека.

— Да, это не пустые обещания, — сказал он и приосанился. — Мне удалось кое-что сделать. Госпожа Ревекка велела передать вдове Марии, что сын её Иаков не умрёт. Есть у меня и ещё кое-какие соображения, из них я заключаю, что нужно найти укромное убежище для Иакова.

— У нас есть убежище, — сказал Андрей, ученик Йешуа.

— Благо тебе, Аполлодор, — сказал Йешуа. — Ты помог нам и сделал большое добро, и да будет благословение Божие на тебе и на детях твоих.

Аполлодор взглянул ему в глаза и покраснел. Ему показалось, что этот еврей видит его насквозь.

— Заслуги мои невелики, Йесуа, — сказал он, произнося на греческий лад это трудное имя.

Но все дружно возблагодарили его.

Через двое суток, ночью, загорелось в тибериадской тюрьме. Пожар удалось погасить, но в суматохе трое узников разорвали свои цепи, оглушили надзирателя и бежали.

Эвбул Идумеянин, начальник тибериадской стражи, самолично занялся расследованием.

Он заметил, что звенья цепей, разорванных беглецами, были заранее надпилены. Он приказал блокировать все выходы из города. Но розыск упёрся в тупик, следы оборвались: кто-то помог беглецам, и чуяло сердце Эвбула, что скорее всего их уже нет в Тибериаде.

А люди-то, люди-то нужные, первые друзья Ионы! Лжемессия посулил их сделать князьями после взятия Иерусалима. Одного из них, Иакова, ранее видели в обществе фарисеев, и он подлежал до казни строжайшему допросу.

Эвбул сидел дома и предавался мрачным размышлениям. Он опасался недовольства Ирода Антипы и гнева Иродиады. Вино его не радовало, любимого пса он прибил, а самую балованную наложницу прогнал с глаз долой.

В столь неподходящий момент ему доложили, что некий иерусалимский купец принёс ему редкий товар — драгоценные камни и украшения.

Эвбулу, страстному коллекционеру, захотелось утешиться в служебных неудачах, и он велел привести купца. Тотчас вошёл забавный коротышка с пронырливыми глазками, в пёстрой и сборной одежде.

Когда он, переваливаясь на кривых ножках, с низким поклоном подошёл у Эвбулу, начальник стражи невольно расхохотался: впервые в жизни он видит купца с такой карикатурной внешностью.

— С чем ты пришёл, *миропод*?

«Лироногий» (т.е. человек с ногами в форме лиры) вытащил из-за пазухи небольшой мешочек, развязал его и осторожно выложил на стол несколько блестящих вещиц. И смех замер на губах Эвбула.

Он склонился над камнями, думая о той простой истине, что нельзя доверять внешности: у подобного плута могут быть под одеждой только блохи, а вот поди ж ты!

Подобных камней Эвбул давно не видел.

Вот камень цвета фиалки — чистый аметист. Вот чудесно-зелёный смарагд: арабы очень ценят его, как талисман от падучей болезни, они называют его «царамут». Вот желтоватый лигирий. Он перебирал их и переворачивал; глядел на свет и заставлял играть. Силился скрыть свои чувства и постепенно сумел успокоиться.

— Антракс... Яшма... Розовый жемчуг... — бормотал он. — А это что?

Это был лечебный амулет, вырезанный из сардоникса с удивительным искусством: рисунок изображал летящего Персея с головой Медузы в одной руке и мечом в другой. Эвбул перевернул камень и прочёл на тыльной стороне греческую надпись: *«Беги, подагра, Персей тебя преследует»*.

Он оттопырил нижнюю губу и поднял бровь.

— Пожалуй, это мне стоит купить.

— Благородный Эвбул, сказал купец свирельным голосом. — О тебе далеко идёт молва. Что ты знаешь толк в изысканных вещах. Подскажи мне, вот эта вещица — настоящая она или поддельная?

И купец выложил перед идумеянином гемму, на которой тот сразу узнал профили Марка Антония и Клеопатры Египетской, последней царицы из дома Лагидов.

У Эвбула перехватило дух, и волосатая рука его, привыкшая терзать и резать людей, невольно вздрогнула, с хищной нежностью беря гемму.

Он видел, что работа эта старая, не менее девяноста лет. Выполнение потрясающее, цвета камня очень красивы. Как она попала в эти края? Он вспомнил, что когда-то Клеопатра гостила в Иерусалиме и даже устроила небольшую интригу с отравлением, покушалась на жизнь Ирода Великого; в свою очередь Ирод ставил на обсуждение тайного совета вопрос о её ликвидации. Ему отсоветовали, ибо Антоний, околдованный египтянкой, мог по возвращении из парфянского похода не оценить такой услуги. Об этом Эвбул слышал от самого Ирода Антипы.

Да, это была гемма Клеопатры. Поэтому Эвбул слегка щёлкнул гемму ногтем и ответил презрительно:

— Обман! Хоть и ловкий, но обман.

— Жаль, очень жаль! — сказал Лиропод.

— Александрийские мастера научились подделывать что угодно.

Купец уныло сунул гемму в мешочек.

— А я хотел продать её по сходной цене.

— погоди, — великодушно сказал Эвбул. — Ты всё же оставь её мне на денёк. Я посмотрю её на досуге и сравню со своими египетскими геммами.

Купец заколебался.

— Благородный Эвбул, — шепнул он, — я оставлю её как выкуп за узника.

Он сказал по-гречески: «*антилотрон*», то есть избава, выкуп.

— Ах, вот как! Кто же тебе нужен?

— Иаков, сын Иосифа, плотник из Каны Галилейской.

Эвбул перекосясь и заскрипел зубами. Надо же, как его преследует эта беда! Он схватил купчишку за ворот, и тот сразу съёжился и втянул голову в плечи.

Но тут забавная мысль мелькнула в голове Эвбула, и он не стал бить купчишку.

— Да знаешь ли, кого ты у меня просишь? — загремел он. — Иаков из Каны — *эпифанатий* (смертник), один из опасных мятежников. Мой долг — бросить тебя в темницу, к тому же Иакову, да ещё выпытать, кем ты подослан!

— А что скажут тогда другие купцы? — пискнул Лиропод. — Кто понесёт тебе ониксы и смарагды?

— Ты прав, купец, — признал Эвбул, отпуская его ворот.

— Клянусь бородой, эта гемма стоит сотни таких, как Иаков!

— Если она не фальшивая, — брезгливо пробормотал Эвбул.

Купец снова вынул гемму, и Эвбул против воли залюбовался ею.

— Нет, Эвбул, она *подлинная!* — шепнул Лиропод, искоса наблюдая за начальником стражи. — Я это точно знаю.

Да, он знает. Эвбул готов был просто отдать его своим псам-костоломам, чтобы свернули ему шею и скормили его рыбкам, но в Тибериаде и так беспокойно, опять же купца видели, когда он входил сюда, и вообще под боком у тетрарха неудобно. . . Надо ему заплатить хоть чем-то.

Идумеянин изобразил на лице драматическую борьбу снисхождения с требованиями долга:

— Почему ты просишь за него?

— Это брат моей жены, о благородный Эвбул.

— Ладно! — решил, наконец, начальник стражи. — Давай гемму. Я потихоньку выпущу Иакова из города.

— А если, о славный, ты почему-либо *не сможешь* сделать этого?

Эвбул поднялся с кресла и выпрямился во весь свой огромный рост. Смерив уничтожающим взглядом купца, он воздел свою могучую руку, и слова его прозвучали внушительно:

— Клянусь Богом: ранее, чем ты покинешь Тиберию, Иаков из Каны *будет уже на свободе!*

Глава VI. В Золотом Доме.

Южный ветер принёс «ранний дождь», и в ноябре начала устанавливаться влажная иудейская зима. В один из первых дней её Ирод Антипа, тетрарх Галилеи и Перее, в своём тибериадском дворце, именуемом «Золотой Дом», принимал ближайших советников.

В небольшом зале, украшенном позолотой, под мраморным бюстом Тиберия Кесаря, тетрарх сидел в кресле из ароматического сандалового дерева, отдалённо напоминавшем

царский трон. Его круглое, jovиальное лицо было мрачно. Вообще-то лицо Антипы могло показаться приятным, если бы его не портила постоянная мимическая гримаса. Веки его глаз казались опухшими. Он был одет в тёмную тогу с фиолетовой каймой.

Перед ним стоял секретарь с записными табличками, а позади тетрарха, в длинной пурпуровой симарре, восседала Иродиада. Тонкое льняное покрывало осеняло её властное лицо. Она всё ещё казалась красивой, а кроме того искусно пользовалась косметикой, как и её легендарная предшественница Иезавель Сидонянка. Глухонемая нубийская рабыня, чёрная, как безлунная ночь, стояла рядом с царицей и равномерно обведала её страусовым опахалом, разгоняя по залу благовоние мирры и нарда.

Разговор тетрарха с его советниками не имел церемониального характера, что делало допустимым участие Иродиады.

Перед ними сидели начальник городской стражи Эвбул Идумеянин, архистратиг Закхей Харикл, домоправитель Хуза, тибериадский архисинагог Мелеагр, сын Исаака, и ещё два-три вельможи. Ирод Антипа затребовал экстренный отчёт о положении государства, ибо до него дошли неприятные известия.

Средь бела дня в Перее был найден труп римлянина. Это было событием чрезвычайным, возмутительным; хотя все знали, что иногда такое случается, хорошим тоном было изображать изумление, ужас и негодование.

— Труп опознан? — спросил тетрарх, борясь с изжогой.

— Да, царь, — пасмурно ответил Закхей Харикл.

Неформально титулование «царём» (*басилевсом*) было весьма распространено на эллинизованном Востоке: разумеется, разговор шёл на греческом языке.

— Это, Максим Анций, декурион, — продолжал архистратиг, — он был направлен высокочтимым префектом Понтием на патрулирование за Иордан. С ним было несколько всадников.

— Где же эти всадники? — спросил тетрарх.

— Видимо, они отстали от декуриона и каким-то образом упустили его из вида. От префекта Понтия уже поступил запрос.

— Как совершилось это злодеяние?

Голос тетрарха звучал вяло, взор его глаз с подпухшими веками бродил по стенам, пока не остановился на статуе Аполлона Савроктона. Ирод её очень любил. Греки, гостившие у него, божились, что эту копию нипочём не отличить от оригинала самого Праксителя.

Закхей Харикл многословно и уныло докладывал о том, что декурион был сначала ранен стрелой из лука, а затем поражён тремя ударами кинжала.

— Кто это сделал?

— Виновные будут непременно найдены, о повелитель!

И в этот момент заговорила Иродиада:

— Виновные *никогда* не будут найдены. Нужно уморить следствие по этому делу.

— Но как отнесутся к этому римляне, о царица? — спросил Закхей Харикл.

— А никак не отнесутся, — небрежно ответила Иродиада. — Зачем им знать об этом? Разве в наших темницах нет свежих разбойников? Вот и прекрасно! Отдайте римлянам трёх или четырёх разбойников в виде убийц декуриона, и пусть наш друг префект Понтий делает с ними всё, что ему заблагорассудится.

— Быть так! — решил тетрарх и кивнул секретарю. — Запиши. И ещё составь от моего имени письмо с соболезнованиями префекту Понтию. Однако мне хотелось бы знать, кто мог сделать это?

— Зелоты, о царь! — ответил архистратиг Закхей. — Это их манера убивать. Видимо, какая-то шайка сикариев из их числа переправилась через Иордан: ведь в нашем краю их больше нет. . .

Показались улыбки недоверия.

— Я полагаю, это шайка Бар-Раббы или Анастасия, — упорно продолжил архистратиг, слегка повышая голос и сердито косясь на других вельмож.

— Кто таковы? — спросил тетрарх.

— Бар-Рабба — это известный разбойник.

— Ах да, я слышал.

— Анастасий — это старый злодей, родственник прегнусного Иуды из Гамалы. Лет двадцать назад он был даже распят, но потом воскрес, как говорят «люди земли»: поэтому он и прозван Анастасием.

— Что за вздор! — проворчал тетрарх, и лицо его приняло нездоровый оттенок.

Он стыдился своего суеверия, но ничего не мог поделать с собой. Всюду ему мерещились призраки мертвецов, на чьих разорённых могилах стояла Тибериада, и хитрые еврейские *шедим* (демоны). Он допускал, что враги пользуются помощью шедим против него. Не потому ли и Вителий, императорский легат в Сирии, недолюбливает Антипу? Хорошо ещё, что к тетрарху благоволит сам Тиберий Кесарь.

С тоскою вспомнил тетрарх о двух девочках, негласно приобретённых Хузой Домоправителем и спрятанных в загородной резиденции от ревнивых очей Иродиады. Хуза клялся и руку себе целовал, что у них — глаза газелей и ни одного волоска на теле. Скоро ли удастся оторваться от докучных государственных дел и выехать хотя бы денька на три из столицы? Антипа встряхнул головой.

— Что там болтают насчёт какого-то побега? — спросил он.

— Три каторжника, о повелитель, используя пожар на мельнице, разбили цепи и скрылись, — неохотно доложил Эвбул Идумеянин.

— Это дело рук фарисеев, царь! — вмешался архисинагог Мелеагр.

Друг тетрарха, он был типичным саддукеем, как все ироды и их сторонники; он бывал в Афинах и в Риме, знал греческий язык в совершенстве и даже говорил немного по-латыни.

— Почему ты так думаешь, Мелеагр?

— Потому что бежали люди Ионы, а он был связан с фарисеями.

Тетрарх признал это вполне возможным. Он и сам ненавидел фарисеев, этих заклятых врагов царствующего дома. Так значит, мятеж Ионы ещё не угас полностью. Этот самозванец, недавно распятый за провозглашение себя «сыном Давида», что было равносильно бунту против Идумейской династии, явно опирался на скрытую поддержку влиятельных политических сил.

— И это ещё не всё, о царь! — продолжал Мелеагр. — Труп Ионы был выдан родственникам, они погребли его в своей родовой пещере, а пещеру запечатали. Вчера его тело было выкрадено.

Новость вызвала всеобщее удивление. Мелеагр помолчал, наслаждаясь произведённым эффектом, и вскользь добавил:

— Сегодня в синагоге и на рынке уже говорили, что Иона воскрес.

— Не слишком ли много воскресших? — язвительно заметила Иродиада.

— Брать всех распространителей слуха! — приказал Ирод Антипа, медленно багровея. — Бичевать болтунов! Сечь их скорпионами!

Его тройной загривок налился кровью, и он с трудом отдышался. Эвбул сидел мрачнее тучи и старался не глядеть на Мелеагра.

А далее наступил черёд самых важных и самых грозных известий.

Лжепророк Иоханан из Хеброна, который из безделья или со зловредным умыслом позирует перед чернью в одеянии пророка Илии, резко усилил свою антиправительственную проповедь за Иорданом. В своих речах он дерзко намекает на высочайших особ. При нём не менее трёх тысяч купальщиков; они вооружены, и стан их бдительно охраняется. Лазутчики боятся проникать туда: уже имели место случаи исчезновения верных людей.

— Говорят, о царь, что Иоханан с первого взгляда распознаёт лазутчиков и тотчас предаёт их ярости черни.

— И ещё, — вкрадчиво добавил Мелеагр, — десять дней назад он говорил в своей безумной проповеди о древнем царе Ахаве и его супруге. . .

Всем вдруг сделалось не по себе. Ирод Антипа услышал почти над самым своим ухом частое и чуть хрипкое дыхание жены.

— Что именно он сказал? — быстро спросил тетрарх.

— Он предрёк, что Иезавель будет сама молотить зерно в ступе, а муж её Ахав. . . просить подавание на распутьях чужих дорог.

Все окаменели.

Ирод Антипа откинулся на спинку кресла, и в висках его застучала злая идумейская кровь.

— Он смеётся над нами! — не сдержавшись, проскрежетала Иродиада.

Тетрарх молчал, стиснув зубы и глядя прямо перед собой. Что там скрывать: он всегда боялся именно этого. Его старший брат Архелай доживает век в Галлии. . . в ссылке. . . Правда, подавания просить ему не надо, какие-то средства у него остались. Но какая раз-

ница? Он был царём, этнархом, а теперь он *никто* — нищий изгнанник в чужой земле, где реки полгода текут, а полгода стоят, покрытые льдом, словно горы Армении.

— Откуда всё это известно? — спросил тетрарх.

Вместо Мелеагра ответил Эвбул:

— Одному из моих лазутчиков всё же удалось побывать в стане бунтовщиков. Он слушал лжепророка, и купался в Иордане, и получил благословение Иоханана, после чего благополучно вернулся в столицу. Он доставил нам ценные сведения об окружении Иоханана.

— Что за люди эти «купальщики»?

— О царь, это в большинстве своём «люди земли», галилейские поселяне, но есть иудеи и даже несколько испорченных юношей из приличных семей Иерусалима. Ну, а прочее, царь, — это всякое отребье: арабы из пустыни, дезертиры из войск обоих царствующих тетрархов и даже несколько разбойников и сикариев. Там был замечен и Анастасий Зелот.

— Вот как! — сказал Ирод Антипа. — А не был ли в стане Иоханана некий Менахем бар Иуда?

— Об этом соглядатаю не ведомо ничего, о царь.

— А парфянских агентов нет ли в окружении лжепророка? — спросила Иродиада.

— Нет, царица. Впрочем, если бы и были, они не откроют лица своего.

Последний вопрос царицы всех заставил задуматься.

— Да, вспомнил ещё! — воскликнул Эвбул. — Среди «купальщиков» появились три-четыре ессея, в их числе один врачеватель родом из Галилеи.

— Есей? Врачеватель? — с недоумением переспросил тетрарх.

— Да, царь. В сборищах черни болтают, будто некий врачеватель из Галилеи, которого видели рядом с Иохананом, читает судьбы, изгоняет бесов и *воскрешает мёртвых*.

— Опять воскрешения! — злобно засмеялась Иродиада.

Хуза Домоправитель сделал странный жест, будто хотел взяться руками за голову, но раздумал. Тетрарх посмотрел на него строго и вопросительно.

— Ты имеешь что-то сообщить, Хуза?

— Нет, царь, — ответил Хуза.

Мелеагр, кивая и усмехаясь, поддержал Иродиаду:

— Всё это глупые суеверия нашего простонародья. Когда люди умирают, то обычно это бывает *очень надолго*. Даже великому Орфею не удалось вывести свою Эвридику из царства Аида.

Почему-то возникла пауза. Мелеагр, как и все саддукеи, не верил в бессмертие души, а в воскресение мёртвых — тем паче. Но Ирод Антипа не был так уверен в этом вопросе. Он не слишком одобрительно посмотрел на своего друга, гладкого эллинизированного еврея со светскими манерами. Всё же архисинагог не должен быть эпикурейцем. . .

— Мелеагр, — спросил он, — а как звали того убитого солдата, который побывал в царстве Аида, а затем вернулся к живым и всё им поведал? Об этом, помнится, написано у Платона.

— Оставь это философам и книжникам, — нетерпеливо вмешалась Иродиада. — Врачеватель — это лишь обычная метафора *тех* людей. У них есть выражение: «врачевать Вавилон», что значит — *исправлять грешников*. Может быть, он совсем и не врачеватель, а какой-то кузнец или башмачник.

Вельможи претворились, что не заметили того злобного презрения, с которым надменная идумеянка говорила о «них», о «тех людях», т.е. по сути дела о всех евреях. С самим же её мнением согласились.

— Терапевтами называют и отшельников Мёртвого моря, — заметил Эвбул.

— Да, ведь ты сказал уже, что это заклинатель бесов — эссеи.

— Я думал, что эссеи — люди тихие, — с сомнением сказал тетрарх.

— Да, их братство чем-то похоже на Союз Пифагорейцев, — заявила Иродиада, — и они, по крайней мере, верят в парок.

Слыша эту галиматью, подхваченную Иродиадой от греков, присутствующие чуть заметно покачивали головами. Никто не сказал ни слова; Иродиада поняла, что сморозила глупость.

Она наклонилась к уху мужа и что-то шепнула.

— Благодарю всех, — объявил тетрарх. — Эвбул, останься.

Советники с поклоном удалились. Эвбул, весьма не спокойный, приблизился к царственной чете.

— Эвбул, — сказала Иродиада, — нельзя более терпеть дерзости Иоханана.

— Воистину, повелительница, и у самого снисходительного исыякло бы терпение! Если дозволено мне будет сказать. . .

— Говори, кивнул тетрарх.

— Пора схватить его

— Тогда поднимется вся Галилея. Год был плохой. Народ ворчит.

— Но, супруг мой, послушай. . . — начала Иродиада.

— Пока ещё не время! — отрезал тетрарх.

Иродиада знала, что он упрям, и с бешенством подчинилась:

— Ну, хорошо с этим мы подождём. Эвбул, есть у тебя искусные лазутчики?

— У меня их много, царица.

— Нет, я говорю не об этих дураках и трусах, которых ты набираешь на рынках. Им всем красная цена — обол, а нам нужны особые лазутчики, чтобы они были хитрее и искуснее, чем те, которых Моисей посылал в Ханаан высматривать наготу этой земли. Я хочу от тебя точного ответа.

Эвбул призадумался.

— Да, повелительница, — сказал он наконец, — у меня есть один человек, который стоит десяти обычных соглядатаев. Он ловок и увёртлив, как угорь, умеет принимать любое обличье, и во рту его три языка.

— Нам нужно иметь своё око в лагере Иоханана.

— Мой соглядатай был там и принял *баптисмос*. Я уже говорил о нём.

— Очень хорошо. Пусть снова отправится туда, войдёт в доверие к Лжепророку, вызывает его тайны и имена его друзей. В подходящее время мы всё же возьмём Иоханана.

— И ещё, Эвбул, — вмешался тетрарх, — вели соглядатаю вызнать и том терапевте, который якобы воскрешает мёртвых, и сблизиться с ним.

Иродиада взглянула на мужа одобрительно. Тетрарх порозовел и выпрямил плечи.

— Слушаюсь, повелитель! — ответил Эвбул.

— Он любит деньги, твой лазутчик? — спросила Иродиада.

— Он ещё молод и любит удовольствия, а значит и деньги.

— Галилеянин? — спросил тетрарх.

— Иудей, из колена Иссахара.

— Земля колена Иссахара — у меня в Галилее.

— Воистину так, о царь! Но ведь сыны колен Израилевых давно смешались и живут не на тех землях, которые были им предназначены Моисеем.

Ирод Антипа кивнул: это была правда.

— Дай ему денег, Эвбул, — приказал Иродиада, — и посули вдвое больше.

Она подняла подвешенное к поясу серебряное зеркальце и внимательно посмотрела в него, беспокоясь о сохранности грима.

— Как зовут этого лазутчика? — спросила она и провела мизинцем по брови.

— Его зовут Иуда Иссахариот.

Глава VII. Таинственное убежище.

В дождливый вечер, когда небо над Галилеей казалось хмурым и смуглым, четверо путников карабкались по горным склонам недалеко от Геннисаретского озера (Галилейского моря).

Троих из них мы уже знаем: это был Йешуа, сын Иосифа, и два его ученика — Симон Зелот и Андрей Рыбак, давний товарищ Врачевателя. Четвёртым был рослый и сильный мужчина, в самом расцвете лет, с густой чёрной бородой; лицом и голосом он был похож на Йешуа, и так же был некрасив, и так же задумчив. Он заметно хромал и, несмотря на свою внушительную внешность, передвигался с трудом.

— Далеко ли ещё, Андрей? — спросил он хрипло.

— Скоро доберёмся.

— Скорее, а то через полчаса или час наступит такая тьма, что ты не найдёшь дороги.

— Успокойся, Иаков, я найду её с закрытыми глазами.

И они снова полезли вверх, цепляясь за кустарники. Дождь лил не переставая, и все четверо вымокли до нитки.

Наконец, Андрей остановился и указал рукой:

— Это здесь.

— Где? Я ничего не вижу, — возразил Иаков, брат Йешуа.

Андрей ответил:

— Так и должно быть. В двух шагах ничего не видно.

Он нырнул в самую гущу терновника и крикнул оттуда:

— Лезьте за мной!

Зажмуривая глаза и прикрыв лицо руками, остальные тоже продрались через колючие ветки и очутились прямо перед глубоким чёрным лазом, чуть-чуть шире лисьей норы. Рядом лежал замшелый, зеленоватый камень.

— Я не пролезу в такую узкую дыру, — сказал Иаков. — Плечи застрянут.

— Нужно постараться, — ответил Симон. — Дальше ход делается шире.

Йешуа бар Иосиф молча тронул руку брата.

— Лезьте же скорее! — крикнул Андрей, уже спустившийся вниз. — Не то вода натечёт в наш дом!

Голос его глухо прозвучал из-под земли.

Иаков вздохнул и стал протискиваться в лаз ногами вперёд. Йешуа и Симон помогали ему, нажимая на его плечи. Когда из лаза торчала лишь голова Иакова, он жалобно сказал:

— Я, кажется, падаю.

И с этими словами исчез в недрах горы.

За ним спустился Йешуа. Симон шёл последним, он взял зелёный камень и держал его над головой, опускаясь. Камень плотно лёг на устье лаза, и снаружи стало вновь тихо и безлюдно: только шелестел дождь, и струи сбегали по оголённым склонам горы.

Вошедшие в гору протиснулись через узкую горловину лаза и один за другим попадали с высоты четырёх локтей на нечто мягкое: это был Андрей. Он, кряхтя, принимал товарищей и отодвигал их в сторону. Тут царил кромешный мрак, было тихо и довольно сухо.

— Симон, выруби огня, — сказал Йешуа.

Андрей двигался впереди, словно видел в темноте. Симон дождался его возвращения, затем вытащил из-за пазухи кремь и кресало, начал бить; Андрей поймал одну из голубых искр на пучок просмолённой соломы. Вспыхнул огонёк, и Андрей бегом понёс его в глубину грота, где у него были, видимо, заготовлены и солома, и сухой хворост.

— Не опасно ли разводить огонь? — спросил Иаков.

— Снаружи ничего не видно, — ответил Симон. — Сто раз проверялось.

Андрей растопил очаг, воздушная струя потянула дым наружу сквозь трещины горной породы, и колеблющийся, скудный свет очага озарил пещеру.

Впрочем, это была не пещера.

В трёх шагах от лаза, которым они сюда проникли, под ногами обнаруживался ровный пол, покрытый древними растрескавшимися плитами. Потолок местами осыпался, кое-где сквозь него проросли корни. На стенах виднелись какие-то тёмные изображения.

— Здесь нет змей? — спросил Иаков.

— Были, — равнодушно ответил Йешуа. — Мы им иногда приносили молока. Но в последний год их что-то не видно, вывелись, я думаю.

Иакова это не слишком успокоило, и он стал подозрительно вглядываться в тёмные углы помещения.

— Да не верти ты головой, словно курица, потерявшая цыплёнка, — сказал ему старший брат. — В это время года все ядовитые твари спят. Раздёнсья, надо просушить одежду. Все раздёнсья, мы все промокли. Андрей, воткни-ка шест в стену. . .

Андрей отыскал в углу шест и воткнул его в трещину стены, так что шест нависал горизонтально над очагом, на высоте около двух с половиной локтей. На него повесили мокрую одежду.

— Сильно били? — спросил Симон, деловито разглядывая шрамы на спине Иакова. — Хребет-то цел?

— Досталось немного, — неохотно ответ Иаков. — Да что мне битьё. . .

— Он повредил ногу, когда их перебросили через городскую стену, — пояснил Йешуа Симону. — Нога ещё будет долго болеть.

— Да если бы не твоё снадобье, брат, я бы сегодня и не дошёл до этого места, — проворчал Иаков со стыдливой благодарностью.

Они помолчали, греясь у очага; четверо серьёзных, задумчивых мужчин, связанных родством, соседством, дружбой, а главное — общию великой надеждой. Им было тепло и покойно, заботы отлегли на завтра, они принесли с собою хлеб, да и в убежище этом были заготовлены кое-какие припасы. В сущности, если не очень придирается к словам, они в это мгновение были счастливы.

В убежище была запасена и чистая вода. Андрей поставил над огнём горшок с водой, начал варить бобы. Симон обдирал вяленую рыбу.

— Что это за место? — спросил Иаков, обводя взглядом странную пещеру.

— Это Дом Рыбы, — ответил Симон, — и во всей Галилее только сорок человек знают это убежище: несколько жителей Каны и рыбаки с берега.

— Почему же оно зовётся Домом Рыбы?

— Сейчас увидишь.

Симон взял сухую ветку, обмотал соломой и зажёл от очага. Потом он встал и с этим самодельным факелом подошёл к стене.

— Какие-то черты и пятна, — сказал Иаков.

— Встань и подойди, — ответил Симон, наклоняя факел к стене.

И стало видно, что на стене, покрытой грязными подтёками, есть большое примитивное изображение рыбы.

— Это тайный знак рыбацкого союза, — сказал Андрей. — Дед мой Аарон знал эту тайну и передал её мне. Но вот уже пятнадцать лет как союз больше не собирается.

— Но почему рыба? И когда сделано это изображение?

— Ты живёшь над морем Галилейским и ещё задаёшь такие вопросы, — усмехнулся Андрей. — Рыба кормит нас, и все мы её дети. А этому изображению не меньше, как трижды семьдесят лет, ибо дед мой увидел его ребёнком, и оно тогда уже было старым.

— Трижды семьдесят?

— Семьдесят лет - век человека: так сказано в Писании.

— Тогда это двести и десять лет. . .

— Я думаю, оно ещё старше, — заметил Симон. — Может быть. . .

Он заколебался.

— Ну, говори же, — подбодрил его Йешуа.

— Может быть, эта рыба начертана ещё до обретения земли обетованной или в то самое время.

Симон не знал, что он приписывает этому святилищу угасшего культа тысячелетнюю древность, но он был недалёк от истины.

Дому Рыбы, конечно, было меньше тысячи лет, но он был создан не евреями.

Дело в том, что после того, как Йешуа Нун (Иисус Навин) захватил землю Ханаанскую, прежние жители её долго ещё жили на этой территории вместе с евреями.

Кровавое и стремительное завоевание, описанное в книгах пророков, и полное, беспощадное истребление ханаанеян на самом деле не имели места : евреи постепенно проникали в эту страну, то побеждая ханаанеян, то терпя неудачи, то обращая их в свою веру, то перенимая на время их богов. У ханаанеян в ту эпоху были уже боевые колесницы, а евреи, эта отклонившаяся к западу ветвь семитских кочевников, ещё не знали даже лошадей и совсем недалеко ушли от родственных им по языку и по крови пастухов Аравийской пустыни. Они тогда и не могли так завоевать Ханаан, как описано в Библии.

Они овладели этой страной путём вековой инфильтрации и долгой, упорной борьбы; ханаанеяне не были уничтожены, а слились с победителями. Не сразу евреи пришли к единобожию; следы иных культов, особенно поклонения быку и змее, сохранились в библейской книге «Исход» и в других книгах, хотя, естественно, передались через десятки поколений жрецов и поэтов в искажённом виде.

На севере страны, вокруг галилейского моря, необычайно богатого рыбой, когда-то процветал культ бога-Рыбы. Сходные боги имелись у соседних народов, например, у жителей Двуречья: был у них когда-то бог, изображавшийся в виде человека с рыбьей головой. В Аскалоне, одном из главных филистимских городов, находился храм богини Держето и рядом пруд с посвящёнными ей рыбами. В те времена, о которых идёт наш рассказ, в славном городе Эдессе, в Северном Двуречье, процветал храм богини-покровительницы рыбаков: в храме том был бассейн, где плавали священные золотые рыбки. Арабы верили, что это были люди, превращённые в рыб.

В тайном культе галилейских рыбаков забылось, что рыба представляла богиню-покровительницу, ибо идея женского божества была чужда резко патриархальной психологии еврейской нации. Потом постепенно пропало и само понятие божества. Рыбаки избегали называть

рыбу божеством и не приносили никаких жертв на древний почерневший алтарь Дома Рыбы, но они несколько раз в году щедро подкармливали рыбу, и без того изобильную в их красивом озере. Они знали, что с ортодоксальной точки зрения в их культуре не всё в порядке, а потому тщательно скрывали тайну, передавая её лишь посвящённым.

Религиозное поклонение Рыбе превратилось с веками в обычай, примету и идиому. Для всех местных жителей рыба оставалась едва ли не главным пропитанием (мясо бедняки ели редко), она была подательницей благ, о ней говорили только хорошее. Жители берегов умели плавать, как рыбы; подобно им, никому не делали зла; подобно рыбам, были плодовиты. Ребёнка ласково называли «рыбкой», а себя — «детьми рыбы», давно уже не подозревая, что это название угасшего культа и тайного союза. Обо всём этом последние посвящённые в союз молчали, как рыбы.

— Всё же мне боязно в этой норе, — сказал Иаков, озираясь с отвращением. — Мало того, что я невольно осквернился, когда меня пригнали в Город Могил, так ещё вы меня затащили в языческое капище.

— Пустое, брат Иаков! — ответил ему Андрей. — Посмотри-ка теперь сюда. Посвети ему, Симон!

Симон со своим факелом перешёл к противоположной стене убежища, и на ней стал виден более явственный, недавний рисунок — человек в мохнатом плаще, окружённый отрубленными головами. Несмотря на примитивный характер изображения, любой еврей сразу узнавал в нём Илию Фесвитянина: именно так всегда изображался грозный пророк, истребитель баалитов (жрецов Ваала).

— Узнаёшь, Иаков?

— Да, это Илия. Вижу, здесь побывали и верные Богу. Но прежде-то здесь было... и зачем эта рыба...

Иаков был самым упрямым в своей семье.

— Далась тебе эта рыба! — с сердцем сказал Йёшуа. — Или ты забыл Левиафана, рыбу-Бога?

— И в самом деле! — с облегчением вскричал Иаков.

Он вспомнил, что говорится в Писании о Левиафане, рыбе длиною в сто локтей и с хвостом, подобным ливанскому кедру.

— Так это Левиафан! — радовался Иаков. — Что же ты сразу не сказал мне этого?

Он совершенно успокоился, и темнота, еле разгоняемая скудным огнём, скрывала от него улыбки Симона и Андрея.

— Похлёбка готова, — сказал Андрей. — Давайте ужинать.

Он снял с очага горшок, поставил его среди товарищей.

— Учитель, благослови наш ужин.

И они, преломив хлеб, стали есть из одного горшка. У них была ещё рыба, хлеб и вода. Они согрелись, насытились, и среди них воцарилось полное спокойствие. Дождь где-то в углу капал в их убежище, но вода тут же уходила через промоину и не беспокоила их.

— Учитель, правда ли то, что говорят о кесаре? — спросил Андрей.

— А что о нём говорят?

— Один из греков, побывавший в собственной стране римлян, рассказывал в страшной тайне, что кесарь живёт на каком-то острове безвыездно, управляет через гонцов и предаётся неслыханному блуду.

— Так говорят все, — ответил Йешуа. — Он уже три года назад покинул Рим. Там слишком много людей, а ведь он людей ненавидит и боится. Сказанное этим греком похоже на правду.

— Этот грек поведал о таких мерзостях, что язык не поворачивается их пересказывать, — добавил Андрей.

— Нет, говори, если начал, — потребовал Симон.

— Он сказал, что на остров привозят маленьких девочек и мальчишек, ибо кесарь блудит с детьми.

— Тьфу!- дружно отплевались Иаков и Симон.

После паузы Йешуа задумчиво сказал:

— Он очень стар, и у него не хватает сил на обычных блудниц. А отстать от привычки он уже не может. Как глупо! И такой жалкий человек правит половиною мира.

— И римляне считают себя первыми и лучшими людьми в мире!

— Но ведь он побил многих людей в самом Риме! Значит не все они таковы, как он? — спросил Андрей.

— Ты видел когда-нибудь добрых римлян? — вскричал Симон в ярости.

— Каков хозяин, таковы и слуги, — поддержал его Иаков.

— Послушайте, братья мои! — сказал Йешуа.- Однажды у врат Хоразина мытарь подал кусок хлеба нищему. Этот мытарь добр, пусть так. Но не он ли разорил сотни земледельцев — может быть, и этого нищего? Так что нам проку в том, если даже есть на свете добрые римляне! Я могу поверить, что не все они так жестоки, как кесарь. Всё равно — Рим живёт чужими слезами. Для отдыха между войн можно и накормить одного, если перед тем ограбить дочиста тысячу.

— А тот нищий взял хлеб у мытаря, Учитель?

— Нет, не взял.

— И он был прав! — воскликнул Симон.

— Не знаю, — ответил Йешуа. — Может быть, не стоило отталкивать руку, дающую хлеб? Кто знает, не раскается ли мытарь в своём прежнем грехе?

— Простишь ли ты кесаря, если он покается?

— Если покается и отзовёт легионы в свою землю, и признает истину, то... прощу.

Слушатели Учителя замолчали, поражённые.

— Но ведь этого никогда не будет! — вскричал Симон. — И волк всегда останется волком!

— Да, волк останется волком, — грустно ответил Йешуа Назорей. — Но только, Симон, не говори: «никогда». Ибо кто измерит милосердие Господа? Кто бы поверил, что хасидим побьют войска Сирийца?

Он имел в виду воинство Маккавеев, которое называло себя «хасидим» («благочестивые»).

— Ничего и никогда не прощают только перушим, — добавил Йешуа, — и всегда считают себя правыми, и думают, что только на них нет греха.

— Среди них есть честные и умные люди, — сказал Иаков.

— Мало одной верности закону, мало одной учёности, мало одного ума: нужно уметь раскаиваться и прощать. Римляне не знают Бога правды, а перушим ему молятся и клянутся его именем, но не творят добра. . . Андрей, вспомни ту страшную историю об одной греческой мести, которую ты мне рассказывал однажды возле Бетсанды. Ты не забыл её?

— Нет, я помню, — ответил Андрей. — Это история одного из их царей, который враждовал с родным братом. Так бывает и в иных землях, ведь правда? Не помню, чем-то этот брат оскорбил царя. Тогда царь тайком убил своего племянника, изрубил, изжарил, позвал брата на пир и накормил его мясом собственного сына.

— Сына этого брата? — спросил Иаков.

— И греки такие же свиньи, как римляне, — с мрачным удовлетворением отозвался Симон.

— Какая мерзость! — произнёс Иаков.

— Теперь скажите, — спросил Йешуа, — на кого падёт грех: на того, кто убил мальчика и накормил мясом его отца, или на того, кто ел?

— На обоих поровну! — решительно отрубил Симон.

— Ты так думаешь? Но ведь отец не знал, что он ест.

— Невольный грех тоже грех.

— Но всё же вина убийцы несравненно тяжелее!

И все согласились с Йешуа.

— Так вернёмся же к римлянам: понимают ли они свою мерзость, пожирая детей? Но перушим знают, и вина их велика.

— Они ненавидят римлян так же, как и мы! — сказал Иаков.

— Ты прав, брат. Поэтому я надеюсь соединиться с ними, — ответил Йешуа. — Если они покаются, и сложат с себя одежды гордыни, и перестанут обижать людей земли, то мы примем их в общий союз. А с зелотами нам сговориться нетрудно.

— И тогда — война Риму! — вскричал Симон Зелот.

— Так думает Иоханан Пророк, — ответил Йешуа. — Он только ждёт смерти Кесаря.

— А ты, Учитель, о чём думаешь ты?

— Царства создаются добром и разрушаются злом, — ответил Йешуа. — Если верные соберутся воедино, то не нужно нам будет пролития крови. Откажемся повиноваться чужестранцам и бичами прогоним из Храма предателей. Царство Рима стоит нашим разделе-

нием. Соберём верных в одно братство! И нам не понадобится убивать людей, творить зло и насилие: добром созиждется Царство Божие!

Все долго молчали, прислушиваясь к шороху воды и собственным думам. Потом Йешуа добавил:

— Всякий, кто убивает, ведь он убивает брата. И всякий, кто морит голодом сирот, пожирает мясо своих сыновей. Люди не понимают, что они живут, как звери — или хуже зверей.

— Ох, это правда! — глухо простонал Симон Зелот.

Мучительный стыд слышался в его голосе. И никто не ответил ему, зная, как много случилось ему убивать.

Они лежали молча, думали, потом начали засыпать. Очаг угас, во мраке чуть светились тлеющие угли. Йешуа встал, подбросил несколько веток, раздул огонь. Потом сел возле Симона и положил ему руку на голову.

Симон вздрагивал и неровно дышал.

Йешуа лёгким касанием оцупал его лицо: оно было мокрым.

— Что это, Симон? — шёпотом спросил Йешуа.

— Учитель... это в первый... раз... за двенадцать лет, — чуть слышно ответил Зелот.

— Знаешь ли, брат мой, — шепнул ему на ухо Йешуа, — эти слёзы для меня — такая же радость, как избавление от смерти моего брата Иакова. Господь простил тебе, Симон!

Наступила тишина.

Йешуа лёг на ворох соломы и задремал.

Глубокая, дождливая ночь царила над Галилеей. Не было ни луны, ни звёзд. Угасли огни селений, утихли таверны городов. Даже в «Золотом Доме» Тибериады все спали, и стража спала стоя, опираясь на копьё. И высоко в горах четыре человека спали в таинственном гроте, который некогда был храмом Рыбы. Спал, наконец, Йешуа Назорей — самая бдительная душа на земле.

Ему снилось весеннее голубое небо, покатым горный луг, покрытый нарциссами и дикими маками, дети, играющие среди цветов, и сам он среди этих детей — беспечный, весёлый ребёнок.

Глава VIII. Поздняя беседа.

Зима в Палестине — это время проливных дождей и леденящих ветров. В один зимний вечер, не доходя до Каны Галилейской, трое путников оказались на пустынной дороге ввиду приближающейся бури.

Это были всё те же Йешуа Назорей, Симон Зелот и юный ессеи Иоханан. Они возвращались с берегов Галилейского моря в Кану. Симон Зелот озирал небеса и выказывал тревогу.

— Давайте свернём с дороги! — предложил он. — Отсюда в получасе ходьбы я знаю маленькую деревню, где у меня есть родня.

Йешуа поднял голову и посмотрел на небо. Казалось, близкая буря ничуть не пугала его. Однако он понимал беспокойство своих товарищей.

— Что ж, можно и свернуть к селению, — сказал он. — У тебя, Симон, везде родня. Только, мне чудится, приют и ночлег ожидают нас где-то поблизости.

— Учитель, до Каны ещё три часа ходу, и нам не укрыться от дождя.

— Может быть, ты и прав, — ответил назорей.

Пока они обсуждали этот вопрос, на дороге показались какие-то огоньки. Они дрожали, метались под порывами западного ветра и двигались навстречу трём путникам.

— Кто-то идёт, — сказал Иоханан, двоюродный племянник назорея.

— Это добрые люди, — ответил Йешуа.

И они увидели впереди круглолицего человека в толстом плаще; два раба, предносители света, шли перед ним с факелами, а третий раб, вооружённый мечом, следовал в двух шагах за хозяином.

Увидя трёх путников, незнакомец высунул нос из-под капюшона и спросил по-арамейски с чужеродным греческим акцентом.

— Добрые люди, не заблудились вы?

— Нет, господин, — ответил Йешуа, — мы идём в Кану. Но мы не надеемся дойти до неё прежде бури.

— Тогда идёте ко мне, — сказал круглолицый, — я обогрею вас и дам вам ночлег в моём доме.

Йешуа Назорей задумчиво посмотрел на своих спутников. Симон Зелот насупился и ответил:

— Не в обиду тебе будет сказано, добрый эллин, но мы правоверные иудеи и не входим к язычникам.

Человек в плаще грустно усмехнулся:

— Друг мой, не говори о язычниках! Я женат на иудеянке, ради нее я принял закон Моисея. Мой дом — это еврейский дом, если только в наше беспокойное и перепутанное время ещё могут быть настоящие евреи.

— Вот слово маловеера! — неожиданно прозвучал голос Йоханана.

— Юноша, я выполняю обряды, — ответил круглолицый, — подаю милостыню бедным и призреваю усталых. За пять лет у меня не умер ни один раб!

— Мы идём с тобой, — сказал Йешуа.

И все отправились в ту сторону, откуда пришёл Йешуа со своими спутниками. На расстоянии немногим больше стадия от дороги отходила сельская тропа: рабы с факелами свернули на неё, путники в молчании преодолели подъём, и впереди показалась ограда с воротами, за нею — двери в сад, а среди мокрой зелени сада — небольшая вилла из белого камня. В ней светились огни, лом ждал хозяина. Заслыша приход людей, залаяли собаки.

Сторож поспешил отворить ворота. Круглолицый хозяин повернулся к троим гостям и сделал широкий жест:

— Войдите с миром! Мой дом — ваш дом.

Они прошли по усыпанной гравием дорожке. Над дверями виллы был высечен мраморный горельеф — виноградная лоза, обычное украшение богатых еврейских домов. Это несколько успокоило Симона Зелота, которому не понравилось слишком греческое устройство всей усадьбы и дома.

Внутри виллы толстогубый нубиец с ключами в руках встретил хозяина. Он говорил на смеси арамейского и койнэ: мода богатых еврейских домов той эпохи.

— У нас гости, — сказал хозяин, сбрасывая плащ на руки чёрного ключника. — Приготовь ужин на четверых в малом зале. Госпожа спит?

— Госпожа ждёт тебя.

— Сейчас я подымусь к ней.

Хозяин обернулся к гостям:

— Ступайте за мной, добрые люди.

Он повёл их в специальное помещение, где в каменном полу были выдолблены углубления для мытья ног; вода проходила по трубам мимо очага и была тёплой, как парное молоко. Два мальчишки разули хозяина и гостей, помогли им вымыть ноги.

— У тебя, видать, хорошо с водой, — заметил Йешуа, моя ноги рядом с хозяином.

— Я беру воду из горного ручья, — ответил тот. — Отвёл канавку: хватило и на сад, и для дома. Идёмте в столовую, я только поздороваюсь с женой и сию минуту вернусь к вам.

Он провёл гостей в свой малый зал, усадил их и ненадолго оставил одних.

— Ну, какой же это еврей? — проворчал Симон Зелот. — Только греки так увиваются возле своих жён.

Столовая уже была освещена и сразу же неприятно поразила пришельцев стенными росписями в греческом вкусе. Слуги вносили кушанья, а три ложа вокруг стола были уже мягко застланы. Хозяин вскоре вернулся к ним.

— Простите, добрые люди, что я оставил вас, — сказал он, — но я хотел успокоить супругу и предупредить её о приходе гостей.

— Ты поступил праведно, хозяин, — сказал Йешуа.

Эллин с круглым лицом чуточку опешил и присмотрелся к назорею. Симон Зелот тоже бросил на Учителя недоумевающий и словно обиженный взгляд.

При свете ламп хозяин выглядел старше, чем показался на дороге. На его круглом лице светились маленькие голубые глаза; высокий лоб переходил в лысину, обрамлённую редующими волосами. Он был некрасив, но приятен.

— Моё имя — Аарон, сын Креонта, — сказал он.

Гости назвали свои имена.

Он пригласил Йешуа, в котором угадал старшего, прочесть молитву. Все возлегли вокруг стола, и трапеза началась. Еда была проста, но хорошо приготовлена: обычный ужин в еврейском доме. Прислуживали те же два мальчика, что помогали мыть ноги.

— Скажи, Аарон, почему я ранее не видел твоей усадьбы? — спросил Симон. — Ведь я знаю давно всю эту округу.

— Я поселился здесь и выстроил дом год назад. Сад был и раньше, я купил его у Натана Кривобокого.

— Я знал Натана, — сказал Симон. — Все говорили, что сад его плох.

— Говорили правду, — кивнул хозяин. — Но я оживил его, ибо я люблю сады, а они любят меня. Можно ли найти лучшее применение деньгам, чем сад и новые плоды?

— Можно раздать деньги бедным.

— Да, но бедные останутся бедными, а земля должна рожать, приносить плоды. Ведь все люди едят плоды земли, а не серебро.

— Ты остроумен, Аарон! — с ноткой удивления молвил Йешуа.

— А ты не пьёшь вина, Йешуа?

— Я назорей и не вкушаю хмельного, как и мой племянник.

— А ты не желаешь ли доброго вина, Симон?

— Спасибо, Аарон, немного выпью.

Наступило молчание. Ели степенно и неторопливо. Внезапно юный ессей прервал молчание:

— У твоих слуг цветущий вид, Аарон.

Хозяин поглядел на него с любопытством.

— Рабы — такие же люди, как и мы, — ответил он. — Я забочусь о них и редко наказываю; нерадивых я продаю, хотя бы и в убыток.

— Ты пригласил в дом таких простых людей, как мы, — сказал Йешуа Назорей, — и разделил с нами ужин. Хвала тебе, ты не горделив.

— По моему разумению, все люди, и князья, и пахари, и даже рабы равны перед роком, — ответил хозяин. — В хорошем отношении к рабам нет ещё истинного *добра*: *просто по нраву мне мир, оттого и хочу я вокруг себя видеть спокойные лица. Не могу я терпеть вида голодных и страждущих.*

Йешуа понимающе кивнул:

— Ты мягкосерд к малым людям ради собственного спокойствия.

— Истинно так, Назорей. Я не обременяю их непосильной работой, хотя и не люблю видеть их без дела: ничем не занятый раб портится и пропадает.

Наступило молчание. Взор Йешуа блуждал по стенам зала. Прямо против него на стене был довольно искусно написан приморский пейзаж, прачки с корзинами белья, идущие к воде, и нагой мужчина, прячущийся от них за кустом.

— Навсикая, — сказал Йешуа, указывая на женщину без корзины, изображённую в центре картины.

Хозяин от изумления чуть не подавился сливой.

— Неужели ты знаешь Гомера? — вскричал он.

В глазах гостя мелькнула добродушная ирония.

— Не правда ли, сколь дивно встретить на дороге неписьменного еврея, которому ведомы песни эллинов? — спросил Йешуа.

Сын Креонта покраснел и смутился.

— О гость, не пойми меня так! Я уважаю еврейскую мудрость, но они ведь так далеки от ионических песен.

— Ты прав, — кивнул Йешуа. — Эллину и еврею трудно понять друг друга. Да, это правда. Но в Галилее много эллинов, и один из них рассказывал мне песни Гомера.

— Понравились они тебе, или это слишком языческие песни?

— Трудно тебе ответить, мой добрый Аарон, — в задумчивости сказал Йешуа. — У этого Гомера есть большое сказание об осаде великого города. Я диву даюсь, как мог этот певец столь красноречиво прославлять бесконечные человеческие убийства! И добро бы это была война за веру, а так — из-за красивой женщины... Не понимаю. По мне, это всё едино, что прославлять глупость людскую.

— Ах, ты прав, клянусь утренней звездой! — воскликнул хозяин.

— Не клянись! — заметил юноша Иоханан.

Хозяин смутился и попросил извинения за свою забывчивость. Утренней звездой клялись арабы; то была звезда Иштар, финикийской Ашторет, греческой Афродиты. Иудею не подобало клясться ею.

— Песнь о мореходе гораздо лучше, — продолжал Йешуа.

— Ты любишь Одиссея? — с жадным любопытством спросил хозяин.

— Нет, господин и друг мой. *Я его не люблю. Он слишком много хитрил и обманывал.* Эллин-еврей был сбит с толку.

— Так почему же «Одиссея» нравится тебе?

— Там немало правды о жизни. Эллины думают, что это сказка, но там скрыта и подлинная мудрость. Я люблю то сказание, где царевна Навсикая отпускает морехода на родину, хотя и полюбила его.

Йешуа показал на стенную роспись, и все посмотрели тоже.

— Она нашла его на берегу моря, накормила и одела его. Она хотела бы стать его женой, но у него уже была жена и дети, и родной дом. И она снарядила ему корабль и подарила ему свободу, а выше этого дара нет ничего. И она сделала счастье из своего несчастья.

— Учитель, раз она отпустила жениха, то, наверное, впала в кручину.

— Нет, Симон, ты не понял. Она стала счастлива его свободой. Такие женщины угодны Господу. Будь таким же, как Навсикая: даруй свободу тому, кого любишь, и не думай о себе.

— Как хорошо ты сказал! — пробормотал Аарон.

— И ещё я люблю то место в песне, где старый пёс первым узнал хозяина и даже издох от радости.

Хозяин, забывшись, пропел несколько слов на старом ионийском диалекте. Он был взволнован.

— Но как отвратительно слышать, — с силой сказал Йешуа, — о кровавом избиении глупых женихов! Ведь они даже и не думали, что мореход остался жив. В чём же была их вина?

— Жестокое старое время, — извиняющимся тоном сказал Аарон.

Мягкое лицо Йешуа потемнело:

— Когда-нибудь и о нас скажут: «Жестокое стародавнее время!» И будут творить *новые жестокости, притворяясь, будто стали умнее отцов. Нет оправданию насилию во веки веков!*

Аарон, расстроившись, как ребёнок, отложил недоеденную виноградную кисть и подёр голову рукой.

— А помнишь, как Одиссей в шеоле отталкивал тень своей родной матери? — беспощадно продолжал Йешуа.

— Ему нужно было услышать прорицание Тиресия! — вскричал хозяин.

— Нужно? *Очень нужно? Нужнее голоса матери? Нужнее, чем добро?*

— Но от указания Тиресия зависела его жизнь!

— Что из этого?

— Так ты считаешь, что добро превыше жизни? — со страхом и почтением спросил Аарон.

— Евреи всегда без трепета умирали за правую веру! — сказал Симон.

— Гость мой, тут речь об ином. Не веру Моисея, а простое *добро следует ли ставить выше жизни?*

Йешуа опустил голову и, приподняв правую руку, смутным жестом отвёл её от головы в сторону, как бы говоря: «Видимо, так».

— Воистину, эллину не понять еврея, — упрямо сказал Симон, — а еврею не стовориться с эллином!

— Не говори так, гость мой! В Александрии живёт один еврей, к которому ходят учиться и евреи, и эллины. О мудрости его наслышаны Афины, Дамаск и Иерусалим. Он хранит верность нашему Закону, но прочёл Платона и превзошёл эллинскую мудрость. Его зовут Филоном Евреем.

— Эллинский ум — это детский ум, — сказал Йешуа, — и эллины никак не могут повзрослеть.

— Речи твои дивны, — сказал Аарон. — Я поклоняюсь Единому Богу и не вкушаю нечистого, но почему нельзя иудеям ценить мудрость иных народов?

— Можно и должно, — ответил Йешуа.

— Как же ты равняешь с неразумными детьми Сократа и Платона?

— А знаешь ли, многоучёный муж, что малые дети весьма *разумны, часто даже разумнее седебородых книжников.*

— Но всё же они дети!

— Да, Аарон, всё же они дети, только не зови их неразумными. Многое открывает им Господь, но дети есть дети. Они не имеют силы духа и живут, играя. Таковы же и все эллины.

— Дорогой гость, расскажи подробнее, что ты под этим понимаешь.

— С охотой, Аарон, только закончим трапезу, омоем руки и оставим застолье, ибо у друзей моих уже слипаются глаза.

— Учитель, — сказал Иоханан, — позволь мне слушать ваши речи.

— Если хочешь, дитя моё.

— А я, пожалуй, лягу спать, — сказал Симон Зелот.

Хозяин кликнул своего чёрного ключника и велел ему отвести Симона на покой, а сам с Назореем и его племянником перешёл в библиотеку, полную пергаментных и папирусных свитков. Здесь Тора соседствовала с сочинениями эллинских мудрецов, а на стене были изображены Земля, Луна, Солнце и звёзды, как их представляли себе Аристотель и Птолемей.

Усадив гостей и усевшись сам, Аарон возобновил беседу:

— Почему, мудрый странник, ты уподобляешь эллинов играющим детям?

— Я скажу тебе, Аарон. Потому что эллины более всего ищут утехи своим чувствам и радостей для плоти.

— Таков был Эпикур, но не все эллины чтят его учение. Афинская школа не искала плотских радостей, а искали Высшего.

— Они искали утехи для разума, — ответил Йешуа. — *А большинство эллинов живёт ради плотских радостей. Они услаждают свой слух музыкой и сладкими песнопениями, услаждают свой взор идолами, одетыми и раскрашенными наподобие живых людей, услаждают небо медами и пряными яствами, услаждают свою похоть частыми сношениями с блудницами, и это есть пустая игра, ибо не служит продолжению рода. И такую же пустую игрой мнится мне вкушение пищи до голода и питьё вина прежде жажды, равно как сотворение кумиров, в которых никто уже не верит, ниже сами ваятели их. Всё это — только утеха и обман собственной души. Эллины живут играя.*

— В твоих словах много правды, Йешуа.

— Хорошо и то, что много, — иронически заметил Назорей. — *Все знания и умы эллинов устремились на ложный путь, и ведёт он их не к обители Господа, а к бездне, наполненной смрадом и трупами. После размышлений нескольких мудрецов об истине и Боге, Эллада скоро устала и вернулась к своим наукам. Вся наука служит их радости. Я не удивлюсь, если эллинские повара напишут для чревоугодников особливые книги о том, как приготавливать диковинные блюда...*

— Такие книги есть, — пробормотал хозяин.

— Или ещё найдутся учёные блудницы, которые опишут в пространных сочинениях все тонкости и уловки своего мастерства.

— И это уже есть! Всё это написала Элефантида, и притом весьма искусными стихами.

— Быть того не может! — вскричал Иоханан.

— Почему же? — спокойно заметил Йешуа.

— Так оно и есть, — подтвердил хозяин. — Но вспомни, назорей, даже в Содоме нашёлся один праведник. Так и в Элладе есть мудрецы, презирающие плотскую утеху. Их называют стоиками.

— Чему же они учат? — с любопытством спросил Йешуа.

— Нелегко изложить это в коротких словах, но я попытаюсь, богоданный гость мой.

— Скажи нам главное.

— Мудрецы Стои, из них же главные *Зенон и Хрисипп, укротили гордыню многосведущих. Знание земных вещей не может быть целью само по себе, так учат они. Собиратель знаний, не умеющий жить праведно, подобен скупцу, который спит на мешках с золотом и гложет сухую корку. Знание есть только средство, чтобы приобрести умение достойно жить.*

— Это хорошо, — сказал Йешуа. — А как жить достойно?

— А жить надо сообразно природе, — продолжал ободрённый Аарон, сын Креонта. — Счастье заключается в свободе от страстей, в спокойствии духа, в равнодушии. Мудрому следует избегать треволений. Не должно человеку нарекать на ход вещей: что толку бранить камень, падающий с горы? Судьба всевластна, и с нею спорят одни лишь безумцы. Итак, должно следовать судьбе и повиноваться ей. Не так ли, гость мой?

— Нет, не так, — прозвучал тихий и ясный ответ.

— Как? Неужели ты не веришь в судьбу?

— Пойми же, несчастный человек, что мудрость Стои ещё хуже, чем низкие страсти и глупые игры эллинов и римлян. Ведь если они уподобляются животным в неразумии страстей, то Зенон, Хрисипп и ты, их ученик, желаете прозябать, подобно траве, ибо бесстрастие есть удел растений. Камню я предпочту траву, траве я предпочту зверя, зверю человека. Горе равнодушным, ибо им нет спасения.

— Я не понимаю тебя, добрый человек.

— Скажу тебе иначе. Вот ты окружаешь себя спокойными лицами, хорошо кормишь слуг своих и не ломаешь их рук и ног. Потому душа твоя спокойна, и ты закрываешь глаза, как ребёнок, на всю страну окрест, стенающую под бичами неправой власти. Что же сказать о таком спокойствии духа? Равнодушная мудрость не ведаёт жалости и не желает видеть язв людских. Порочный человек сегодня жесток, но завтра может смягчиться, ибо страсти гонят его по кругу земли, но равнодушный жесток всегда.

— Но какой же смысл бороться против Судьбы и не мудрее ли прозябать, как ты говоришь?

— Истинно говорю тебе, совесть превышает судьбу, и воля Бога Живого свершается каждый день.

— Назорей, нам не дано изменить ни йоты в Книге Судьбы.

— Аарон, Книга Судьбы не написана, и прежде конца мира Господь не скажет последнего слова.

— Разве мир не сотворён много веков тому назад?

— Сотворён и был разрушен потопом, и заселён вновь. Подобием всемирного потопа были страшные войны, трясения земли и моровые поветрия. *Творение продолжается. Ибо когда гончар остановит круг и скажет, что сосуд готов, то сосуд этот перестанет изменяться, и из мягкого станет твёрдым, а отверделое мертво. Запомни, мой добрый хозяин, жизнь есть неготовое.*

— Как понять, что творение продолжается? Кто же ныне творит мир?

— Воля Божия через верных ей людей. Есть только Воля Божия, и к ней поднимаются мольбы человекoв. Нет судьбы, которой ты поклоняешься, нет извечной и предначертанной для всех будущих поколений. Мореход в неведомом море, хорошо выбирай свой ветер! Не будь никогда равнодушным, плыви, молись, и Бог поможет тебе. Но если ты снял парус и оставил кормило, Бог предоставит тебя твоей слепой Судьбе. Бойся остаться в одиночестве без Бога. Ибо наедине с судьбой ты плывёшь прямо к вечному дому, и равнодушие есть смерть.

— Но что же тогда истинная жизнь, назорей?

— Бог есть любовь.

— Эрос, как у Платона?

— О нет, не Эрос, но *агапэ*, любовь божеская и братская.

— Никогда не слыхал я таких речей, гость мой.

— Ты ещё не раз их услышишь, ибо наступают новые времена.

Аарон вздрогнул и вперил в назорея сверкающий взгляд; затем произнёс несколько непонятных слов и умолк, ожидая ответа. Йешуа покачал головой.

— Нет, Аарон, я не понимаю языка вавилонян.

— Однако ты узнал сам язык?

— Да, я прежде слышал халдеев — немного. Почему ты подумал, что я знаю этот язык?

— Я подумал, что ты звездарь, а все, кто читает по звёздам, уважают Вавилон, корень этой науки.

— Не нам, иудеям, уважать Вавилон, и я не звездарь, а врачеватель. Но ты, я полагаю, сам читаешь по звёздам. . .

— Да, я сам звездочёт.

Хозяин говорил негромко, и взор его затуманился.

— Узнай, назорей, что я родился в Вавилоне, и в жилах моих течёт не только эллинская кровь.

— Время позднее, — сказал Йешуа, — но поведай нам о себе, и о том, что ты прочёл в звёздах.

— Так я и сделаю.

Аарон провёл рукою по лицу, минуту помолчал и заговорил:

— Знайте же, гости, что я родился в Вавилоне и происхожу из знатного рода, в котором смешалась вавилонская и эллинская кровь. Когда Александр Великий взял в жёны царевну Статиру, то одновременно восемьдесят друзей его вступили в брак со знатными персиянка-

ми и ещё десять тысяч воинов, эллинов и македонян, взяли в жёны дочерей Востока, ибо царь обещал заплатить им все долги за это. И один из этих эллинов был Никомах, дед моего деда. Род наш возвысился при Селевкидах, богатство помогло нам пережить их крушение и уцелеть в тени новых царей, однако постепенно наш род переселился в Сирию, Элладу и Египет, ибо иго парфян стало нам тяжело. Я родился в Вавилоне, учился в Антиохии и Афинах, жил везде, от Евфрата до Тибра...

— Ты жил в Риме?

— Семь лет провёл я в нём, гости. Ибо я изучил не только физику, этику и логику эллинов, но и вавилонскую науку звёзд. Мои гороскопы всегда сбывались, и слава моя дошла до самого кесаря. Он призвал меня к себе, и я предстал перед властелином мира.

— Ты видел Тиберия? — воскликнул Иоханан.

— Как вижу вас. И я видел его не единожды. Ибо он пожелал, чтобы я прочёл по звёздам его судьбу.

— Но расскажи, каков он собою!

— Говорят, старость сильно изменила его. Тогда он был высок и силён, мышцы его были толстые, как у циркового бойца, и красивое лицо — с орлиным носом, с большими серыми глазами, только говорил он плохо и трудно. Рассказывали, что он мог одним щелчком пробить темя взрослого мужчины. Он никогда не изучал ни риторики, ни диалектики. Телесная красота и сила были его богатством от природы.

— Самое непрочное, — пробормотал Йешуа.

— Тиберий хотел узнать, нет ли у него врагов в Сенате и во дворце. Мне пришлось проделать громадный труд и много расчётов. Я не стал скрывать от него правду... Вы люди верные и не станете повторять этого...

Оба гостя молча кивнули.

— Звёзды открыли мне, что кесарь умрёт от руки очень близкого человека, которому он верит. Я сказал ему, что он должен остерегаться одного из людей, им любимых. Кесарь был поражён, однако, мне показалось, в душе признал истинность моего предсказания. Он щедро заплатил мне за труд и приказал молчать об этом под страхом смерти. Вам первым открываю я эту тайну.

Потом он запретил римлянам обращаться к звездочётам, и я понял, что он не хочет, чтобы его подданные могли, кроме своей, узнать и его будущую судьбу. Но римляне продолжали тайно, по ночам, ходить к звездочётам и платили за прорицания большие деньги. Я знал, что так продолжаться долго не может, а потому все свои богатства обратил в золото и драгоценности, которые можно было легко унести с собой. И вот прошёл год после моей последней встречи с Тиберием, и вышло повеление кесаря выслать из Италии всех предсказателей судьбы, числом не менее четырёх тысяч.

Я уехал в Афины и нашёл там друзей, но власти, зная о немилости кесаря, не дали мне покоя. Тогда я удалился в Азию, но легат кесаря захотел наложить руку на моё имущество, и я узнал об этом заблаговременно. Покинув Азию, я отправился в Антиохию, где

собирается прекрасное общество. Там, в долине Дафны, я встретил на празднествах знатное иудейское семейство, дочь которого стала моей женой. Мы оба желали уединения; мой тесть дружил с большими людьми в Тибериаде. Галилея не подчиняется власти сирийского легата кесаря. Итак, я избрал эту местность. Приняв перед женитьбой закон Моисея, я сменил своё имя. И здесь я обрёл покой. У меня есть жена, дочь, сад и звёзды.

Теперь послушайте о том, что занимает вас более, чем моя жизнь.

Аарон, сын Креонта, помолчал, собираясь с мыслями.

— Ты говорил, мудрый назорей, что нет от века предначертанной судьбы. Всё же в мире и в небе я нахожу знаки будущего. По моему разумению, грядущее не только *будет*. Оно *отчасти уже есть*. И его знают звёзды, ибо они были прежде нас и пребудут дальше: неподвижные, они живут.

Итак, тридцать лет назад, когда у меня ещё не росла борода и я ещё только подбирал первые крохи от пиршества халдейских мудрецов, хвостатая звезда взопла на востоке и ушла на запад: никто раньше такой не видел. Учёные мужи Вавилона изрекли, что звезда возвещает рождение царя, который потрясёт вселенную. Заметьте, что ни в Индии, ни в Парфии, ни в Риме не родился в тот год наследник высшей власти, и звезда указывала не на них. Где родился царь, я не знаю, но он родился.

Незадолго до моего приезда в Галилею явился здесь пророк сурового вида, именем Иоханан; вы о нём, конечно же, слышали. Он купает людей в Иордане и вещает скорое пришествие Царя-Помазанника, или *басилевс христос*, как говорится по-гречески. В этой стране уже не раз случалось, что народных вождей объявляли мессиями, так что иногда в один день и час было сразу три мессии.

— То были ложные мессии! — не выдержал Иоханан.

— Я тоже думаю, что они самозванцы. Но галилейский пророк не выдаёт себя за мессию, а лишь называет себя его предшествующим рабом. Думается, та хвостатая звезда возвещала рождение царя, о котором ныне говорит Иоханан Предтеча. Тому царю должно быть тридцать лет, это цвет века человеческого. Он ещё скрывается, но час его близок.

— Воистину так! — сказал Йешуа, спуская лоб на руку.

— Я здесь не перестал наблюдать звёзды, — продолжал Аарон. — Ныне явились небывалые сочетания звёзд и планет. Небо изменяет вечное лицо своё. Увеличилась сила красной звезды Марса, а это сулит кровь и людскую погибель. Друзья написали мне из Египта, что, по глаголу тамошних жрецов, птица Феникс готовится умереть и восстать из пепла. Это означает большую перемену времён.

— Тоже правда, — подтвердил Йешуа.

— Кажется мне... ещё раз прошу вас сохранять тайну... что к кесарю приближается Великая Успокоительница, и тогда Царь Звезды займёт его место. Юлий пал от кинжалов своих сенаторов и друзей, Октавиан умер спокойно в своей постели. Какова будет кончина Тиберия?

— Она будет плохой, — сказал Йешуа.

— Откуда ты знаешь, если не веришь звёздам?

Йешуа улыбнулся:

— Будущее можно узнать не только от звёзд, но и от пастухов. Бог судит каждого по делам его, и знаки этого суда явны всем, кто хочет видеть. Взятый меч погибнет от меча, и неправое сокрушится неправдой.

— Мне трудно постигнуть путь твоих мыслей, о мудрец!

— Но почему же? Ведь ты учён и сметлив.

— Ты первый сказал, что наступают новые времена, а когда я привёл свидетельства звёзд, ты не спорил, а подтвердил их. Но ты сам сказал, что не веришь в судьбу.

— Нет, я сказал нечто иное. Судьба велика и сильна, как власть кесаря. Но как Парфия и варвары Севера ставят предел кесарю, так и Божия воля превышает судьбу. Мужайся и борись за Божию правду, ты можешь многое претерпеть и пострадать, но судьба не одолеет тебя. Совесть превыше судьбы.

— Что же ты скажешь о звёздах, назорей?

— Знаешь, что говорят мудрецы в Иерусалиме? Праотец наш Авраам обречён был звёздами на бесплодие. По его гороскопу у него не должно было быть детей. Он же родил Исаака и дал начало избранному народу, хотя это не было начертано от века, и звёзды предвещали обратное.

— Может ли это быть? Гороскоп был составлен неправильно!

Гороскоп был составлен правильно, Аарон. Или ты думаешь, что мудрецы древности, учителя твоих учителей, хуже тебя понимали письмена неба?

— Как же это понять? — спросил хозяин, бледнея. — По-твоему, космос только видимость и мы живём среди хаоса?

— Нет мир есть *космос* (порядок), но устройство его длится и ныне. Я же тебе сказал. Когда ты строил дом свой и обновлял сад, разве не приходили тебе в голову переделки плана?

— Кажется, я даже поспорил с моим архитектором, ибо я хотел с крыши дома без помех наблюдать небо, он же не понимал, для чего я нарушаю стройность пропорций. И сад я разбил заново, а этою весной всё переменял снова.

— Так что ж удивляешься, что Господь испытует и отменяет приговоры, если простой дом на земле перестраивается по три раза?

— Но вести о грядущих переменах — их ты признал?

— Да, это будет воистину, так должно быть.

— *Должно?*

— Да, Аарон. Не предначертано от века, но теперь сделалось должным. И не судьба сулит перемены, а обида народов, ею же явлен гнев Божий. Тысячи племён хотят изменить лик земли. Значит, перемены будут. Такова воля Господа.

— Кто познал её?

— Несколько человек её поняли.

— Назови мне троих, и я соглашусь.

— Ну что ж, — рассеянно сказал Йешуа. — В Иерусалиме живёт благочестивый Гамалиил.

— Да, он славится своею учёностью, но он фарисей?

— Он принадлежит к хевре фарисеев, но слово его неложно и жизнь свята. Он понимает волю Бога. Ты уже упомянул Иоханана, сына Захарии. Но более всех видят знаки Божия суда старцы из пещер Енгадди, имена же их ненарицаемы.

— Мудрый гость, ты умолчал о себе.

— Я простой врачеватель, но и я разношу слово Истины. Я жду, когда исполнится чаша гнева Божия и сбудутся речения пророков. Израиля. Час близок. Идут новые времена.

— Ты прав, Йешуа. Мир должен перемениться. Этого хотят все. Даже многие римляне томятся под пятой кесаря.

— Нет, Аарон, не говори мне о Риме. Сыны Волчицы забыли свою свободу ради дарового хлеба и бесплатных игрищ. Рабство пришлось им по душе, и более всего на свете они любят свой неправый закон, своё железное ярмо, заменившее им и Бога, и совесть. Язычники думают, что, если исполнять всё, написанное в их скрижалях и заветах, то совсем не обязательно быть добрым. Они спокойны во зле и горды в неправде своей. Смерть в душе Рима.

— Ты полагаешь, что парфяне завоюют нас и уничтожат силу кесарей? — с волнением спросил хозяин.

— Да нет же! — нетерпеливо возразил Йешуа. — Могут ещё быть войны Рима и Парфии, на долю обеих сторон выпадут и победы, и поражения, но этим ничто не решится. Сила изнурительна для сильного, Рим истощил сам себя. Рим сокрушится изнутри, как храм в Дагоне, столпы которого сломал Самсон.

— И этим Самсоном будет уразумевший волю Божию?

— Да, ты понял наконец! — улыбнулся Йешуа, показав все свои дурные и нечастые зубы. — Люди камень по камню разнесут Дом Юпитера, перо за пером опилят Орла. Чёрный ветер пустыни пролетает над городами и не может им повредить, сила его бессильна. Но тьмы малых песчинок, тьмы тем и более того сыплются тихо и непрерывно, днём и ночью, и погибают сады, колодцы, храмы. Они не ломают и не сокрушают, но они одолевают множеством. Малое сильнее великого.

Аарон, сын Креонта, в волнении стиснул руки и всем телом подался вперёд:

— Так значит, Йешуа. . .

Назорей кивнул головой и ответил:

— Да, мы разрушим Рим.

IX

1.

Тибериада была молодым городом. Её смешанная архитектура, её колоннады, коринфские капители и еврейский кубические дома, её восточные рынки и пёстрое население, статуи Тиберия Августа, недавние сады — всё придавало городу отпечаток злободневности, юности, моды.

Это был один из тех эллинистических городов Ближнего Востока, которые быстро расцветали, но столь же быстро отцветали, подобно «адонисовым садам» на греко-сирийских празднествах в честь богини любви и её прекрасного возлюбленного, убитого диким вепрем. Из таких эллинистических городов наибольшую славу через сто с небольшим лет завоевала Пальмира.

В тот ясный зимний денёк Тибериада жила обычной жизнью: торговала, воровала, молилась. После полудня из дворца тетрарх галилейского выехала пышная процессия.

Её открывали и замыкали наёмные воин тетрарха, вооружённые до зубов; ехали на мулах евнухи и женщины дворца. В центре процессии, величаво покачиваясь, плыл большой паланкин, пурпурный с золотом.

— Иродиада!

— Царица! — слышалось в уличной толпе.

Многие приветствовали царицу, иные молчали, а были и такие, которые исподтишка бормотали: «Иезавель!» — и смотрели на всадников в блестящем вооружении, словно считали, сколько на сегодня силы охраняет внучку Ирода Великого.

Иродиада покинула столицу и удалилась в любимую загородную резиденцию, в своё горное гнёздышко, выстроенное в новом аттическом стиле, среди сада и финиковых пальм, гранатовых деревьев и различных вечнозелёных кустарников.

Ирод Антипа возражал против этой поездки, но его жена настаивала. Она устала, двор скучен, Тибериада ей надоела; к тому же, в сельском уединении она сможет заняться гаданьями и посоветоваться с несколькими мудрыми женщинами.

— Мне обещали достать одну аравитянку, которая занимается *скапулимантией*, — сказала Иродиада. — Она сама из Медины и в наших земле ей нет равных.

Скапулимантией эллины называли гаданье по лопаточной кости и, наравне с арабами, считали его самым точным и надёжным из всех гаданий.

Тетрарх был согласен, что настала пора в очередной раз заглянуть в будущее. Он отличался суеверием, и его мучили упорные утверждения галилеян, что Иоханан Пророк своими глазами видел Мессию.

Ирод Антипа попросил Иродиаду передвигаться осторожно и там, в горах, тщательно следить за охраной. Зная, что основная ненависть галилеян обращена на его жену, а не на него самого, Антипа усилил эскорт царицы.

¹По нумерации «тетрадной» редакции романа — XIII. Далее везде применена сквозная нумерация глав (прим. публ.)

Прибыв в свою загородную резиденцию к ночи, Иродиада выставила караулы, приняла ванну и только после этого приказала ввести аравитянку.

Доверенный евнух, разгоняя любопытных невольников, провёл по коридорам высокую женщину в обычной арабской одежде, в длинном покрывале, закрывавшем голову и часть лица; только два огненных глаза мудрой женщины сверкали временами, бросая вокруг осторожные взгляды.

Когда аравитянка осталась наедине с Иродиадой (и её глухонемой нубийской рабыней), царица жестом приказала госте снять покрывало.

Аравитянка повиновалась.

Тогда из-под грубого арабского платка явилось лицо двадцатипятилетнего херувима с первыми тонкими усиками, свежими щеками и алыми губами, созданными для поцелуев.

— Ты действительно красив, внук Иссахара! — сказала царица.

Иуда Иссахариот пал ниц перед царицей, слово ослеплённый её величием и красотой.

Она предстала перед молодым лазутчиком во всём блеске позднего сладострастия, убранная пышно и в то же время фамильярно, умащённая тончайшими благовониями и вся увешанная драгоценностями.

— Встань! — приказала она. — Выполнил ли ты наше поручение?

И он ответил, что выполнил, и дал ей полный отчёт.

Зима с её ветрами и ливнями противодействовала сборищам в Еноне, Иоханан располагает небольшим числом людей, и число это уменьшается. Через полмесяца начнутся работы в садах и виноградниках, и эти работы будут требовать всё больше рук. Многим «купальщикам» стало казаться, что в этом году Мессия не явится. Очень скоро — дней через десять — наступит самое удобное время для ареста Иоханана.

Следовало бы сделать это по возможности быстрее, лучше всего при помощи конного набега на Енон, и если это возможно, то пусть среди этой конницы хотя бы половину составят римляне. Нужно окружить лагерь в Еноне и сразу наброситься на чёрный шатер Иоханана. Узнать его очень легко. . .

— Какое время дня лучше подходит для этого?

— Раннее утро, до завтрака, — последовал мгновенный и уверенный ответ.

Иродиада молчала, разглядывая гладкое лицо лазутчика. Да, он не только красив, ещё ловок и умён. Такие люди должны восседать на тронах или, по меньшей мере, делить ложе с царицами.

— Ты сделал большое дело, Иуда, — сказала она. — Награду свою ты получишь от Эвбула Финикийца. Но прежде, чем он отвесит тебе заслуженное серебро, я хочу сама наградить тебя — иной наградой. Подожди здесь.

Она встала и ушла с рабыней в свою опочивальню. Иуда Иссахариот остался. Прислонясь к колонне, он гадал, что за награду вынесет ему царица: золото, алмазы или рубины? Может быть, одарит богатой одеждой?

Снова послышались твёрдые шаги.

Нет, это была не царица.

Чёрная рабыня вернулась одна и поманила рукой Иуду. Сбитый с толку, он последовал за ней.

В полумраке опочивальни светился один ночник и тлели курильницы, напоившие воздух густым и сладким ароматом. Здесь было жарко и трудно дышать.

За полуоткрытой завесой ложа Иуда увидел обнажённый торс царицы, её роскошные плечи, её понурые груди и круглую шею, обременённую ожерельями. Иродиада смотрела на юношу расширившимися зрачками.

— Приди и ляг со мною! — повелела она.

Нубийская рабыня быстро и ловко раздела Иуду, подтолкнула его к ложу, ободряюще оскалила зубы.

Тусклая красота Иродиады, вдвое старшей, чем Иуда, не волновала его; однако он принадлежал к числу тех молодых людей, плоть которых повинуетя их честолюбию.

Его возбуждало сверхзапретное. Он знал, что рискует очень многим: может быть, жизнью. И вождение его подчинялось славе и риску.

Объятия его оказались жаркими и мощными.

Спустя четыре часа, усталая и довольная, Иродиада отпустила его.

Она потребовала вина, охлаждённого снегом, и долго пила, пока не утолила жажду.

Тело её слегка побаливало от усталости, но тёплое блаженство, баюкавшее её, не сразу нагнало на неё сон. Иродиада долго ворочалась на своём ложе.

На другой день она послала срочное письмо к Антипе с указаниями для ареста Иоханана, а другое письмо — своей дочери Саломее.

Х

На берегах Геннисаретского озера, иначе Галилейского моря (длиною в 31 километр, шириною в 8), с недавних пор именуемого Тибериадским озером, во множестве произрастают финиковые пальмы и плодовые деревья. Озеро богато рыбой, окрестные жители занимаются рыбной ловлей. Через Геннисаретское озеро протекает Иордан.

На берегах озера располагалось несколько больших и малых городов. На северном берегу озера находился город Капернаум; он стоял на большой караванной дороге из Газы в Дамаск.

Расставшись с Мардовием Вавилонянином, Йешуа Назорей гостил в Кане Галилейской, где снискал большую известность среди жителей. Небольшая группа учеников окружала его и ловила каждое его слово: Иоханан Ессей, любимец Учителя, и брат его Иаков, к которым пришла их мать Саломея, почтенная вдова Заведея, разделявшая преклонение её сыновей перед Назореем; братья Андрей Рыбак и Симон Зелот, прозванный Петром; странник Фома, мытарь (публикан) Матфей, Варфоломей и ещё несколько молодых людей. Кро-

ме того, слава о чудесных исцелениях магнетически притягивала к Назорею всякого рода нищий люд, которым всегда была полна Палестина: слепых, хромых, увечных... Нескольким человекам он помог, одного или двух исцелил, остальных просто кормил, и нищие, составлявшие, как всегда и везде, особое братство отверженных и презренных, ещё далее разносили многократно умноженную славу о чудесах, которые творил Йешуа Назорей.

Порядочные люди с отвращением смотрели, как человек, знающий Закон и пророков, сведущий в искусстве врачевания и слывущий мудрым, возится с таким грязным сбродом. Иные даже говорили об этом Назорею, порицая его за столь низкие связи и знакомства.

Но упрямец отвечал чудовищными парадоксами, ставя этот сброд и этих колченогих шакалов, вечные отбросы Палестины, превыше благородных, превыше знатных, превыше тех, дома коих цвели благодатью Божией.

В конце зимы под охраной нескольких друзей и родственников, в Кану к Йешуа приехала его мать Мариам, женщина необыкновенная.

Маленького роста и нежного сложения, она сохранила на всю жизнь горячий и наивный блеск глаз — чёрных еврейских глаз, подобных тем, которые испокон веков сводили с ума чужеземных властителей. Видно было, что в молодости эта женщина блистала замечательной красотой. Сейчас ей было сорок семь или сорок шесть лет, в волосах её сверкала седина, но вдова Иосифа Плотника и на пороге последнего женского века поражала своею нежностью и миловидностью.

И при такой миловидной нежности Мариам отличалась могучим, несокрушимым сердцем, и её всегда переполняла любовь, не ведающая усталости. *Терпеливая любовь.*

Не только любовь к людям, но и любовь к овцам, коровам, ослам, особенно же любовь к ягнятам, телятам, ослатам, верблюжатам, любовь к птицам, любовь к мотылькам, даже к цветам, деревьям, травам; короче, то была любовь ко всему, что рождается, растёт и умирает.

На первый взгляд, Мариам и её сын Йешуа Назорей ни в чём не были похожи друг на друга.

При втором взгляде можно было заметить, что глаза Йешуа похожи на глаза его матери. И руки его были похожи на руки матери.

Наконец, услышав их речи между собой, поняв эту встречу требовательной любви Мариам и суровой нежности её сына, зоркий наблюдатель мог бы прийти к выводу: всё жизненное поведение Йешуа Назорея, его нрав, его душа — всё в нём происходило от этой хрупкой и негибавшей женщины, которая в сорок шесть лет оставалась такою же девочкой, как и тогда, когда седой Иосиф впервые услышал её песню и остановился на дороге...

Приехав в Кану и сразу же найдя дом Симона Зелота, где жил Йешуа, Мариам обняла сына, вышедшего ей навстречу, и после первых же приветствий сказала:

— Я привезла тебе побитого человека.

Йешуа повернул голову и увидел, как его двоюродные братья снимают с осла огромного рослого человека в окровавленных лохмотьях; голова человека, обмотанная грязной тряпкой, болталась из стороны в сторону.

— Где ты нашла его, матушка?

— Он лежал без памяти на дороге, лицом к Кане Галилейской.

— Внесите его в дом, братья мои! — крикнул Йешуа.

Симон Зелот подошёл к нему, и пепельное лицо его сразу поразило всех присутствующих. Он стучал зубами и озирался.

— Что с тобою, Пётр? — спросил Назорей.

— Йешуа, я узнал его, — дрожащим голосом сказал Симон Пётр и проглотил слюну. — И ты тоже знал его ранее. Это араб, один из близких людей пророка Иоханана Предтечи.

Тень скорби омрачила лицо Назорея.

— Ты прав, — сказал он, взглянув на раненого, которого как раз вносили в дом. — Вели скорее принести чистой воды, я обмою его раны. Матушка, ты привезла те травы и корни, о которых я просил?

— Да, сын мой, вот мешок с этими зельями.

Мать и сын вошли в дом. На мгновение придя в сознание, араб стонал и бредил, когда с него срезали его лохмотья.

Йешуа обмыл его раны, смазал их своим желтовато-зелёным зельем и велел своим ученикам влить в рот раненому несколько капель пальмового вина. Араб поперхнулся и судорожно проглотил вино. Глаза его открылись вновь.

Он лежал нагой в тесной комнатке бедного еврейского дома, над ним склонялось заботливо-суровое лицо врачевателя, у дверей жались незнакомые люди.

— Мир тебе, хаким! — прохрипел араб.

Он узнал гостя своего пророка.

— И тебе мир, брат мой!

— Я шёл к тебе, — шепнул араб.

— Ты пришёл, — ответил Йешуа. — Где Иоханан?

— Наби в руках злых. Шейх Антипа взял его.

Стон ужаса вырвался из уст всех присутствующих.

— А где же твой народ? — спросил Йешуа.

— Мои братья ушли в пустыню за три дня до этого. . .

Араб еле-еле говорил.

— Мы не чужали беды. . . Наби тужил, но ничего не сказал нам. . . Мы не знали. . .

Йешуа положил руку ему на голову:

— Отдыхай, сын пустыни. Ты среди друзей.

Он вышел из дома.

— Пусть никто не беспокоит его, — сказал он. — Одному человеку надо сидеть рядом с ним и давать ему пить.

— Он будет жить? — спросила Мариам.

— Если на то будет воля Бога, — ответил ей сын. — Кости целы, только сломаны три ребра, и он потерял много крови. Сейчас ему нужен покой.

Йешуа повернулся к своим ученикам:

— Андрей и Фома, ступайте в Тибериаду. Нужно узнать, где Иоханан и какова его судьба. Из Тибериады не возвращайтесь сюда, в Кану. Ступайте в Капернаум, я буду там.

В тот же день Назорей со своей матерью и со всеми своими людьми, кроме Андрея и Фомы, оставил Кану Галилейскую и переселился на берег Геннисаретского озера, в город Капернаум. Больного араба он оставил в Кане до исцеления.

В Капернауме Учителя отыскивали Андрей и Фома по возвращении из Тибериады. Они лишь подтвердили то, о чём уже шумела вся Галилея: пророк был схвачен людьми тетрарха.

— Где он сейчас?

— В Махероне, о Учитель.

Махерон (то есть Меч) — так называлась неприступная крепость, поставленная, подобно стражнику, у самых границ Аравийской пустыни ради предупреждения набегов арабов-кочевников. Сильный гарнизон Махерона, его грозные стены и башни делали нереальной всякую мысль о том, чтобы вызволить пророка из узилища.

«Иоханан Предтеча схвачен! Иоханан в Махероне!» — разнеслось по всей Галилее и даже за её пределы.

Специальный конный отряд, посланный из Тибериады, захватил Иоханана на Иордане благодаря неожиданному нападению. Сторонники пророка, его «купальщики», остались зимой при нём в малом числе, около тысячи; после короткой, хотя отчаянной схватки тибериадский отряд рассеял людей пророка и взял его самого. На месте разорённого лагеря осталось до двухсот трупов; нападающие потеряли не более тридцати человек.

Сирийский легат Вителий, секретно предупреждённый об этой важной операции и давший на неё согласие, выделил в помощь войскам тетрарха галилейского три центурии римских воинов, что считалось очень значительной силой.

Вся Галилея кипела, но разрозненные волнения укрощались силой оружия; к тому же известие об аресте пророка распространилось как раз перед началом пахоты, и земледельцы не бросили сохи.

Ненависть к режиму и к Идумейской династии повысилась ещё на несколько градусов, но глашатай этой ненависти томился в подземелье Махерона; не слышно стало голоса пророка, и владыкам Тибериады казалось, что в Галилее стало спокойнее. Так они уподобились неразумной птице пустыни, которая при нападении охотников прячет голову в песок и, не видя врагов своих, полагает себя в безопасности. На самом деле, их положение стало ещё более шатким: Вителий имел свои каналы информации и знал, как бурлит Галилея. Крупное восстание могло бы привлечь внимание Рима и повредить карьере самого Вителия. Поэтому он серьёзно обдумывал вопрос о смене власти в Тибериаде.

Араб, бежавший из Енона к Йешуа, выздоровел и тоже пришёл в Капернаум. Он застал в окружении Назорея нескольких своих друзей из людей Иоханана.

Йешуа как бы становился естественным продолжателем дела Предтечи. На нём лежал отблеск славы Иоханана. Кроме того, его уже окружала и собственная слава. Число его сторонников росло; появлялись новые люди.

В один весенний день очередной иудейский фанатик, приставший к молодому братству, корчась и пуская пену изо рта, объявил, что Йешуа Назорей — это и есть сам Иоханан Креститель, Предтеча Мессии, а в Махероне сидит другой.

Йешуа отвернулся от безумца. Все эти слухи вызывали в нём только досаду. Но слухи расходились, как от камня, брошенного в воду.

Гигант-араб из людей Иоханана пришёл к Учителю мрачнее тучи.

— Иса Аль-Хаким! — сказал он. — Мне тяжело жить среди ваших гор без моего пророка. Отпусти меня к братьям моим.

— Ступай с миром, сын пустыни, — ответил опечаленный Йешуа.

И араб ушёл к своему народу. Он поведал братьям, что сам Иса Аль Хаким мудр и велик, однако его окружают безумцы.

По сей день в океане ислама живёт арабское племя мандеев, для которых величайшим пророком Господа остался Яхья Аль Наби, Иоханан, сын Захарии; того же, кого ныне зовут во всём мире Иисусом Христом, мандеи считают самозванцем.

Но Иисус Христос — вернее, Йешуа Машиах — сам никогда не называл себя «Машиахом», Мессией. Он ни разу не заявил, что происходит от царя Давида, как это заявляли многие самозванцы Иудеи и Галилеи.

Подобное самозванство было совершенно в обычае эпохи: политическая формула, некий пропагандистский приём — не более.

Йешуа Назорей всегда называл себя сыном Иосифа Плотника. Но уже в деревнях Галилеи старики, роясь в вековых записях, выискивали предков Иосифа и возводили его родословную к царю Давиду.

Ведь Йешуа родился в Вифлееме Давидовом и жил в Египте. Недаром сказано пророком Осией: «От Египта возвах сына моего».

Составленные уже сто лет назад и беспрестанно обновлявшиеся сводки пророчеств о приходе Мессии переписывались и ходили по рукам. Книжные люди вслух читали их толпам, и любой пастух знал наизусть пророков Израиля, предсказавших Мессию.

Вся их жизнь состояла в ожидании Мессии. Что мог поделать Йешуа против пламенной веры целого народа, искавшей свой предмет?

Он называл себя целителем, терапевтом, но ему не верили. От него ждали большего. Каждое слово его толковалось символически, каждая удачная хирургическая операция или исцеление душевнобольного провозглашались чудом.

Под давлением народного волнения он сделал решительный шаг. Вскоре после ареста Иоханана он начал открытую проповедь своего учения — того самого, которое отчасти изложил Иоханану и отчасти Мардухаю из Вавилона.

И как раз в ту весну к Йешуа прибыл удивительный гонец. В Капернаум приехал связной от Иоханана.

Влияние пророка было так сильно, что даже охранники Махерона (из числа евреев) помогали ему тайно сноситься с внешним миром.

Гонец попросил у Назорея принять его без свидетелей.

— Иоханан шлёт тебе свою любовь, Йешуа, сын Иосифа.

Йешуа с почтением принял приветствие пророка.

— Иоханан спрашивает у тебя, о Йешуа: «Ты ли Тот, который должен прийти, или ожидать нам другого?»

— В третий раз! — прошептал Йешуа, погружаясь в задумчивость. — Господь не дал ему понять. . .

Он думал долго и не дал пророку никакого ответа. *Ответа быть не могло.*

Связной из Махерона остался в Капернауме, среди людей Йешуа Назорея. Этот красивый молодой иудей с огненными глазами, тонкими усиками и первой бородкой (звали его Иуда, обычное и распространённое имя), обладал врождённым даром располагать к себе сердца людей. Он всем нравился своим умом и весёлым нравом.

Один лишь Иоханан Ессей (кстати, тоже красавец) питал к Иуде глухую ненависть. И потомок Иссахара чувствовал это.

XI.

И снова было тревожно в Тибериадском дворце.

Тетрарх поддерживал постоянную переписку с Иерусалимом и Антиохией. Он знал о каких-то необоснованных сомнениях Виттеля, о затруднениях префекта Понтия с самаритянами. В самой Тибериаде не было ничего утешительного. По ночам на стенах домов появлялись надписи, позорящие особу царицы Иродиады. Была совершена попытка отравления Эмбула Финикийца: он отделался сильным несварением желудка и казнил своего повара. Скорее всего, повар был невиновен. Может быть, и яда никакого не было, Эмбул — известный обжора. . .

Царствующая чета регулярно получала сведения из Махерона. Иоханан держался неукротимо в своём каменном мешке, и стража боялась его. Силы его не убывали: то ли, вопреки личному приказу тетрарха, его кормили лучше, чем он того заслуживал, то ли он и в самом деле привык обходиться почти без пищи. Тетрарха мучили сомнения и страхи.

Уже наступила весна, в этом суровом краю особенно чудесная. И в один из первых дней весны в Тибериаду пришёл Иуда, потомок Иссахара, посланный из Капернаума таинственным ессеем Йешуа с поручением к одному из тибериадских друзей.

Недели не прожил Иуда в Капернауме, а ему уже доверялись секретные поручения. То, что он принёс привет из Махерона, служило наилучшей рекомендацией Иуде.

Он быстро выполнил поручение Учителя, но, прежде чем оставить Тибериаду, повидался с женщиной.

Он провёл ночь в загородной резиденции близ Тибериады, на ложе царицы.

Иродиада всерьёз влюбилась в молодого лазутчика. Она позволила себе увлечься тою жгучею страстью, которую всегда вызывают юнцы у много испытавших женщин.

— Мой возлюбленный, мой Адонис! — шептала она, мешая арамейский язык с греческим койнэ. — Как сильны твои объятия, как горячи поцелуи!

Раздуваясь от гордости, Иссахариот гладил её тяжёлую грудь, её пышные бока со складками, покрывавшими друг друга. На её смуглом идумейском лице словно горел пожар; тело её, набелённое и покрашенное, источало обильный пот, и острый запах его смешивался с ароматами нарда и мирры. Они вместе пили вино и перемежали поцелуи обсуждением предстоящих интриг.

Под утро они выработали план новой операции.

— Ты выведешь Йешуа и его людей на караванную дорогу из Газы в дамаск; в сорока стадиях от Капернаума к югу есть развалины крепости, которую разрушил ещё Навуходносор. Заведи их поближе к этим развалинам. Там будут ждать сорок воинов.

— Как мне выманить Назорея из Капернаума?

— Я снесусь с моими родственниками в Иерусалиме, дабы Йешуа Назорей получил приглашение от тамошних мудрецов приехать для прения о вере. Но он никогда не доедет до Иерусалима. Он исчезнет вместе с людьми его.

— Он исчезнет тайно?

— Он пропадёт, как песчинка в пустыне, и след его затеряется. Хватит нам хлопот с Лже-Илиёй. Пусть Галилея забудет врачевателя, оживляющего мёртвых. О времени мы сговоримся позже.

— Да будет так, царица.

— Не называй меня царицей, — шепнула она.

— Слушаюсь и повинуюсь, моя Астарта, — ответил Иуда Иссахариот, целуя Иродиаду.

Воспламенённая нежностью его голоса, она опрокинула его навзничь и села на него верхом. Гора сладкого смрадного тела, оплывающего белилами и румянами, возвысилась над юношей, и они вступили в последнюю любовную схватку.

Уже занималась розовая весенняя заря, когда Иуда, вновь переодетый аравитянкой, покинул виллу Иродиады.

В укромном месте он сбросил женский наряд и надел свою обычную одежду, а затем неторопливо отправился в сторону Капернаума. Утро было прекрасно, жизнь улыбалась Иуде.

Прежде, чем он вышел на дорогу к Капернауму, ему повстречался пышный кортеж: вооружённые люди сопровождали изящный паланкин, который несли огромные, неутомимые рабы — лектикарии. Кортёж направлялся к вилле Иродиады.

Когда разукрашенные золотом носилки проплывали мимо Иуды, пурпурная занавеска на миг отодвинулась.

Её приподняла маленькая белая ручка, охваченная в запястье золотым браслетом с зелёными драгоценными камнями, которые называются «кошачий глаз».

Иуда увидел внутри паланкина сонное полудетское личико с пухлыми губами, обрамлённое чёрными кудрями. Его поразила не только изумительная, весенняя прелесть этой девочки, но и то, что в лице её он заметил что-то знакомое.

Вдруг на прелестном личике распахнулись два глаза и ударили Иуду в сердце. У сонной девочки оказались глаза молодой тигрицы.

И он понял, что ему показалось знакомо в этом лице: девушка была похожа на Иродиаду.

Так вот она какова, царевна Саломея!

Почему она пустилась в путь на ранней заре?

Занавеска паланкина упала; воин, ехавший верхом на муле, ударил засмотревшегося Иуду древком своего копья.

Иуда закрыл голову руками и кинулся прочь.

Несмотря на боль и страх, он усмехался. Если бы этот дурень в медной каске знал, откуда идёт ранний путник, которого он отогнал подальше от глаз царевны!

Но почему Иродиада так срочно вызвала свою дочь?

Он вспомнил, что ночью царица сердилась на Ирода Антипу, упрекая его в робости перед пленным Иохананом. Он вспомнил и то, что родственники Иродиады съезжаются в гости к тетрарху галилейскому.

По-видимому, ожидалось какие-то важные решения. Но какие?

Теряясь в догадках, Иуда шёл в Капернаум и вспоминал сонное личико в паланкине, красоту маленькой руки и зелёный отлив камней её золотого браслета.

В Капернауме он рассказал Учителю о выполненном поручении и о том, что Иродиада вызвала к себе дочь свою Саломею, с которой состоит в переписке.

Эвбула Финикийца пытались отравить, и он распял повара. Римляне больше не ходят по Тибериаде менее, чем всемером. На рынках передают вести от Иоханана. Узник подтверждает, что час уже близок, что Мессия скоро явится, *что он, быть может, уже пришёл.*

Через неделю стало известно, что тетрарх Ирод Антипа с женою и двором отправился в поездку с целью инспекции пограничных крепостей. С ним едут гости; его сопровождает войско.

ХII.

Наступила весна; воркованье голубей будило по утрам маленький захолустный Капернаум. На скамье у дверей низкого дома, в редкой ещё тени старой смоковницы, сидел Йешуа, сын Иосифа. Два маленьких мальчика устроились у него на коленях, два других прилепились к нему по сторонам; Йешуа рассказывал им сказки и напевал шутливые песни. Несколько нищих, сидя поодаль, не сводили с него глаз. Женщины, проходя с кувшинами за водой, с почтением приветствовали Назорея.

Звон бубенцов раздался на улице; всадник на муле ехал со стороны городских ворот и расспрашивал, где живёт Йешуа Назорей. Всаднику тотчас указали на низкий дом и скамью у ворот, где дети, с пальцами в устах, упивались сказкой красивого человека с чёрной бородой и длинными волосами.

Удивлённый всадник сошёл с мула и неспешно приблизился. Йешуа, окончив сказку, ссадил мальчиков с колен и поднялся навстречу незнакомцу. Тот отвесил низкий поклон.

— Мир тебе, мудрый человек.

— И тебе мир, странник. Будь моим гостем.

— Увы, мудрец, я прибыл к тебе только гонцом, и мне велено скорее возвращаться обратно.

— Тогда скажи, в чём твоё послание.

— Я приехал по просьбе моего брата, он живёт в Магдале. Брат мой богат и знатен, а в доме его живёт женщина, которую он любит, как свою собственную душу. Полгода назад эта женщина начала грустить и плакать, а с недавних пор впала в буйство и сделалась словно бы помешанной. Мы боимся, это в неё вселились бесы... Если бы ты, о Назорей, сумел изгнать из неё бесов, то — мой брат человек богатый — мы могли бы...

Йешуа сделал ласково-небрежный жест, и вестник в смущении умолк и опустил голову.

— Зачем ты сулишь мне награду, человек из Магдалы? И почему вы с братом не привезли одержимую сразу ко мне? Ты что-то скрываешь от меня...

— Это правда, господин мой! — смущённо проговорил вестник. — Больная женщина прежде жила в Иерусалиме, где не блюла своей чистоты, и оттуда ей пришлось бежать на родину, в Галилею, потому что её обвинили в богохульстве. Ты человек святой жизни, а мы...

— Кто обвинил её?

— Молодой и богатый купец из колена Вениамина, известный своею склонностью к вину и веселью. Он домогался её любви, она же прогнала его.

— Значит, эта женщина не была так уж дурна. Как её имя?

— Мариам.

— Привезите её завтра после полудня.

Они распрощались, и вестник, напоив мула, тихим шагом отправился обратно в Магдалу — один из городов на берегах Геннисаретского озера.

Йешуа в задумчивости вошёл в дом. Женщины готовили обед, пахло кухонным чадом; ученики Назорея, собравшись на крыше дома, спорили о вере и размахивали руками. Только

молодой ессей Иоханан не принимал участия в прении: вертя в руке цветок, он другою рукой развёртывал какой-то дряхлый свиток. Ничто вокруг — ни птичий грай, ни крики его сотоварищей — не мешало Иоханану читать книгу. Он умел среди мира замыкаться от мира.

Симон-Пётр, сверкая глазами, наступал на Иуду: он цитировал Предтечу и настаивал на близости великих потрясений. Красавец Иссахариот с тонкой скептической улыбкой на губах опровергал все запальчивые тезисы Зелота и ловко играл изящными аргументами. Остальные разделились за Симона и за Иуду.

Йешуа, человек дела, не любил подобных споров.

На следующее утро после полудня небольшой караван прибыл в Капернаум и остановился перед домом Йешуа. Молодой человек в богатой одежде, преждевременно располневший и очень печальный, сошёл с мула и почтительно приветствовал Назорея.

— Меня зовут Товия, сын Исаака, — сказал он, — и я привёз к тебе несчастную Мариам. Я знаю, ты не хочешь брать денег за лечение, но я привёз для тебя и твоих учеников немножко мяса, хлеба и фиников. Прими их в дар, святой человек.

Простота богача понравилась Назорею. По его знаку ученики помогли невольникам Товии разгрузить ослов; половину даров Йешуа приказал тотчас отдать беднякам Капернаума. Между тем, брат Товии высадил из закрытых носилок молодую женщину с бледным лицом, которая мигала и щурилась от солнца. Сам Товия, сын Исаака, стоял в стороне, спиной к женщине, и на лице его Йешуа явственно читал сокрушение.

— Введите её в дом! — сказал Йешуа.

При звуках его голоса женщина дёрнулась и подняла голову, но тотчас брат Товии и трое невольников схватили её и силою повлекли её в дом; задрав голову и по-собачьи оскалив зубы, она вдруг завизжала и пронзительно *залаяла*.

— Я вижу, Товия, твой вид несносен ей, и ты стараешься не попадаться ей на глаза, — заметил Йешуа.

— Да, это правда, — печально ответил Товия. — Сможешь ли ты исцелить её?

— Смогу, — ответил Йешуа, — но она не вернётся к тебе.

— Почему же? Ведь я так люблю её.

— Потому что её болезнь — одной природы с твоею любовью.

На глазах Товии показались слёзы, но он сдержал их.

— Я чувствую, что ты говоришь правду, мудрец, — прошептал он.

— Её мучат бесы злой любви. Я изгоню их, но она, будучи здоровой сама не захочет к тебе вернуться.

— Ты сделаешь её своею наложницей?

Йешуа медленно улыбнулся.

— Неужели ты думаешь, что у меня нет иных дел, кроме любовных утех с женщинами? — с бесконечным терпением спросил он.

— Прости меня, добрый Назорей, я сказал не подумав.

Товия провёл пухлой ладонью по своему доброму, капризному лицу и со вздохом решил: — Изгони из неё бесов, и пусть будет, что будет.

— Ты добр, Товия, — сказал Йешуа, — но всё же надеешься, что по исцелении она возвратится к тебе.

Маленькие глазки Товии испуганно уставились на Йешуа. Товия покраснел и ничего не ответил. Он впервые почувствовал на себе удивительную силу человека, читающего мысли других людей.

Не сказав Товии ни слова больше, Йешуа повернулся и вошёл в дом, где слышались дикие крики женщины, одержимой бесами.

— Приготовьте мне кувшин холодной воды, женский гребень, чистый плат или два, — сказал он женщинам своего дома.

— Так, может быть, и зеркало? — спросила вдова Мариам, мать Назорея.

— Нет, зеркало не нужно, — ответил он матери. — Зеркало может напугать её и совсем свести с ума. Позаботьтесь о том, чтобы никто не приближался к комнате, пока я буду с бесноватой.

Он вошёл в комнату, где брат Товии и его невольники крепко держали бесноватую Мариам, которая билась и кричала в их руках.

Йешуа взял со стола горящий светильник и приблизился взглянуть на женщину. Она была одета с безумной яркостью, разукрашена массой дешёвых украшений, среди которых, однако, попадались и подлинные драгоценности. Зубы её были оскалены, глаза полужакрыты, пышные и густые волосы в беспорядке метались и вились вокруг лица, исцарапанного до крови ногтями.

Её волосы казались чёрными, но Йешуа различил в них красивый медный отлив: очень тёмные *рыжие* волосы.

— Где вода? — крикнул он.

От его крика бесноватая Мариам забилась ещё сильнее.

— Несу, сын мой, — ответила мать Назорея.

Она вошла с кувшином, а Саломея, мать Андрея и Симона, принесла гребень и полотенца.

— Несчастная женщина! — тихонько сказала вдова Иосифа, разглядывая бесноватую. — *Как она дурна!*

Мариам из Магдалы услышала этот полушёпот и жалобно завывла.

— Теперь ступайте все прочь, — сказал Йешуа. — Оставьте меня с этой женщиной и не мешайте мне. Пусть никто не входит и не заглядывает сюда.

Не без удивления приезжие из Магдалы выпустили свою большую и вышли вместе с Мариам Вдовой и Саломеей, вытирая пот со лбов и тихонько переговариваясь между собой.

Йешуа остался наедине с Мариам из Магдалы. Она покатила на пол и забилась в судорогах; крики, вой, лай непрерывно изливались из её уст. Вдруг Йешуа схватил кувшин с водой и до половины выплеснул его в лицо Мариам.

Тотчас наступила тишина. Женщина медленно уселась на полу, тряся мокрыми волосами и ошеломлённо глядя на Йешуа.

— *Какой красавец!* — хрипло сказала она, словно впервые увидела его. — *Откуда ты пришёл?*

Её жуткий белый оскал на потемневшем, расцарапанном лице превратился в плутоватую усмешку, не лишённую даже приятности. Весьма спокойно подняв руки, она взялась за своё платье, резко разорвала его и оголилась до пояса. Тело её, несмотря на болезненную худобу, всё ещё поражало правильностью пропорций, грудь была крепкая, совершенно девичья, с тёмными и мохнатыми сосками.

Йешуа взял полотенце и стал крепко вытирать её волосы. Он не глядел на неё и, казалось, думал о чём-то своём. Ошеломлённая женщина сидела тихо; она закрыла глаза и словно дремала.

— Ай! — вскрикнула вдруг она. — Ты делаешь мне больно!

Голос её звучал по-прежнему хрипло, но удивительно тоненько и звонко, словно голос маленькой девочки.

— Нужно вытереть волосы насухо, дочь моя, — спокойно ответил Йешуа, глядя по-прежнему поверх её головы и повторяя свои мерные движения.

Опять наступило молчание, затем Мариам открыла глаза:

— Они уже сухие.

Йешуа отложил плат и дал ей в руки гребень:

— Причеси свои волосы, дочь моя.

Она принялась расчёсывать волосы, старательно и неумело, как малое дитя. Гребень застревал в её роскошных, но дико запутанных космах. Вдруг она капризно пролепетала:

— Не хочу чесать волосики, пусть меня причешет матушка.

— Ты же знаешь, — строго ответил Йешуа, — что матушка ушла в сад и вернётся только к вечеру.

Обиженно сопя, Мариам продолжала причёсываться. Постепенно движения её замедлялись, она словно дремала. . . Йешуа сел на скамью Мариам, уронив гребень и откинув голову, мутно посмотрела на него из-под влажных полуопущенных ресниц.

— Отец, — сказала она, — возьми меня на колени.

Он важно протянул к ней руки, принял и усадил на колени. Мариам съёжилась, стараясь занять как можно меньше места, обвила рукой его шею, а другой рукой взяла его за бороду и стала перебирать её вялыми пальцами.

Тихим, низким голосом он запел колыбельную песенку. Сонно улыбаясь, женщина потёрлась грудью о его грудь. *Она просто почесалась* : оба не замечали её наготы. И как только она это сделала, соски её совсем увяли, возбуждение полностью оставило её.

— Ты не сердись на меня, отец? — пробормотала она.

— Нет, дитя моё, — легко и безразлично ответил он. — А за что мне на тебя сердиться?

— *Я не помню*, — ответила она слабым шёпотом.

Йешуа продолжал напевать, но всё тише и тише. Потом посмотрел ей в лицо и умолк. Мариам крепко спала.

Осторожно подняв её на руки, он вынес её в соседнюю комнату, которая служила спальней для женщин. Обе вдовы, Мариам и Саломея, вскочили при его появлении. Движением бровей он приказал им молчать.

Втроем они уложили спящую на мягко застланное ложе, накрыли её и отошли на цыпочках.

— Она будет спать долго, — прошептал Йешуа на ухо матери. — Поставьте в изголовье её цветов в кувшине с водой, лучше всего лилий. Когда проснётся, ни о чём её не спрашивайте и займите не слишком тяжёлой работой.

— Что ты с нею сделал, сын мой?

— Я вернул её обратно в детство, когда она не знала греха.

— Зачем?

— Грех и стыд — причина её болезни. Я думаю, этот добрый толстяк Товия из Магдалы поил её вином с шафраном, которое горячит кровь, и она предавалась ему без любви. В ней поссорились тело и душа.

— Так значит, она — дитя? — спросила Мариам, вдова Плотника.

— Да, матушка, она дитя, но это скоро пройдёт. Однако она сохранит навсегда отвращение к греху и лжи.

— Ты изгнал бесов?

— Изгнал, матушка. С нею это оказалось легче. . .

Мариам снова подошла к ложу, на котором покоилась её соименница. На лице спящей застыла удивлённая улыбка, ровные дуги бровей высоко поднялись. Она дышала тихо и ровно.

— *Как она хороша!* — шепнула Мариам.

Йешуа Назорей вышел из дому. Товия и его брат, сидевшие в тени старой смоковницы, тотчас вскочили на ноги.

— Она спит, — сказала им Йешуа.

— Спит? — поразился Товий. — Она не спала семь дней.

— Она спит и будет спать долго. Хотите взглянуть на неё? Обещайте не говорить ни слова.

Он ввёл их в покой, где безмятежно спала Мариам Бесноватая. При виде её улыбающегося и уже порозовевшего лица Товия в немом изумлении воздел руки. Мать Йешуа без церемоний прогнала мужчин.

— Это чудо! — воскликнул Товий, оказавшись на улице. — Она свежа и чиста, как семилетний ребёнок!

— Запомни, добрый человек, ты видел её в последний раз! — сказал Йешуа. — Не пытайся встретиться с нею вновь, ибо если бесы снова овладеют ею, она убьёт тебя. Отыди с миром, и Господь воздаст тебе.

— Так я и сделаю, — отвечал Товий.

Люди из Магдалы с видом глубочайшего почтения простились и уехали домой.

Йешуа сказал матери:

— Я чуть не забыл ещё одно: нельзя, чтобы она проснулась в темноте. Пусть в спальне всегда горит светильник. Ей нельзя пугаться. Я оставлю её на твоё попечение.

— Ты уходишь?

— Мы пойдём по всей Галилее нести людям слово истины. Иоханан в Махероне: нужно или вызволить его, или заменить.

— Когда мне ждать тебя?

— Не тревожься, я пошлю тебе вести с дороги.

Он обернулся к подошедшему Симону:

— Где мой посох?

XIII.

И снова Йешуа со своими учениками обходил Галилею. Слава шла впереди него. У Галилеи нашёлся новый пророк.

И о нём тоже много спорили, как и об Иоханане, сидевшем в темнице Махерона. Иродиане и просвещённые городские жители, проводя время в цирке или термах, много спорили о новой народной знаменитости. Они сходились на том, что Йешуа Назорей — очень искусный врач, который напрасно вмешался в политику.

Народ видел в нём уже не просто врача, а чудотворца. Арабы, которых тогда много жило в Галилее, назвали Йешуа ещё одним пророком Божиим. Самые крайние zeloty, беглецы из Енона и фанатичные поклонники Иоханана Предтечи, клялись и божились, что Йешуа — это и есть Иоханан, а в Махероне сидит Эрмий, беглый воин из войска тетрарха галилейского; говорили, что во время внезапного захвата Енона Эрмий, спавший у порога чёрного шатра пророка, был ошибочно принят за него и схвачен, сам же пророк спасся: он-то и проповедует под именем Йешуа.

И совсем уже тихо, робко, неуверенно расползлся безумный слух, что Йешуа из Вифлеема — это и есть Мессия, предсказанный пророками. Над этим слухом посмеивались, а сторонников Йешуа Назорея он просто сердил. Многие уже знали Йешуа, многие ели и пили с ним, слушали его притчи и загадки: ну, какой же он Мессия? Это наш человек — простой галилеянин.

Эллины, тоже жившие в Галилее, держались нейтрально, осмеивали рассказы о воскресениях мёртвых и ставили под сомнение происхождение чудотворца именно из города Вифлеема; утверждали, что этот врач родился где-то в Галилее, что его отец был в том возрасте, когда уже боги не даруют детей, а мать была опасно хороша собой... Но эти фривольные намёки были возможны только между эллинами, да и то вполголоса: евреи

за такие слова могли и рёбра переломать, а то и свернуть шею (смотря на кого попадёшь). Даже продиане не смели произносить таких шуток.

А Йешуа обходил Галилею. В любом городе или селении для него и его учеников находилась кров, сыр, хлеб и финики. Более он ни в чём не нуждался. Денег у него никогда не было.

Утверждали, что он никогда не держит их в руках, не прикасается ни к золоту, ни к серебру. Это было выдумкой, он не боялся прикасаться к деньгам и не давал обета избегать золота. *Он просто не нуждался в деньгах.* Этот вечный гость всюду обходился малым, а потому и не знал ни в чём недостатка.

Однажды в горах Галилеи он и его спутники сбились с дороги и заночевали с пастухами. Ученики Назорея собрались у костра, Йешуа лёг чуть поодаль, глядя на звёзды. Ему почему-то вспомнился Мардохай Вавилонянин, этот странный мудрец, ставивший звёзды превыше Бога. Кажется, Йешуа посеял сомнения в душе забавного этого звездочёта. Затем он неожиданно подумал, что Симон Кананит томится и скучает: он любит опасность, ему не хватает тайны и риска. Нужно будет послать его в Иерусалим. . . С нежностью подумал об Иоханане, своём названом брате-есее: мальчик растёт, мужает, у него светлый ум. И с этими мыслями Йешуа уснул.

В ту ночь ему приснился удивительный сон.

Ему снилось, что он маленький ребёнок, младенец, едва начавший ходить; он ещё не умеет говорить, но всё видит и понимает. Он сидит под пальмой и играет в песочке, а мать его печёт лепёшки, хлопоча у очага под навесом. Отец ещё не построил дома, но в это время года сойдёт и навес. Небо наверху бледно-голубое, словно разморённое жарой, как человек; за Нилом виднеются пирамиды. Там Запад, там смерть, там зло.

А здесь хорошо, здесь тень от пальмы и мягкий песочек. Мать близко, уже пахнет горячими лепёшками, мать разжует лепёшку и даст ему, хотя он мог бы жевать и сам, у него уже растут зубки. Но пусть будет так, как хочет она, милая, добрая и родная.

Йешуа играет и видит, как идёт к воде девочка из селения с кувшином на голове. Эту девочку он знает, она добрее других язычниц, и вчера дала ему цветок. На шее у неё бусы, цветные камушки; девочка уже большая, её бедра шире плеч, а руки сильны и толще, чем у матери Йешуа. Сын деревенского писца часто останавливает эту девочку и подолгу разговаривает с ней, но она не любит его и потихоньку смеётся над ним с подругами, она любит Йешуа, хотя он - ребёнок пришельцев и обрезан по обычаю его веры. Она любит маленького Йешуа, потому что вчера она дала ему цветок.

Вот девочка раздевается, чтобы не замочить одежду, и входит в Нил набрать воды почище: у берега она слишком илистая.

Наполнив кувшин, она выносит его на берег и ставит под пальмой, до половины зарыв в песок. Йешуа смотрит, как вода течёт по её гладким бёдрам и смуглым ногам.

Девочка решает ещё раз зайти в Нил и искупаться.

И тут Йешуа видит, как в реке всплыли шаровидные глаза крокодила, старого убийцы, укравшего козу его матушки.

Йешуа бежит за девочкой и ловит её за ногу, чтобы остановить.

— Чего тебе, маленький еврей? — спрашивает она.

Он открывает рот, что-то кричит, указывает на реку и машет ручками.

— Нет-нет, не проси, — отвечает девочка, — я не возьму тебя купаться.

Он кричит ещё отчаяннее, но она не понимает его. Со смехом она входит в воду и плывёт.

Из Нила показывается длинное зеленоватое тело; девочка заметила его, в ужасе бросается к берегу. . . Она уже по пояс вышла из воды. . . Но старый убийца плывёт быстрее. Ударом всего тела он сбивает её с ног: Йешуа видит её открытый рот, её мелькающие руки и раскрывающуюся пасть крокодила. Он плачет взахлёб, и на его плач бежит испуганная мать.

— Что с тобою, свет моих очей? — спрашивает она на бегу.

Он показывает ей на реку и отвечает сквозь слёзы:

— *Злой старик поймал мою девочку.*

Мать закрывает ему глаза ладонью, но он успевает увидеть, как крокодил, уволокивая девочку, выедает у неё грудь.

— Иосиф, Иосиф, горе! — кричит мать

Отец спешит на зов, а с ним огромный и могучий человек в верблюжьем плаще, опоясанный толстым ремнём; он держит в руках крепкую заострённую палку.

Большой человек вбегает в воду, хватается крокодила, разрывает ему пасть и втыкает в глотку острую палку. Но девочка уже мертва, и человек выносит из Нила обезображенное тело.

— Иоханан, ты убил крокодила! — в ужасе говорит мать Йешуа.

И хор гневных, обвиняющих голосов вторит:

— Презренный еврей, ты убил крокодила!

Толпа язычников с мечами и копьями наступают на Иоханана. Он мог бы ответить им, что спасал их же девочку, но он не говорит ничего, только с глубоким презрением смотрит на них.

— *Еврей убил крокодила!* — кричат уже тысячи голосов.

И тут выходит сам фараон с боевой секирой, в золотой одежде. С ужасной злобой смотрит он на Иоханана.

Мать хватается Йешуа на руки, отец бросает лепёшки в свою суму, и они бегут, но Йешуа, глядя через плечо матери, видит, как фараон отрубает голову Иоханану.

— Мама, мама! Они убили его!

— Бежим, Иосиф, бежим! — кричит мать

Но уже ночь, уже поздно, мать сидит на осле и держит Йешуа; Она разжёвывает лепёшку и кладёт ему в рот. Иосиф, сидя впереди, спрашивает:

— Мариам, когда он начал говорить?

— Только сегодня — и сразу так чисто, понятно.

— Злой старик украл мою девочку, — бормочет Йешуа сквозь слёзы.

— Жалость научила его говорить, Иосиф.

Йешуа глотает мягкую жвачку и дремлет, покачиваясь в объятиях матери на спине осла. Он всё ещё видит зеленоватого крокодила с зубами, как ножи; фараона, блистающего золотом и с поднятой секирой в руках; красную от крови воду возле берега.

То была кровь девочки, хлеставшая из переоденной шеи, а с нею смешивалась кровь Иоханана, а голова его откатилась и упала на руку мёртвой девочки, а кровь его текла в Нил и смешивалась в Ниле с её кровью.

— Он уже спит, — говорит Мариам.

— Мы скоро придём, — отвечает Иосиф. — Я вижу дом моего брата.

И маленький Йешуа заснул.

А теперешний — проснулся.

Он поднял тяжёлую голову и затуманенным взором обвёл стадо, догорающий костёр, спящих на земле учеников и старого пастуха, который спал, опираясь на палку.

Йешуа с трудом поднялся, провёл ладонью по лицу и с изумлением обнаружил, что ресницы его влажны. Он лизнул свою ладонь — соль.

Неужели он плакал во сне?

Подойдя к пастуху, он тронул его за плечо. Тот сразу открыл чуткие глаза.

— Ты ничего не слышал, брат мой?

— Ничего, Йешуа. Только под горою кричали шакалы, будто радовались чему-то.

— А ты ничего не видел?

— Ничего, Йешуа. Только большая звезда упала час назад во-он в той стороне.

И пастух показал палкой на юго-восток.

Назорей поник головой и приблизился к спящим.

— Андрей! — позвал он.

Рыбак приподнял голову и опять уронил её.

— Пётр!

Зелот забормотал сквозь сон:

— Бегу, бегу, держитесь, отобьёмся. . .

И лицо его во сне приняло упрямое выражение.

— Иуда!

Красавец Иуда, единственный иудей среди всех этих галилеян, пошевелил головой и во сне поцеловал воздух.

— Иоханан!

Юноша-ессей медленно поднялся и сел, не открывая глаз.

— Варфоломей, Фома, Иаков! — крикнул Йешуа. — Вставайте все! У нас горе!

И когда они поднялись с бестолковыми восклицаниями и сбились к нему, как испуганные овцы к пастырю, Йешуа сказал:

— Час назад в Махероне убит пророк Божий.

Через три дня об этом узнала вся страна.

XIV.

Да, Иоханан Предтеча был казнён в Махероне.

После его пленения, получая отовсюду вести о сильном возбуждении народа, тетрарх долго колебался и не мог принять никакого решения. Иродиада, горевшая жаждой мести за все свои унижения, требовала головы Иоханана, но Антипа упрямился.

Жена была всё же сильнее его. Вместе со своей роднёй, *используя любые средства*, она оказала сильнейшее давление на Антипу.

В разгар пира, разгорячённый вином и возбуждённый пляской Саломеи, своей внучатой племянницы, Антипа сказал юной красавице:

— Проси у меня, чего желаешь

И прелестная отроковица, ещё тяжело дышавшая после пляски, горделиво пролепетала:

— *Голову Иоханана!*

И тетрарх волей-неволей сдержал своё слово. Голова Иоханана на серебряном блюде украсила стол пиршества.

Ужас охватил Галилею.

Народ облачился в траур и посыпал пеплом голову. Но не ударил гром с небес, не затряслась земля, и Бог сохранил опять своё таинственное молчание.

— Теперь я пойду в Иерусалим! — сказал Йешуа, сын Иосифа.

Час его наступил: он должен выполнить то, о чём говорил с Иохананом. Пора!

— Ещё рано, Учитель! — сказал Иуда Исахариот. — Время ещё не пришло.

И его поддержал Симон Пётр, который сохранил свои прежние связи с зелотами и знал о планах восстания в Галилее.

Этот кровавый ревнитель справедливости мечтал самолично отомстить за смерть Иоханана, вырвать сердце Ирода Антипы, отдать на съедение псам Иродиаду. А на престол Галилеи и Переи можно возвести Йешуа. И уж тогда — пойти войной на Иерусалим.

Йешуа размышлял. Он чувствовал, что он прав.

Вскоре после казни Иоханана он послал Иуду, самого ловкого из своих учеников, к Матфею-мытарю в Тибериаду.

Тетрарха и его жены не было в их столице. Однако Иуда отыскал знакомого внуха Иродиады и велел ему передать госпоже один вопрос:

— *Не время ли?*

Ответ нашёл его через месяц.

Йешуа со всеми своими учениками проходил через одно галилейское селение, в день рынка — четверг.

Друзья купили им снеди, сельские жёны принесли воды, и всё братство располагалось для трапезы на краю селения, когда появился кривой бродяга с наглой улыбкой, одетый в драную эллинскую одежду.

Андрей хотел отогнать его камнем, но бродяга уверил, что он правой веры; подбежав к Иуде Иссахариоту, он потянул его за рукав:

— Эй, красавчик, купи для своей милой! Дёшево отдам, не пожалеешь!

Он подмигнул единственным глазом и сунул в ладонь Иуды греческую камею.

— Небось, ворованная? — спросил Иуда.

— Через семь дней у старой крепости на дороге в Дамаск, — шёпотом ответил кривой. — Зачем обижаешь, красавчик? Я ворованным не торгую!

Тут Иуда рассмотрел на камее рисунок: объятие Адониса и Астарты.

— Собака! — загремел он. — Как смеешь ты предлагать мне такую мерзость? Прочь от меня!

Он подмигнул кривому и замахнулся на него палкой. Бродяга, *очень испугавшись*, бросился наутёк. Камею, однако, он успел выхватить из рук Иуды. Дело делом, но не пропадать же добру.

Иуда присоединился к друзьям, страшно возмущённый. Но с этого дня он склонился на сторону тех, кто поддерживал иерусалимский проект. Симон Зелот остался в одиночестве.

И дело было решено. Йешуа известил свою мать и всех друзей. Он уходит в Иерусалим.

Перед этим он снова ушёл в горы, где пастухи нашли для него обширную и сухую пещеру. Здесь он молился, принимал вестников и собирал своих друзей.

Незадолго до срока он взшёл с ними на гору.